

МЫСЛИ

narodnykh malorussskikh dumakh
НАРОДНЫХЪ МАЛОРУССКИХЪ ДУМАХЪ.

P. Zhitetskii

GR203
03 26

И. ЖИТЕЦКАГО.

mysli o narodnykh malorussskikh
dumakh

GR
203
.43
26
1893a

(Издание редакціи журнала „Кіевская СТАРИНА“).

INDIANA UNIVERSITY
LIBRARIES
BLOOMINGTON

SOLD BY
CLEVELAND
PUBLIC LIBRARY

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчанъ-Новицкаго, Михайловская ул. домъ № 4.

1893.

222

466040

GR 203
. U 3 Z 6
1893 a

Дозволено цензур. Київ, 23-го февраля 1893 г.

FEB 1 2 1907

1-12-89

3. 7-47

ПАМЯТИ

АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА

КОТЛЯРЕВСКАГО.

2780078

466040

GR 203
. U 3 Z 6
1893 a

Дозволено цензур. Київ, 23-го февраля 1893 г.

FEB 1 2 1907

1-12-89

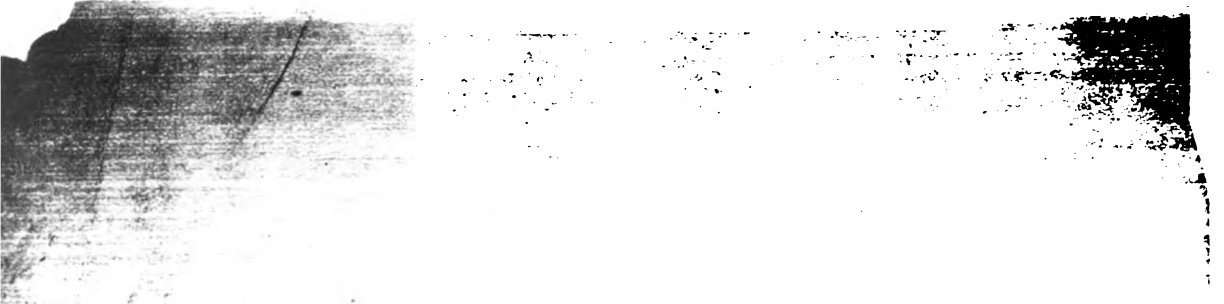
37-47

ПАМЯТИ

АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА

КОТЛЯРЕВСКАГО.

8100812

СОДЕРЖАНІЕ.

I.

Строй рѣчи и поэтический стиль въ народныхъ малорусскихъ думахъ.

СТРАИ.

Вліяніе рифмы на образованіе стиха въ думахъ.—Отсутствіе метрической стопы въ стихотворномъ размѣрѣ думъ.—Неравномѣрность и подвижность стиховъ.—Мелодическій речитативъ въ музыкальномъ исполненіи думъ.—Построеніе предложеній въ думахъ въ связи съ стихотворнымъ размѣромъ ихъ.—Мѣсто сказуемаго въ предложеніи.—Сложное сказуемое въ связи съ второстепенными частями предложенія.—Слитное предложеніе въ связи съ синонимами.—Точность въ изображеніи мѣста и времени дѣйствія.—Нарушеніе рѣчи.—Скопленіе придаточныхъ предложеній.—Инверсія.—Періодическое теченіе рѣчи.—Раздумье въ думахъ.—Лирическое изліяніе чувствъ: обращеніе, проклятiе, молитва.—Элегическій тонъ въ думахъ.—Суровыя краски въ изображеніи степной природы.—Образы битвы и смерти.—Сатирический тонъ въ изображеніи борьбы козаконъ съ поляками.—Ироническое самообличеніе.—Архаизмы въ лексическомъ составѣ думъ.—Рифмованная проза. . . .

1—38

II.

Странствующіе школьники въ старинной Малороссіи.

Дѣакъ въ старинной малорусской школѣ.—Предметы и способы обученія молодыхъ школьниковъ.—*Ман-*

дровами дьяки.—Автобіографія одного язъникъ—Ильи Турчиновскаго.—*Пиворъзы* въ интерлюдіи Митрофана Довгалевскаго.—Отношенія народа къ *пиво-ръзамъ*.—Сатирическія вирши о *пиво-ръзахъ*.—Взаимодѣйствіе народныхъ и книжныхъ вліяній въ старинной малорусской школѣ 39—56

III.

Старинныя малорусскія вирши.

1) *Вирши правоучительнаго содержанія.*

Лѣкарство роскошникамъ того свѣта Кирилла Транивиліона.—Могущество смерти.—Скоротечность жизни.—Тщета благъ міра сего.—Картина страшнаго суда по духовнымъ стихамъ и церковнымъ изображеніямъ.—Религіозныя позырѣнія на семью.—Духовный стихъ о правдѣ.—Мать, какъ символъ правды въ поэтичeskихъ представленіяхъ народа.—Семейная мораль, основанная на чувствѣ родства.—Тоска по родинѣ.—Сиротство.—Добрая и лихая доля 58—78

2) *Вирши живоописательнаго содержанія.*

Рождественскія и воскресенскія вирши. Обрядное славленіе: вирши—орачіи и вирши—колядки.—Изображеніе въ тѣхъ и другихъ виршахъ грѣхопаденія прародителей, поклоненія пастырей и царей родившемуся Спасителю, встрѣчи царей съ Иродомъ и избіенія младенцевъ.—Юмористическій замыселъ и простодушное—напное чувство въ этихъ виршахъ.—Главная тема воскресенскихъ виршей.—Вторженіе общественныхъ мотивовъ въ праздничныя вирши 78—99

Рождественскія и пасхальныя пинтермедіи. Связь вертепной драмы съ праздничными виршами и діалогами всякаго рода. Крестьянинъ въ вертепной драмѣ и въ пинтермедіяхъ: отношенія его къ цыгану, еврею и ярыгѣ. Козакъ въ вертепной драмѣ и въ пинтермедіяхъ: отношенія его къ лаху и москалю. Запорожець въ вертепной драмѣ 99—117

3) *Вирши историческаго содержания.*

Острожскій lamentъ.—Обычная тема въ виршахъ о Богданѣ Хмельницкомъ.—Точки соприкосновенія этихъ виршей съ думами.—*Duma kozackaia* о wojni s kozakami (1651).—Упоминанія о думахъ въ польской и малорусской старинной литературѣ.—Вирши, близкія къ народнымъ пѣснямъ, изъ эпохи гайдамаччины.—Составители этихъ виршей. 117—136

IV.

Отраженіе пѣсенныхъ мотивовъ въ народныхъ малорусскихъ думахъ.

Пѣсни о плѣнникахъ въ неволѣ татарской.—Встрѣча дочери съ матерью.—Дума о Марусѣ Богуславкѣ.—Пѣсни о *рубинныхъ* козакахъ.—Думы о Федорѣ Безродномъ и Ивасѣ Коновченкѣ.—Процессъ переработки пѣсеннаго матеріала въ думы.—Два типа думъ.—Народно-крестьянское и національно-козацкое настроеніе въ думахъ.—Народно-психическая ткань, лежащая въ основѣ думъ.—Творцы думъ, какъ сознательные представители поэтического искусства. . 137—156

V.

Творцы и пѣвцы думъ.

Идея матери-вдовы въ виршахъ, пѣсняхъ и думахъ.—Конструкція стиховъ въ виршахъ и думахъ.—Вымрающій тишъ народного слѣбца-рансода.—Обстановка, среди которой могли появиться творцы думъ: связь между школами и школами въ старинной Малороссіи.—Кобза и бандура.—Войсковые кобзаря или бандуристы.—Паденіе старыхъ формъ жизни на правой и на лѣвой сторонѣ Днѣпра.—Новое поколѣніе пѣвцевъ народныхъ думъ.—Смѣшеніе понятій о пѣснѣ и думѣ.—Пародія на думы. 157—176

**Старинная записъ народныхъ малорусскихъ думъ съ обзоромъ
вариантовъ къ нимъ.**

Описание рукописи А. А. Котляревскаго.— Виѣшніе и внутренніе признаки ея хронологической достовѣрности. Варианты извѣстныхъ уже думъ: 1) Вдова въ городѣ Чечельницѣ (въ Польшѣ); 2) Братъ да сестра; 3) Козакъ прощается съ сестрами; 4) Три брата въ илѣну въ Азовѣ; 5) Три брата самарскіе; 6) Федоръ Безродный; 7) Козакъ Иванъ Коновченко изъ города Черкасъ; 8) Иванъ Богословецъ, гетманъ Запорожскій; 9) Кишка Самыйло; 10) Пвративскій попovichъ Алексѣй. Думы новыя: 1) Атаманъ Матяшъ старый; 2) Вдова Сирка Ивана; 3) Разговоръ Днѣпра съ Дунаемъ. Руководящія начала въ анализѣ текста думъ по разнымъ вариантамъ 177—249.

I.

Строй рѣчи и поэтический стиль въ народныхъ малорусскихъ думахъ.

Всякій разъ, какъ только мы останавливаемся мыслію на той или другой формѣ народной поэзіи, невольно представляются намъ готовыя категоріи, одинаковыя во всѣ времена и у всѣхъ народовъ. Сказка, пѣсня обрядная, пѣсня бытовая и историческая, пословица, заговоръ, загадка—таковы обычныя формы поэтическаго творчества, въ которыя отливается народное міровоззрѣніе съ постоянствомъ и правильностью періодически смѣняющихся явленій природы. Это, можно сказать, общечеловѣческая почва, на которой возникаютъ общія свойства народной поэзіи, общій типъ ея, соотвѣтствующій наивному настроенію народныхъ массъ, проникнутыхъ вѣрою въ чудесное и связанныхъ во всѣхъ проявленіяхъ личной жизни подавляющимъ авторитетомъ преданія.

Но подъ массивными сводами преданія всегда жила личная мысль, вызываемая личными радостями и страданіями человеческого сердца и сопровождаемая безконечной смѣной разнообразныхъ ощущеній, не всегда выражаемыхъ обычными формулами поэтическаго слова. Опираясь на эти формулы, личное творчество создавало новыя приемы и средства поэтической техники для выраженія новыхъ оттѣнковъ мысли, новыхъ движеній чувства. Это была работа вѣковъ, почти незамѣтная для смежныхъ поколѣній: едва пережитый моментъ, не отмѣченный именованьемъ своихъ представителей, не закрѣпленный письмомъ въ памяти потомства, быстро сливался съ прошедшимъ, увеличивая его поглощающую силу.

Такъ сглаживались въ народномъ поэтическомъ творествѣ всѣ промежуточныя линіи до такой степени, что съ перваго взгляда народная поэзія кажется Палладой, вышедшей изъ головы Зевса.

Нужно сказать однако, что личная мысль не всегда опиралась на одну субъективную почву личной жизни. Нерѣдко она соприкасалась съ культурными вліяніями, проникавшими въ жизнь народной массы путемъ столкновенія ея съ другими народами, путемъ заимствованія разныхъ вѣрованій и преданій, которыя на чужой почвѣ имѣли уже литературную форму. Оказывается при изслѣдованіи мѣстныхъ сказаній, что они большею частью занесены изъ разныхъ мѣстъ, подобно оплодотворяющимъ сѣменамъ, которыя разносятся вѣтромъ изъ дальнихъ странъ.

Съ теченіемъ времени на помощь къ личной мысли является организованная сила науки и школы. Правда, не всегда это была зиждительная сила, нерѣдко она подавляла народную самостоятельность. Бывали однако же случаи, когда воспринималась она безъ насилія, безъ ущерба для мѣстныхъ, народныхъ началъ жизни. Тогда появлялись особенныя формы поэтического творчества, народныя по міровоззрѣнію и языку, и въ то же время книжныя по особенному складу мысли и способамъ ея развитія и выраженія. Къ такому сложному роду поэзіи относятся, по нашему мнѣнію, народныя малорусскія думы. Онѣ представляютъ оригинальный плодъ народно-культурнаго творчества.

Считаемъ не бесполезнымъ съ этой точки зрѣнія остановиться на языкѣ и поэтическомъ стилѣ малорусскихъ думъ, въ которыхъ явственно выступаетъ книжный строй рѣчи, доказывающій, что литературная дѣятельность малорусскихъ писателей не прошла безслѣдно для народнаго самосознанія.

Начнемъ съ рифмы и стихотворнаго размѣра думъ.

Прежде всего нужно имѣть въ виду, что въ обыкновенныхъ бытовыхъ пѣсняхъ есть много стихотворныхъ размѣровъ, но въ каждой отдѣльной пѣснѣ разъ принятый размѣръ не измѣняется отъ начала до конца ея. Признакомъ того или дру-

гаго размѣра служить однообразная группа стиховъ, равномерныхъ по объему, т. е. по количеству удареній и даже слоговъ, и связанныхъ между собою рифмой. Рифмуются обыкновенно сосѣдніе стихи, составляя такимъ образомъ стихотворный періодъ, заключающій въ себѣ опредѣленную мысль. Не только періодъ, но и каждый стихъ представляетъ самъ по себѣ нѣчто отдѣльное по смыслу. Поэтому въ чтеніи можно сдѣлать паузу послѣ каждаго стиха, не разрывая представленія въ сознаніи того, кто слушаетъ. Даже внутри стиха извѣстное количество слоговъ, примыкающихъ къ одному ударенію, представляетъ цѣльную синтаксическую единицу. Единство размѣра въ каждой пѣснѣ находится въ связи съ самымъ мотивомъ ея, который представляетъ музыкальное цѣлое, распадающееся на музыкальныя колѣна, при чемъ каждый стихъ и даже полустипшіе соотвѣтствуютъ той или другой части мотива ¹⁾.

Что же мы видимъ въ думахъ?

Видную роль играетъ въ нихъ рифма. Въ угоду рифмѣ иногда являются невозможныя формы словъ, напр.:

¹⁾ Въ послѣднее время выдвинуто въ наукѣ значеніе мотива въ построеніи пѣсеннаго размѣра. Нѣкоторые выводятъ размѣръ пѣсни изъ ритма, т. е. изъ музыкальнаго начала, отрицаютъ всякое значеніе ударенія. „Метрическую точку зрѣнія русской народной поэзіи, говоритъ Вестфаль, нельзя назвать количественною, но она и не качественная (тоническая). Ее слѣдуетъ назвать музыкальною, такъ какъ ритмическія ударенія русской пѣсни опредѣляются только наизвомя, и ничѣмъ не могло бы быть оправдано предположеніе, что русская пѣсня опиралась нѣкогда на другое основаніе“. (О русской народной пѣснѣ, Русскій Вѣстникъ, 1879 годъ, Сентябрь). Дѣйствительно, мотивъ представляетъ нѣчто болѣе устойчивое, чѣмъ слова пѣсни, и нельзя отрицать громаднаго вліянія мотива на размѣръ стиха, особенно въ пѣсняхъ обрядныхъ.

Но въ изслѣдованіи Вестфала о русской народной пѣснѣ дѣло представляется такъ, будто бы пѣсня состоитъ не изъ словъ, а изъ однихъ нечленораздѣльных звуковъ. По нашему мнѣнію, нельзя игнорировать словъ пѣсни, въ которыхъ выражается мысль, распадающаяся на отдѣльные моменты, отиѣченные логическимъ, или, лучше сказать, ритмическимъ удареніемъ. Если и трудно допустить обратное вліяніе стихотворнаго размѣра на музыкальный, то, во всякомъ случаѣ, нельзя отрицать соглашенія между тѣми и другими, которое достигается при исполненіи пѣсни, то растяженіемъ гласныхъ звуковъ, то эфонической вставкой междуметій и союзовъ. Это общіе приемы въ народной поэзіи, посредствомъ которыхъ стихотворный размѣръ пѣсни какъ бы отстаиваетъ свою самостоятельность при столкновеніи своемъ съ мотивомъ ея.

«Тес промовляе,
Виттила лобинае».

(Дума о побѣдѣ трехъ братьевъ изъ Азова) ¹⁾.

«Ивась Коновченко молодого (козака) совстричае,
Стременемъ у груди поторкае».

(Д. объ Иванѣ Коновченкѣ) ²⁾.

«Старого козака конемъ побывае,
Меншого пидъ ноги затоптае».

(Д. объ Иванѣ Коновченко) ³⁾.

Нужно сказать впрочемъ, что, при всемъ пристрастїи въ рифмѣ, слагатели думъ не особенно заботились объ ея обработкѣ. Цѣнилась только та рифма, которая сама, такъ сказать, напрашивалась въ стихъ. Большею частїю это глагольная рифма, неразнообразная и вообще скудная. Тѣмъ не менѣе она оказывала значительное вліяніе на образованіе самаго стиха въ думахъ. Вообще, какъ только появлялась въ ходѣ разсказа рифма, она тотчасъ выдѣляла стихъ:

«Первый старшій мижъ ными пробуае—
Кишка Самийло, гетьманъ запорожскій,
Другой—Марко Рудый,
Судья войсковый,
Третій Мойсїй Грачъ,
Войсковый трембачъ».

(Д. о Сам. Кишкѣ) ⁴⁾.

Четвертый и шестой стихи образовались подъ вліяніемъ рифмы, тогда какъ аналогическое приложеніе „гетьманъ запорожскій“ не составляетъ отдѣльнаго стиха, потому что не заключаетъ въ себѣ рифмы.

Непреднамѣренное и какъ бы случайное появленіе рифмы было до извѣстной степени причиной неравномѣрности самихъ стиховъ. Нѣчто подобное мы видимъ въ бытовыхъ пѣсняхъ:

¹⁾ Историч. пѣсни малор. нар. Антонов. в Драгом. I, 110.

²⁾ Малорос. дум. и пѣс. Лук. 43.

³⁾ Рукопис. сборникъ народ. малорус. пѣсень.

⁴⁾ Малорус. дум. и пѣс. Лук. 15.

«Годи, маты, жалуваты. годи, маты, годыты:
 Присялы мене диты,
 Якъ калыночку квити....
 Годи, маты, жалуваты:
 Було мене, маты, не видданаты:
 Було мене маленькою дытыною цидъ червоною калыною
 поховаты» ¹⁾).

Здѣсь количественное однообразіе стиховъ подрывается рифмой, совпадающей съ законченностью отдѣльных моментов мысли, причемъ дается предпочтеніе глагольной рифмѣ, которая отгѣняетъ эти моменты. Но, собственно говоря, это не пѣсенный размѣръ: онъ составляетъ органическую принадлежность думъ, и возникъ онъ въ думахъ, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи, подъ иными вліяніями. Обыкновенно въ думахъ рѣдко встрѣчаются стихи равномѣрные по объему: есть стихи болѣе чѣмъ въ сорокъ слоговъ, и стоятъ они нерѣдко рядомъ съ стихами въ семь, восемь слоговъ, напримѣръ:

- (41) «Эй не зъ гора—быды мойму пану Барабашу
 скотилося на сланний Украини зъ кумомъ
 своимъ Хмельныцькымъ вельки бенкеты всцпанаты!
 (13) На щобъ имъ кралевськи лысты у двохъ чытаты?
 (8) Не лучче бъ имъ изъ Ляхамы,
 (7) Мостывымы панамы,
 (15) Зъ упокоемъ хлибъ-спль вичныи часы ужываты»?
 (Д. о Хмел. и Бараб.) ²⁾).

Иногда стихъ въ двадцать слоговъ стоитъ рядомъ съ десятисложнымъ, и этотъ послѣдній съ пятисложнымъ и четырехсложнымъ:

- (20) «Да ставъ же братъ найменшый, пшый пихотынецъ, зъ
 байракивъ прыбитаты,
 (10) Ставъ виты тернови знакожаты.
 (5) У руки бере,
 (4) Къ сердцю владе.

¹⁾ Чуб. V. 564.

²⁾ Народ. эжворус. пѣсн. Метл. 333.

(7) Словами промовляе

(7) И слёзами рыдае

(Дума о побѣдѣ трехъ братьевъ изъ Азова)¹⁾.

Каждый стихъ думы, каковъ бы ни былъ онъ по своему объему, заключаетъ въ себѣ одно риторическое удареніе.

Отсюда ясно, что въ стихѣ думы нѣтъ стопы, такъ какъ каждый изъ нихъ равняется отдѣльной стопѣ²⁾. Въ помощь ударенію для болѣе отчетливаго различенія одного стиха отъ другаго является рифма, причеиъ одна и та же рифма соединяетъ иногда болѣе десятка стиховъ. Такимъ образомъ, въ думахъ стопа какъ бы расширена до стиха, или, лучше сказать, она поглощается стихомъ, какъ въ аглютинирующихъ языкахъ предложеніе поглощается словомъ,—поэтому въ стихѣ думы нѣтъ надлежащей расчлененности, за то онъ представляетъ нѣчто болѣе массивное, чѣмъ обыкновенная пѣсенная стопа. Стихъ думы иногда возрастаетъ до того, что мы имѣемъ въ немъ вполне развитую и законченную мысль, въ чемъ легко убѣдиться изъ приведенныхъ выше примѣровъ. Стихъ этотъ связывается со многими другими стихами болѣею частью однообразной рифмой, поэтому отъ цѣлаго ряда такихъ стиховъ получается впечатлѣніе текучей, плавной рѣчи, которая привлекаетъ вниманіе слушателя не столько внѣшней постройкой, сколько содержаніемъ своимъ. Давно уже называютъ этотъ размѣръ мѣрною прозою, и дѣйствительно, отсутствіе въ немъ мелкихъ единицъ обыкновеннаго стихотворнаго размѣра и полная свобода въ построеніи приближаютъ его къ одушевленной рѣчи оратора, который незамѣтно для самаго себя почувствовалъ въ своемъ произношеніи мѣрное теченіе рѣчи. Само собою понятно, что это такого рода стихотворная мѣра, которая не можетъ стоять въ полной зависимости отъ музыкальнаго ритма. Извѣстно, что всѣ думы поются однимъ напѣвомъ, чрезвычайно типичнымъ, но по музыкальному рисунку очень

¹⁾ Записки о Южн. Руси. Кулиша I 35.

²⁾ Мы разумѣемъ тоиико - риторическую, а не тоиико - метрическую стопу, принятую въ литературномъ стихосложеніи.

незаключительный¹⁾. Налѣвъ этотъ есть ничто иное, какъ мелодическій речитативъ, которому дается экспрессія, сообразная съ смысломъ стиха, то живая и быстрая, то спокойная и медленная. Кромѣ того, пользуясь подвижностью стиха, для котораго не обязательна соразмѣрность частей, обусловленныхъ однообразною правильностью музыкальнаго такта, исполнитель думы является истолкователемъ стиха, сообщая ему то или другое выраженіе, сообразно съ настроеніемъ собственнаго чувства. Отсюда лирический, страстный тонъ, который вноситъ особую задумчивость въ музыкальное исполненіе думы.

Такимъ образомъ, стихотворная форма думы находится въ полномъ соотвѣтствіи съ ея внутреннимъ строемъ, который выражается самымъ названіемъ ея.

Въ думѣ передается *продуманный* рассказъ о событіи, и оттого поэтическая рѣчь думы требуетъ такого стиха, который бы безусловно принадлежалъ мысли, который бы отзывался на всѣ ея малѣйшія требованія.

Всмотримся въ эту рѣчь.

Мы видѣли изъ предыдущихъ примѣровъ, что въ думахъ преобладаетъ глагольная рифма, и что она оказала свое вліяніе на построеніе стиха. Понятно отсюда и вліяніе ея на построеніе предложеній: заканчивая стихъ, она заканчиваетъ и предложеніе, которое получаетъ вслѣдствіе этого особенный видъ, существеннымъ образомъ отличающій его отъ обыкновеннаго предложенія, гдѣ сказуемое не отодвигается отъ подлежащаго къ самому концу. Любимой формой сказуемаго является въ думахъ сказуемое сложное съ глаголами: *маты, статы, моиты, буты* (последній только въ будущемъ времени и изрѣдка во 2-мъ или 3-мъ лиц. единств. числ. настоящ. времени).

Ой радъ бы я до тебе прыбуваты,
Та не знаю, сестро, де тебе *шукать* уже *мать*.
(Д. о сестрѣ и братѣ)²⁾.

¹⁾ О незначительныхъ видоизмѣненіяхъ этого налѣва см. „Кіевская Старина“ 1888 г. Июль. Приложеніе.

²⁾ Рукопис. сборникъ народ. малорус. пѣсень.

Можно было просто связать: *шукаты*, — рифма не была бы нарушена, но глаголь *маты* въ данномъ случаѣ имѣетъ болѣе стилистическое, чѣмъ синтаксическое значеніе.

Чаще всего употребляется въ сложныхъ сказуемыхъ глаголь *статы* при другомъ глаголѣ въ несовершенномъ видѣ:

«*Статы* сыны до розума докожаты,
Статы соби молоде подружка *маты*,
Статы свою матирь ридненьку, вдову стареньку, зневажаты».

(Д. о вдовѣ и трехъ сироткахъ) ¹⁾.

Такимъ образомъ, дѣйствіе, расширенное до неопредѣленныхъ границъ, ограничивается. ибо придается ему начинательный оттѣнокъ.

Глаголь *моты* употребляется иногда въ томъ же значеніи, какъ и *буты*.

«Иды ты, маты, въ свий домъ пробуваты:
Можемъ мы тебе за матку стареньку почитаты».

(Дума та-же).

Но болѣею частію этотъ глаголь въ соединеніи съ *бы* сообщаетъ дѣйствию условное значеніе:

«Ой *могла-бы* мене отцева — паниматчына молитва на Черному морі рятуваты,
Уже бъ я знавъ, якъ свою матирь шануваты, поважаты»

(Д. о бурѣ на Черномъ морі) ²⁾.

Особенно любопытна форма сказуемаго съ 3-мъ лиц. един. чис. наст. врем. вспомог. глагола *естъ*, который соединяется не только по старинному съ спрягаемымъ причастіемъ на *аъ*, но и съ наст. времен. изъявит. наблон.:

«Не *естъ* се насъ шаблы турецька *порубали*.
Не *естъ* се насъ пули янычарьска *постреляли*.
А *естъ* се отцева и паниматчына молитва *покирили*».

(Д. о смерти трехъ братьевъ) ³⁾.

«*Сеестъ* давний бидный невольныкъ. Кишка Самийло, *пзъневоли утукде*».

(Д. о Самийлѣ Кишкѣ) ⁴⁾.

¹⁾ Народ. южно-рус. пѣсни, Метлинск. 345.

²⁾ Истор. пѣсни малор. нар. Антон. и Др., I, 184.

³⁾ Сборн. украинск. пѣсень Максимовича. 1848 г., 18.

⁴⁾ Ibidem, 47.

При помощи *есть* въ обоихъ примѣрахъ сказуемое выдвинуто на первый планъ: одною частію его начинается предложеніе, а другою заканчивается.

Обыкновенно составныя части сложнаго сказуемаго разъединены въ предложеніи: между ними стоитъ подлежащее съ второстепенными частями предложенія. Нельзя не видѣть въ этомъ стремленіи замкнуть мысль въ одно неразрывно цѣльное предложеніе.

Особенно рельефно это стремленіе выдается въ предложеніяхъ сложныхъ.

Рука наша не *здойметься*,
Сердце ваше не *зосмыльтеся*,

Булатна шабля не *йме* тебе, *наименшого брата, рубить*.
(Д. о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова) ¹⁾.

Предъ нами три подлежащихъ и три сказуемыхъ, ибо каждый изъ личныхъ глаголовъ имѣетъ смыслъ только при своемъ подлежащемъ. Но всѣ эти глаголы тянутъ къ одному центру—неопредѣленному наклоненію, которое соединится съ каждымъ изъ нихъ, какъ необходимый моментъ мысли и рѣчи, поэтому мы имѣемъ не три независимыхъ предложенія, но одно слитное особенной, искусственно-риторической постройки, съ выдвинутымъ центромъ рѣчи, которая вслѣдствіе этого представляетъ строгое единство мысли.

Изъ того же логическаго начала вытекаетъ особенная склонность къ употребленію слитнаго предложенія, въ которомъ однородныя повторяющіяся части связываются обыкновенно однимъ узломъ. Слитное предложеніе мы видимъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда нужно описать предметъ со всѣми его признаками и особенностями или разсказать о явленіи въ послѣдовательномъ порядкѣ смѣняющихся моментовъ.

Встрѣчаются слитныя предложенія значительныхъ размѣровъ:

«И вже мени не честь, не подоба, по рпллямъ спотыбаты,
йКовтихъ чобить калыты.

¹⁾ Запорожская Старина, Срезневскаго, I. 53.

Дорогъ свину выломъ набываты,
 А хочеться мени, мати,
 Пить шидь городъ Тягину гулаты,
 Славы —лицарства доставаты»

(Д. объ Иванѣ Коновченкѣ) ¹⁾.

Иногда въ формѣ одного слитнаго предложенія развертывается широкая картина. Такъ, въ одномъ изъ вариантовъ думы объ Иванѣ Коновченкѣ весь подвигъ героя выражень въ формѣ слитнаго предложенія, заключающаго въ себѣ 14 глагольных сказуемыхъ.

«Тогда жь то Ивась Удовыченко, мѣъ одъ Хвылова, Корсуньского полковныка, благословенне ырынимаваъ,
 Самъ на добраго коня сѣдаваъ,
 Мѣждо козацьбымы табурамы пробѣгаваъ,
 Шлыкъ пѣъ себе скидаваъ,
 Хрестъ на себе злагаваъ,
 Отцеву й матчыну молытву спомынаваъ,
 Изъ усякымъ козакомъ сердечне прощенне мавъ.
 Старого козака риднымъ отцемъ узываваъ,
 На турецьки табуры пробѣгаваъ,
 Турецьки наметы поперевертаваъ,
 Турокъ пѣатдѣсѣть шидь мичъ узяваъ,
 Дѣвѣтеро живцемъ извѣзѣваъ,
 Передъ Хвылона, корсуньского полковныка, въ наметъ
 прыставляваъ» ²⁾.

Въ грамматическихъ свойствахъ слитнаго предложенія заключается важная стилистическая особенность малорусскихъ думъ. Мы разумѣемъ пзобиліе въ языкѣ думъ всякаго рода синонимовъ, входящихъ въ составъ слитнаго предложенія. Больше всего въ думахъ глагольныхъ синонимовъ. Они воспроизводятъ всѣ отбѣнки дѣйствія или усугубляютъ идею его до такой выразительности, что оно становится для сознанія не только очевиднымъ, но и необходимымъ фактомъ. Таковы, напр., глагольные синонимы въ выраженіяхъ: *прошлы* та *благалы*, *знае-видае*,

¹⁾ Украин. народ. пѣсни Максимъ мча, 1834, I, 53.

²⁾ Народн. южнор. пѣсни Меглян., 419—420.

плаче-рыдає, бижыть-підбитає, живе-прокыває, кляне-проклинає, кылыть-прокылає, грає-выграває, или же въ слѣдующемъ четверостишіи:

«Отець да й маты старшого сына кляне прокынає,
Изъ очей зымає,
Середульшого сына шыть, жалує, поважає,
За юстя прыммає».

(Д. о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова) ¹⁾.

Не такъ часто употребляются синонимическія существительныя и прилагательныя: *сриб.ю-злато, кумы-побратымы, кайданы-залызо*, (молитва) *отцева-матчына*, (душа) *козачыка-молюдечка*. Тѣмъ не менѣе дѣйствующія лица всегда обрисовываются въ думахъ достаточнымъ количествомъ опредѣлительныхъ словъ и такъ называемыхъ, приложений, напр.:

«Іяхъ Бутурлакъ,
Клюшныкъ галерський,
Сотныкъ переславський,
Недовпрокъ хрыстьянський».

(Д. о Сам. Кншкѣ) ²⁾

Еще рѣже встрѣчаются синонимическія нарѣчія: *рано-пораненьку, мало-трохы-небагато, тяжко-важко, смутно-жалыбно* и т. п. Впрочемъ, мѣсто, время и другія обстоятельства, сопровождающія дѣйствіе, всегда опредѣляются въ думахъ самымъ точнымъ образомъ. Вотъ примѣры:

«Тры брата ридненьки,
Якъ голубоньки сывеньки,
Изъ юрода, изъ Азова, зъ тяжкою неволи, у землю хрыстьянську,
до батьки, до матери, до роду утикали».

(Д. о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова) ³⁾.

«Робылося те дило въ суботу, проты воскресенія, по заходѣ сонця»

(Д. объ Іванѣ Кошовчкѣ) ⁴⁾.

«Якъ одъ Кумисцины ти до Хмельныцины,

¹⁾ Истор. пѣсня малорус. народа, Авт. и Драгом. I, 113.

²⁾ Малор. думы и пѣсни Лукашевича, 15.

³⁾ Ibidem, I, 106.

⁴⁾ Кіевскій Телеграфъ, 1875, № 59.

*Якъ одъ Хмельныццмы, та до Браццмы,
Якъ одъ Браццмы, да й до сего жъ то дня,
Якъ у земли кравецький да добра не було».*

(Д. о возстаніи козако̄въ при Хмельн.)¹⁾.

Тонъ выписанныхъ нами отрывковъ строго-историческій и, такъ сказать, документальный. Во многихъ думѣхъ эта документальность доходитъ до того, что кажется, будто инныя фразы цѣликомъ взяты изъ какого-нибудь историческаго памятника. Въ думѣ, напримѣръ, о Семенѣ Палиѣ Мазепа

«о короля шведського такъ речи промовляе:

«Королю Шведський, добродію, найснийшый мий пане»²⁾.

Слова Мазепы какъ будто бы внесены въ думу изъ офіціального письма его къ королю шведскому.

Этотъ, можно сказать, историческій реализмъ въ изображеніи явленій жизни сообщаетъ во многихъ случаяхъ языку думъ прозаическую реальность, которая встрѣчается обыкновенно въ дѣловой рѣчи писателя, обдумывающаго и исправляющаго каждую фразу своего сочиненія сообразно съ требованіями грамматической логики. Особенно рѣзко выступаетъ прозаическій складъ рѣчи при наращеніи ея, когда необходимо бываетъ повторить тѣ или другія слова и выраженія, чтобы устранить всякую сбивчивость въ пониманіи того, что сказано выше. Вотъ одинъ изъ многихъ примѣровъ:

«Ой на Чорному мори,

На билому камені,

Ой то тамъ сидыть исенъ сокиль—билозерець....

На святее небо, на Чорнее море псыльно поглядае,

Що на святому неби, на Чорному мори, не гараздъ починое:

На святому неби уси звизды потьмарило.

Половина мисяци у тьму уступило,—

На Чорному мори не гараздъ починое:

Изо дна мори сильно хвилы вставае,—

Судна козацьки, молодецьки на тры часты розбивае».

(Д. о бурѣ на Черномъ морѣ³⁾).

¹⁾ Записки о Южной Руси Кулиша. I, 56.

²⁾ Максимовичъ. Сборникъ украин. пѣсень. II, 1843 г.

³⁾ Записки юго-западнаго отдѣла географ. общ. I, 3.

Видно усиліе мысли выразительно указать на то, что происходило на небѣ и на морѣ.

Послѣ общаго замѣчанія, что и тамъ, и здѣсь „не гараздъ починае“, идетъ разграниченіе, что именно происходило на небѣ, и что на морѣ,—разграниченіе, которымъ и объясняется самое повтореніе словъ обстоятельственныхъ мѣста.

Тотъ же прозаическій складъ рѣчи слышится въ употребленіи придаточныхъ предложеній. Они свопляются иногда въ такомъ изобиліи, которое далеко переходитъ за предѣлы необходимости.

Безсоюзная рѣчь встрѣчается рѣдко; наоборотъ, даже независимыя предложенія снабжаются союзами, посредствомъ которыхъ обыкновенно соединяются придаточныя предложенія съ главными, напр.:

*Мъ иде украинський козакъ, то ѝ корчму мынае,
А жыдъ выбигае,*

Та украинського козака за чубъ хватае».

(Д. о возстаніи козак. при Хмельн.)¹⁾

*«А якъ то бувъ жыдъ Ликель,
То винъ коло школы пожоае,
Та по школи плаче-рыдае».*

(ibidem).

Отношенія придаточныхъ предложеній къ главнымъ не совсѣмъ сходны съ тѣми, какія мы видимъ въ обыкновенной рѣчи. Случается нерѣдко, что они вовсе не стоятъ въ непосредственной связи съ главными предложеніями, напр.:

«А сребро-злато на три часты наувалы:

Первую часть бралы,

На церкви накладалы,

На святого межгорського Спаса,

На Терехтемыровський манастырь,

На святую спчовую Покровъ давалы,

Котри давниитъ козацькымъ скарбомъ будовалы,

Щобъ за ихъ, вставаючы и лягаючы, мылосердного Бога благалы».

(Д. о Сам. Кншкѣ)²⁾

¹⁾ Историч. пѣсни малорус. народа, Антоп. п Драг., II, 25.

²⁾ Малорус. зумы и пѣсни, Лугашевича, 26.

Въ думяхъ гораздо чаще встрѣчается, такъ называемая, инверсія, чѣмъ въ обыкновенныхъ пѣсняхъ. Сравнимъ слѣдующія синтаксическія построенія:

«Есть у мене Иванъ Луговскій,
Который у мене двадцать лѣтъ за джуру пробувавъ,
Вся мой козацьки звычай познавъ».

(Д. о смерти Б. Хмельницкаго) ¹⁾.

Здѣсь главное предложеніе соединено съ придаточнымъ обыкновеннымъ способомъ.

«Который чоловікъ отци своего, матирь, штыть-поважае,
Тому Богъ во всякій часъ помагае».

(Д. о вдовѣ и трехъ сироткахъ) ²⁾.

Здѣсь изъ главнаго предложенія косвенное дополненіе (чоловикови) передвинуту въ придаточное, гдѣ уже является оно подлежащимъ.

«А который чоловікъ отцеву и матчыну молитву штыть-поважае,
То отцева-матчына молитва зо дна мори выплае».

(Вариантъ той же думы) ³⁾.

Здѣсь подлежащее главнаго предложенія сдѣлалось прямымъ дополненіемъ придаточнаго, которое тоже образовалось изъ косвеннаго дополненія предложенія главнаго, какъ и въ предыдущемъ примѣрѣ.

«Якъ почалы друзи, напове — молодци, жывивъ та ляхивъ зъ
Украины згонаты,
Та въ которого не було дранои, певирнои кожушыны,
То й той надивъ жывивськи кармазыны».

(Д. о возстаніи козаковъ при Хмельницкомъ) ⁴⁾.

Союзъ *то* долженъ былъ бы стоять въ началѣ втораго стиха, но въ замѣнъ *то* стоитъ *та* для связи съ первымъ придаточнымъ: причина въ томъ, что главное предложеніе отдѣлено отъ сопоставляемаго съ нимъ придаточнаго другимъ

¹⁾ Народныя южно-русскія пѣсни. Метлинскаго, 397.

²⁾ Ibidem, 354.

³⁾ Ibidem, 394.

⁴⁾ Историческія пѣсни малорус. нар. Ант. и Драг., II, 26.

придаточнымъ, включеннымъ въ главное тоже путемъ инверсии. Такихъ примѣровъ въ думaxъ множество, но мы выпишемъ еще одинъ для того, чтобы уяснить для себя стилистическое значеніе такого построенія рѣчи.

«Де булы въ поли стежки, дорижки,
Волоськымы головамы повымощувавъ;
Де булы въ поли глыбоки долины,
Волоською кровью повыповнивавъ».

(Д. о походѣ Хмельницкаго въ Молдавію) ⁴⁾.

Исходною точкою мысли было намѣреніе выразить, что *есть* „стежки и дорижки повымощувавъ“, поэтому придаточное предложеніе ставится на первый планъ, прямое дополненіе главнаго предложенія аттрагируется, превращаясь въ субъектъ придаточнаго, отчего придаточное получаетъ ббльшую независимость и выразительность. Повидимому, въ этомъ и заключается причина широкаго распространенія въ думaxъ инверсии и аналогическихъ съ нею оборотовъ рѣчи.

Само собою разумѣется, что постоянное употребленіе сложныхъ предложеній, переполненныхъ предложеніями придаточными и всякими пояснительными словами, въ родѣ описательныхъ выраженій (*словами промовае, слезами рыдае, добре дбае*), замедляетъ теченіе рѣчи. Она дѣлается тягучею и, что особенно важно, вполне соотвѣтствуетъ логическимъ требованіямъ мысли, которая стремится къ выраженію всестороннему, законченному. Оттого въ думaxъ преобладаетъ, такъ называемая, періодическая рѣчь. Встрѣчаются часто образцовые періоды, какъ будто бы составленные по всѣмъ правиламъ риторическаго искусства: только неподдѣльная искренность, присущая народному слову, заставляетъ вѣрить, что эти періоды созданы народомъ, а не написаны рукою опытнаго стилиста.

Чтобы не разбрасываться въ массѣ матеріала, для выясненія нашей мысли выпишемъ нѣсколько стиховъ изъ думы о сестрѣ и братѣ.

Содержаніе ея очень простое.

⁴⁾ Народныя южно-русскія пѣсли, Метлицкаго, 394.

Сестра просить брата, чтобы онъ провѣдалъ ее на чужой сторонѣ. Братъ отвѣчаетъ отказомъ, потому что онъ живетъ

«За темными лугами,
За широкими полями,
За быстрыми рѣками».

Снова слышенъ голосъ сестры, сопровождаемый слезами:

«Прибуди же ты до мене:

Темныи луженьки ясненькымъ соколенькомъ перелеты,
Широкия поля малымъ—невельчкымъ перепеленькомъ перейды,
Быстрыи рѣченьки и озера билымъ лебеденькомъ переплывы,
Сядь-нады у моймъ двори сывымъ голубенькомъ,

Головку склоны,
Жалибненько загулы,
Нехай я буду выхождаты,
Ой по голосу познаваты,
И на хлѣбъ, на силъ заклыкаты,
И на здоровья тебе, брате, буду пытаты».

Братъ снова отвѣчаетъ отказомъ:

«Сойды, ты, сестро, до тыхого Дунаю,
Возьмы ты, сестро, писку у билу ручку,
Посий ты, сестро, на каменю:
Колы той буде писокъ на билому камени зпхожаты,
Сынимъ цвитомъ процвитаты,
Хрещатымъ барвинкомъ биленькый камень устылаты,
Разнымъ краснымъ цнтамы украшаты:
Тоди, сестро, буду до тебе въ гости прыбуваты,
Твого жыття пры бидности доглядаты».

Тогда поняла сестра, что никогда уже не увидитъ она брата,—и вотъ изливаетъ она свое горе въ трогательной жалобѣ на безпріютное положеніе свое среди чужихъ людей:

«Якъ у нашего отця тай маткы, говоритъ она, пылы та пдаты
Тоди насъ и кумы, и побратымы добре зналы,
А якъ насъ прышыбла недобра годына;
Одцуралася насъ близькая и далекая, вся названая сердешная
родына!

Тяжко, каже, братику.....

Якъ птицы пернатый въ чыстихъ поли безъ дрова вочуваты,
 Якъ тяжко, та важко живый рыба безъ воды прожываты,
 Якъ тяжко та важко билый камень зъ сырон земли проты себевзваты:
 Ой такъ тяжко та важко на чужий стороны безъ кровной родины
 помираты¹⁾.

Мысль о томъ, что братъ не можетъ преодолѣть препятствій, лежащихъ на пути къ сестрѣ, выражена въ аллегорической формѣ дѣйствій, которыя должна совершить сестра, чтобы убѣдиться въ безвыходномъ своемъ положеніи. Первое дѣйствіе сестры обусловливаетъ слѣдующее за нимъ, которое въ свою очередь служить условіемъ для послѣдняго. Мы имѣемъ, такимъ образомъ, стройный *последовательный* періодъ, въ которомъ всѣ члены состоятъ въ тѣсной и неразрывной связи между собою, и въ то же время каждый изъ нихъ представляетъ совершенно законченное цѣлое. Въ заключительныхъ словахъ сестры мы имѣемъ періодъ, такъ называемый, *противительный*, съ правильнымъ чередованіемъ повышенія и пониженія, изъ коихъ каждое распадается на два члена, при чемъ цѣлый рядъ синонимическихъ опредѣленій въ послѣднемъ членѣ усиливаетъ впечатлѣніе главной мысли,—а также *сравнительный* періодъ, не уступающій предыдущему по красотѣ и отчетливости рисунка, по полнотѣ и законченности выраженія.

Вся эта дума заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ обобщеній, вызывающихъ въ сознаніи слушателей размышленіе о судьбѣ людей, заброшенныхъ на чужую сторону, объ одиночествѣ и горькой долѣ ихъ вдали отъ своего рода-племени. Отъ народной малорусской думы именно вѣдетъ *думой* пѣвца, которая располагаетъ слушателей къ размышленію, къ раздумью. Нерѣдко въ самомъ концѣ думы пѣвецъ прерываетъ нить своего разказа, чтобы высказать свою мысль. Въ одной думѣ семейнаго содержанія рѣчь идетъ о томъ, что „лихий отчымъ“ прогналъ пасынка своего изъ дому. Скрѣпя сердце, покорилась участи родная мать его. Пошелъ козакъ на чужую сторону, женился тамъ, но мысль о матери не оставляла его. Ъдетъ онъ на родину, чтобы провѣдать старую мать.

¹⁾ Заниски о вѣжной Руси, Кулиша, т. I, 24, 28.

Далѣ продолжаемъ словами думы:
 «Ставь второй отецъ — названный на зустрічь его выхожати...
 Отъ же то, панове-молодци, якъ же то Господь чоловіковъ
 прививъ,

Що зъ чужой стороны далекой przyбувавъ,
 Свою матирь старую пры смерти заставлявъ!
 Скоро его стара маты на божий постели вадрила,
 На свое лице христьянске крестъ соби положила:
 «Чого жъ я бажала, того и дождала,
 Сына свого пры смерти въ вичи повыдала!»¹⁾

Иногда въ самомъ началѣ думы пѣвецъ высказываетъ общую мысль, которую затѣмъ развиваетъ въ послѣдовательномъ ходѣ разсказа. Такъ начинается, напримѣръ, дума о семейной жизни козака:

«Не одинъ козакъ самъ соби шкочу шкочывъ,
 Що видъ молодой жинки у вийсько ходывъ»²⁾.

Иногда дума начинается вопросомъ, въ которомъ собственно и заключается основная мысль ея. Таково, напримѣръ, начало думы о возстаніи козаковъ послѣ бѣлоцерковскаго мира:

«Ой чы гараздъ, чы добре нашъ гетьманъ Хмельныцький почынавъ,
 Що изъ лахамы, пѣз мостывыми панамы, у Виллїи церкви замырывъ?»³⁾

Иногда непосредственно за вопросомъ слѣдуетъ и отвѣтъ. Такъ, въ думѣ о Семенѣ Палиѣ, цари и князи, съѣхавшись въ городѣ Лебединѣ,

«Велькымъ дивомъ дивовали,
 Одыць до едного словами промовляли:

«Про що то, панове, у земли христьянськой не стало порядку
 ставаты?»

— «Про то, панове, що стали проклятыи бусурмане христьянъ
 братамы вазываты».

— «Хто жъ тее зачынавъ?»

— «Начынавъ тее проклятыи Мазепа...»⁴⁾

¹⁾ Чубис. V, 849—850.

²⁾ Записки о Южной Руси, Куляша, I, 215.

³⁾ Ibidem, I, 51.

⁴⁾ Сборн. украин. пѣсень, Максимовича, 1849 г.

Раздумье царей и князей („великымъ дивомъ дывовалы“) изображено въ самомъ процессѣ его выраженія, т. е. въ со-вѣщаніи ихъ между собою.

Вообще въ думахъ дѣйствующія лица изображаются людьми размышляющими, думающими.

«Ставь Алканъ-наша дороги напытен пыты-пидпываты,
Ставы умыслы козацьку голову кляшныка розбываты»...

(Д. о Сам. Книгъ)¹⁾

И затѣмъ слѣдуетъ изображеніе самихъ умысловъ. Пѣвецъ любитъ заглянуть въ душу своихъ героевъ:

«Зажурылася Хмельницького сидая голова,
Що пры ёму ни сотныкывъ, ни полковникывъ нема:
Часть прыходьты умираты,
Никому порады даты!»²⁾.

Такъ начинается дума о смерти Богдана Хмельницкаго.

Мысль о смерти выводитъ пѣвецъ изъ души самого Хмельницкаго. Эта мысль и есть движущая сила всей козацкой рады, которая изображается въ думѣ.

Не всегда спокойно думаютъ герои думъ. Напротивъ того, въ ихъ размышленіяхъ большею частію прорывается горячее чувство. Не всегда спокоенъ и пѣвецъ, изображающій своихъ героевъ. Онъ принимаетъ слишкомъ живое участіе въ судьбѣ ихъ. Онъ радуется, когда они торжествуютъ, и страдаетъ, когда они гибнутъ. То и другое настроеніе заставляеть его отступать отъ обыкновеннаго теченія рѣчи.

Иногда пѣвецъ какъ-будто бы не находитъ словъ для выраженія чувствъ, которыя подавляютъ его героевъ, и потому является невольнo у него тотъ оборотъ рѣчи, который въ учебникахъ риторики извѣстенъ подъ именемъ фигуры *умолчанія*. Вотъ какъ изображаетъ онъ, напримѣръ, смерть въ степи одного изъ трехъ братьевъ, бѣжавшихъ изъ азовской неволи. Пзмученный бѣглець

«До Осавуръ-могылы прыбувае,
На Осавуръ-могылу зихожае,

¹⁾ Малорус. думы и пѣсни, Лукашевича, 19.

²⁾ Сборн. украин. пѣсн. Максимовича, 1849, 44.

Тамъ соби безпечне девьтого дня спочывокъ мае,
Девьтого дня зъ неба воды—погоды выжыдае».

На девьтый день пришлось ему «на безвидди, на безхлибьн
погыбаты:

«Девьять день, говоритъ онъ, хлиба въ устахъ не маю
На безвидди, на безхлибьн погыбаю...

Туть тее промовлявъ»...

Не стало словъ у умирающаго, и пѣвецъ спѣшитъ къ
изображенію самаго момента смерти:

«Не чорна хмара налитала,

Не буйни витры винулы,

Якъ душа козацька-молодецька зъ тиломъ розлучалась¹⁾.

Но пѣвецъ не ограничивается внѣшними подробностями
картины: онъ вводитъ въ нее самого себя, собственное свое
настроение. Тяжело представить ему одинокую смерть козака,
не оплаканнаго отцемъ и матерью, и вотъ онъ въ другомъ
варіантѣ той-же думы воспроизводитъ похоронный плачь соб-
ственной души своей въ жалобномъ кукованьи „сывои зозули“,
которая

«Прылитала,

Да у головахъ спдала,

Да жалбно закувала:

«Ой голово-голово, козацькая-молодецькая!

Се жъ ты ни доныла, ни донла,

А ни хороше не сходыла...

А довелося валытсы,

Звиру-птыци на поталу податыся!»...²⁾.

Вообще въ думахъ мы часто встрѣчаемъ лирическое излія-
ніе чувствъ самого пѣвца въ формѣ, такъ называемыхъ, *обра-
щеній*, которыя онъ дѣлаеть или прямо отъ себя, или же отъ
лица своихъ героевъ. Особенно энергичны обращенія, вызван-
ныя общей картиной страны, въ которой происходитъ дѣйствіе:

«Земле польска, Украинно подольска!

¹⁾ Записки о Южной Руси, Кулиша, I, 39.

²⁾ Записки юго-западнаго отдѣла географ. общества, I; Матеріалы, 10.

Та вже тому не ричокъ и не два мынае,
Якъ у хрыстьянскій земли добра не мае¹⁾.

Такъ обращается пѣвецъ къ странѣ, измученной бѣдствіями войны, чтобы рассказать затѣмъ о новыхъ бѣдствіяхъ, вызванныхъ возстаніемъ козаковъ при Богданѣ Хмельницкомъ.

«Ты, земле турецька,
Виро бусурманська,
Ты, розлуко хрыстьянська!
Не одного ты розлучыла зъ отцемъ, зъ матирью,
Або брата зъ сестрою,
Або мужа зъ вирною женою»²⁾.

Здѣсь настроеніе пѣвца высказываютъ томящіеся на каторгѣ турецкой невольники. Фактическаго содержанія въ этой думѣ нѣтъ. Стонъ невольниковъ—вотъ ея содержаніе, и это не только стонъ, но и проклятіе, обращенное къ ненавистной имъ землѣ турецкой. За проклятіемъ слѣдуетъ молитва, которая произносится отъ лица пѣвца, хотя непосредственно связана она съ проклятіемъ, составляя какъ бы продолженіе рѣчи невольниковъ.

«Вызволь, Господы, невольныча зъ неволи
На простыи дороги,
На яснн зори,
На руській берегъ,
На край веселый,
Мижъ мыръ хрещеный»³⁾.

Глубоко симпатиченъ для пѣвца этотъ *мыръ хрещеный*, этотъ *край веселый*, который называется въ думахъ *руськимъ краемъ*, иногда *козакскою землею*, чаще же всего *славною Украиною*.

Но пѣвецъ смотритъ на свою родину печальными глазами. Безконечною гладью разстилаются передъ нимъ *стѣны шыроки*, по которымъ гуляютъ *витры буйни* или же ползутъ *туманы сыти*. На этихъ стѣняхъ растутъ *травы зелени* и сняѣютъ *мо-*

¹⁾ Историческія пѣсни малорус. народа, Аят. и Драг. II, 25.

²⁾ Ibidem, I, 89.

³⁾ Ibidem. I, 90, 91.

илы высоки. Озаряются эти степи иногда пожарами ясными, и тогда найти траву можно только по берегамъ степныхъ рѣчекъ, вдоль которыхъ тянутся очереты *воздобни* и даже *луы темни*. Перерѣзаны степи балками *глубокими* и *байраками зелеными*, которые покрыты *тернами пустыми*. Жители степей *вошки сироманьци* да *орлы сызокрыльци*. На этихъ степяхъ происходятъ боевыя схватки козаковъ съ турками и татарами. Вотъ передъ нами козакъ—*нетяга*, по прозванію *Голота*, который

«Не боятся ни огня, ни меча, ни третёго болота....

На козакови шапка-бырка,

Зверху дирка,

Травою пошита,

Витромъ подбыта:

Куды вие—туды и повивае,

Козака молодого прохоложае».

Онъ побѣждаетъ татарина на полѣ *кылымскимъ* и высказываетъ желаніе, что бы оно

«Інто й зиму зеленило»

за то, что его

«ири нещасливий гоѣныи сподобыло».

Торжествуетъ козакъ, но печальна была бы судьба его, если бы удалось татарину,

«Кывцемъ его у руки взиты,

Да въ городъ Килию заиродиты»¹⁾.

Не смерти боится козакъ, а неволи турецкой: только въ неволѣ, среди ежедневныхъ истязаній на каторгѣ, онъ впадаетъ въ уныніе. Тогда онъ умоляетъ сокола *ясмою*, чтобы онъ подалъ вѣсть о немъ отцу и матери:

«Передъ воритыи мого батька и матери, говорить онъ,
сидь-пады,

Жалибненько прокылы,

Ще моему батькови и матери большого жалю завдай,

Та нехай мпй батько добре дбае,

Скарбы збирае,

Зъ тяжкои неволи турецькои выкупае»²⁾.

¹⁾ Записки о Южн. Руси, Кулиша, I, 17.

²⁾ Историч. пѣсни малорус. народа, Автоп. и Драг. I, 95—96.

Соколь въ думахъ не только вѣстникъ, но и символъ вольной души козацкой. Въ одной думѣ говорится, что молодой соколенокъ попалъ въ неволю: запутали его тамъ въ серебряные путы, а около очей повѣсили дорогой жемчугъ, т. е. окружили всѣми приманками роскоши, что случалось не разъ съ плѣнниками, принимавшими бусурманскую вѣру, и особенно съ плѣнниками. Узналъ объ этомъ старый соколь отъ орла-брата...

«На городъ-царьгородъ наливавъ,
На валу сидавъ,
Жалибно квыльвѣ-проквылявѣ....
То сокола зачувало,
Смутно ся мало,
Головку склоняло
И крылечка опускало».

Чтобы разсѣять его тоску, турки сняли съ него и путы и жемчугъ. Тогда

«Сокплъ наливавъ,
Та на крыла взивъ,
Та на высоту высоту идиносывъ....
«Эй, сокола мое, бездольне, безродне!
.Лучше мы будемо по полю литаты,
Та соби живности доставаты,
А низъ у тяжкй неволи, у панивѣ, проживаты:
Эй то жъ то у панивѣ слава, що исти и пыты,
Та тильки неволенъ свѣтъ по свиту походыты»¹⁾.

Вотъ этотъ *вольный свитъ* и составлялъ для козака при манку, которая влекла его въ *степы шмырки*. Тамъ онъ дышалъ полною грудью, тамъ онъ сознавалъ свое человѣческое право жить, пока живетъ, пока есть убѣжденіе, что въ жизни не все еще потеряно. Онъ зналъ, что есть у него на родинѣ *отець и немька-старенька и сестырци-жалибныци, и родына кривная, сердешная*, которые позаботятся о немъ въ минуту жизни трудную, ибо

Якъ-то бьеться штыця объ штыци,

¹⁾ Записки о южной Руси, Кулиша, I, 18.

А родина объ родни:

Он то такъ-то бьется отецъ и маты объ своей кривной дытнн¹⁾

Зналъ онъ также, что не оставитъ его въ бѣдѣ *товариство кривне и сердешне*. Съ этимъ *славнымъ, войнымъ людомъ* привыкъ онъ

«Неприятеля пидъ ноги топтаты»,
Чтобы

«славы-рыцарства достаты,

За виру хрыстианську одностайно статы²⁾»,—
а въ часы отдыха

«ныты и гуляты,

Хорошии мысли маты³⁾».

Одною изъ этихъ мыслей, завѣтною мечтою его жизни, было умереть среди этого люда.

Только въ этомъ случаѣ онъ могъ надѣяться, что слава его

«Не вире, не поляже»,

потому, что „лыцарство козацьке всякому роскаже⁴⁾»,—разскажетъ оно о томъ, какъ погибъ козакъ, какъ его похоронили. Утѣшится бѣдная маты, когда узнаетъ, что сына ея *по козацки поховалы*, что сами козаки приготовили и могилу ему,

«Шаблямы, надилкамы суходилъ копалы,

Шанкамы, прыноламы черсть выбиралы,

И могилу насыналы,

Въ семипыдни пыщалы грималы,

У сумеркы жалбно выгравалы,

Славу козацьку выхвалялы⁵⁾»,—

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Малорус. и червонорусскія думы и пѣсни, Лукашевича, 36.

³⁾ Записки о Юж. Руси, Кулиша, I, 13.

⁴⁾ Ibidem.

⁵⁾ Ibidem, 56, 57. „Высока могила“ составляла обычную принадлежность козацкихъ похоронъ, о чемъ свидѣтельствуеть извѣстный стихотворецъ Климентій, жившій въ началѣ XVIII в.:

„Звмчан козацкіе въ тыхъ ричахъ бувають,
Же въ поляхъ кладутся и могилы высипають,
Того ради, же въ войскахъ бывали и въ поляхъ
Изъ неприятелы на потычкахъ въ бою,
Же бѣ и по смертехъ ширость ихъ не запоминаяна,
Дабы хвалебно людымъ честынымъ вспоминаяна“.

Основа, 1861 г., Январь, 207.

а послѣ похоронъ

«цвѣленькими, сухенькими вибськовими сухарцями помывали»¹⁾).

Будеть она

«козакамъ хустки и рушныки штыи давати,

По церквамъ и по монастырямъ службы и панахиды нанимати,

Заразомъ по своему сыновн похоронъ и веселля одбувати»,—

будеть она

«крани платки кушувати,

Та лырныкамъ дарувати»²⁾),—

чтобы они сына ея поминали.

Такова была жизнь въ степной Украинѣ, которая ближе лежала къ славному Запорожью—центру борьбы козачества съ мусульманскимъ міромъ. Много было въ этой жизни порывовъ и увлеченій, манила она къ себѣ славою героическихъ подвиговъ, давала она чувству свободы и независимости полное удовлетвореніе. Но недоставало ей прочныхъ устоевъ, культурнаго быта, недоставало той полноты и уютности, которыя бывають плодомъ семейнаго счастья, семейныхъ радостей. Въ самомъ дѣлѣ, мы не видимъ въ думахъ, такъ называемыхъ, любовныхъ мотивовъ, которые занимають, какъ извѣстно, выдающееся мѣсто въ обыкновенныхъ бытовыхъ пѣсняхъ. Есть у козака сестра и мать, которыя снаряжаютъ его въ походъ, которыя горюють въ разлукѣ съ нимъ, о которыхъ самъ онъ думаетъ въ походѣ. Но никогда не вспоминаеть онъ о *дівчині*, покинутой имъ въ родномъ селѣ, о любимой женѣ и дѣтяхъ. Не могъ не чувствовать онъ лишенія тѣхъ благъ жизни, которыя достаются въ удѣлѣ простымъ смертнымъ, не обладающимъ ни мужествомъ, ни славою героя. Не могъ не чувствовать этого и пѣвецъ, который относился къ семейному очагу съ чувствомъ религіознаго уваженія:

«Де мужъ зъ женою живе-проживае,

Тамъ святий Мыколай на радисть ухочае»³⁾).

На этой семейной канвѣ пѣвецъ строитъ всю драму козацкой жизни: и борьбу козака съ матерью, которая умоляетъ его остаться дома, и одинокое скитальчество его вдали отъ роду-пле-

¹⁾ Записки козак. отдѣла географич. общества, I, 21.

²⁾ Изъ рукописнаго сборника народ. малорус. пѣсень.

³⁾ Народныя пѣсори малорус. Метлинскаго, 355.

мени, и неудачи его, если забывалъ онъ *отцеву и матчыну* молитву, и предсмертныя минуты его жизни, когда онъ просить товарищей своихъ, чтобы они „тило его поховалы, звиру—птыци на поталу не дали“.

Отсюда глубоко скорбный, элегическій тонъ, которымъ пронизаны думы о походахъ козака въ степи. *Жалюци*, плачь составляютъ, такъ сказать, органическую принадлежность самой фразеологiи этихъ думъ, въ которыхъ обыкновенно *сестра брату* *словамы промовляе, слизно рыдае*, козаки *жалюбно* *выравають*, *славу козацьку* *зыхваляють*.

Тѣ же *жалюци* въ царствѣ птицъ и животныхъ: голубь *жалюбно* *уде*, *жалю* *завдае*, орлы и волки *кылять-прокыляють*. Въ изображенiи природы преобладаютъ суровыя, темныя краски: „*ничка темная, хмары темни, лузъ темный, листъ темный, туманы сыви, юлубъ сывий, кинь вороний и сывий, зозуля сывая и сызая, орель сызый, вовкъ сирый, сироманецъ*. Всѣ эти образы входятъ въ составъ сравненiй съ явленiями человѣческой жизни, причемъ въ думахъ нерѣдко употребляется, такъ называемое, отрицательное сравненiе, необычное въ бытовыхъ пѣсняхъ:

«Не сыва зозуля забувала,
То вдова (мать) заплакала (или) розмовляла»
(Д. о матери-вдовѣ и трехъ сыновьяхъ) ¹⁾.

«Не сызи орлы заклекоталы,
Якъ то бидни невольныкы в тяжкий неволи заплакалы».
(Д. о невольникахъ) ²⁾.

Иногда сравненiе разрастается въ аллегорическое изображенiе печальнаго событiя, появляющагося въ сознании лица, о которомъ идетъ рѣчь, сперва въ видѣ смутнаго сновидѣнiя, а потомъ со всею очевидностью неумолимой правды. Снится, напримѣръ, вдовѣ сонъ *чудный-пречудный, дивный-предивный*, будто бы сынъ ея въ походѣ женился, *появъ соби туркеню чужо-земку* ³⁾. Она

¹⁾ Народныя южнорус. пѣсни. Метлицкаго, 352.

²⁾ Сборникъ украинскихъ пѣсень, Максимовича, 1849, 10.

³⁾ Малорус. и Червонорус. думы и пѣсни Лукашевича, 45.

«Въ чорному оксамити ходыть,
 Вилымы пдбыйкамы пдбыта,
 Сылу грошей мае,
 Луку ихъ не знае,
 Горда, пышна,
 Панщыны не робыть,
 Царевн, королеви головки не склоныть».

(Д. объ П. Кошовчанскъ¹⁾).

Долго не догадывалась вдова о значеніи этого роковаго сна, пока товарищъ ея сына не сказалъ ей горькой правды, что сынъ ея:

«Поизавъ соби панянку—
 У чыстому поля моголу-землянку:
 На моголы травы зелененьки
 И цвты биленьки²⁾».

Тогда бѣдная мать

«Якъ стояла,
 Такъ упала,
 Свита божого не ввыдала»³⁾.

Сближеніе смерти съ бракомъ и могилы съ невѣстой или съ женой представляетъ, какъ извѣстно, одно изъ общихъ мѣстъ въ народной поэзіи, какъ великорусской, такъ и малорусской, но въ думахъ оно развито съ такими подробностями, которыя ясно указываютъ на склонность пѣвца находить въ горечи развѣдающаго чувства особаго рода утѣшеніе.

Иное настроеніе встрѣчаемъ мы въ думахъ о борьбѣ козачества съ „ляхами, мостивыми панами“. Широкою историческою кистью изображаетъ пѣвецъ эту братоубійственную борьбу двухъ родственныхъ племенъ, которыя далеко разошлись между собою въ социальномъ и религіозномъ отношеніи,—борьбу двухъ міровоззрѣній, двухъ порядковъ жизни—шляхетско-аристократическаго и народно-демократическаго. „Уже жъ мы теперъ, го-

¹⁾ Кіевскій телеграфъ 1873, № 59.

²⁾ Народн. южнорус. пѣсни Метлицкаго, 424.

³⁾ Кіевскій телеграфъ, 1873, № 59.

ворять козаки, ни въ чому воли не маемъ“, ибо „*вси шляхы, и торы, и церкви, и рикы козацьки жыды зарандовалы, а паны ляхы*

«Велькую станцію вымышлялы,

Одъ козацькихъ, одъ мужыцькыхъ коморъ ключи одбиралы».

(Дума о возстаніи козаковъ послѣ бѣлоцерковскаго мира и объ изгнаніи жидовъ арендарей изъ Украйны) ¹⁾).

Распоряжались они чужимъ добромъ, какъ своимъ собственнымъ, не останавливались даже предъ оскорбленіемъ семейной чести женъ козацкихъ. И вотъ переполнилась чаша терпѣнія народнаго, и пролилась она цѣлыми потоками крови, подмытыми самыми основы польскаго государства.

Во главѣ движенія сталъ, какъ извѣстно, Богданъ Хмельницкій. Онъ обрисованъ въ думахъ, какъ вождь опытный и энергическій. Онъ пишетъ *мыслы*, дѣлаетъ воззванія къ народу, даетъ козакамъ *порядки козацьки*. Отношенія его къ козакамъ самыя искреннія и сердечныя: они для него *диты, друзи-небожата* ²⁾, онъ для нихъ *батько козацький* ³⁾. Думу думаетъ онъ тайно отъ всѣхъ:

«Тильки Богъ святий знае,

Що Хмельницкій думае-гадае».

(Д. о походѣ въ Молдавію) ⁴⁾,

Но къ замысламъ *батька своего* козаки относятся съ полнымъ довѣріемъ. Они стоятъ предъ нимъ, *якъ малыи диты*. Они обращаются къ нему съ благожеланіями:

«Дай, Господы, щобъ мы зъ твоеи головы щлы и гулялы,

А неприятеля индъ нози потопталы,

А виры хрысгпянськой на поталу въ вичный часъ не подалы!

(Д. о Хмельницкомъ и Барабашѣ) ⁵⁾).

Съ беспощадною жестокостью относится самъ Хмельницкій къ врагамъ своей родины:

¹⁾ Записки о Южной Руси, Кулиша, I, 53, *ibidem*, 56—65: Сборникъ украинскихъ пѣсней Максимовича. 1849, 74.

²⁾ Записки о Южн. Руси, Кулиша. I. 54.

³⁾ Сборникъ украин. пѣсней, Максимовича, 1849 г. 75.

⁴⁾ Украин. народ. пѣсни, Максимовича, 1834 г., 40.

⁵⁾ Историч. пѣсни малорус. нар. Авт. и Драг. II, 15.

«Одъ сна уставайте», приказываетъ онъ козакамъ,
 «Руськый отченашъ чытайте,
 Ляхивъ, мостивыхъ нанивъ, у пень рубайте,
 Кровь пхъ людську у поли зъ жовтымъ пискомъ мишайте».

(Д. о Хмельницкомъ и Барабашъ)¹⁾.

Подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ торжества козацкаго оружія надъ польскимъ въ думахъ о Хмельницкомъ рѣзко пробивается сатирической тонъ.

Пѣвецъ воспроизводитъ обыденныя сцены жизни, въ которыхъ ярко выступаютъ передъ нами типическія черты поляка и еврея. Тотъ и другой не скрываютъ своего презрѣнія къ козаку, и въ то же время чувствуютъ въ немъ присутствіе бунтующей силы, которая ежеминутно можетъ прорваться неудержимымъ потокомъ. Они подозрительно слѣдятъ за каждымъ его дѣйствіемъ, смутно понимая, что живутъ, такъ сказать, на вулканѣ и дышутъ сгущеннымъ, удушливымъ воздухомъ, который долженъ разразиться грозой... Но вотъ наступила гроза. Сцена быстро измѣняется. Суетливо метаются изъ одного мѣста въ другое евреи: и трусливый *Оврамъ*, у котораго

«Бувъ невеликый крамъ—

Тильки голы да шыльы—

Що ходивъ по за Дніпромъ да дуривъ козацьки жинкы»²⁾,—

И богомольный *Лейба*, который «бпжыть,

Ажъ жывить дрижыть,

Якъ на школу погляне,

Его сердце жыдивське зивьяпе»³⁾,—

и *Сруль*, и *Герико*, и *Шмуль*, и *Ицькъ*, который взялъ свой бычыкъ, что-бы «кони поганяты

Да одъ пана Хмельныцького утпваты»⁴⁾.

Проклинають они рабина Мошку за то, что братъ

«На Вкраини одкуну не потрошку»⁵⁾.

¹⁾ Народныя украинскія пѣсни, Метлинскаго, 938.

²⁾ Записки о Юж. Руси, Кулиша, I, 60.

³⁾ Ibidem, I, 228.

⁴⁾ Историч. пѣсни Антонов. и Драгомая., II, 27.

⁵⁾ Ibidem., II, 28.

Вмѣстѣ съ евреями бѣгутъ и поляки, и они

«Догадыви бувалы,
Уся по лисахъ, по вущахъ цовтнеалы»¹⁾

Съ чувствомъ удовлетвореннаго мщенія посылаетъ пѣвецъ въ догонку бѣгущимъ врагамъ язвительное слово упрека и зло-раднаго смѣха.

Но „не всеу поляки, по выраженію позднѣйшаго лѣтописца, жалѣючи утраты Украины, раемъ свѣта польскаго ее наричаху и провозглашаху“²⁾. Много разъ потомъ они возвращались назадъ, и снова „счынались велики войны на Вкраини“³⁾, какъ при жизни Хмельницкаго, такъ и по смерти его. Самъ Хмельницкій не рѣшилъ задачи своей во всю ширину требованій, поставленныхъ ему народомъ. — не все добились воли, не все сдѣлались козаками. Изъ среды самаго козацкаго сословія начали выдѣляться *дуки - сриблянымы*: это были свои домашніе *пань-ляхы*, которые пачали стремиться къ порабощенію не только посполства, но и рядоваго козачества. Продолжалась такимъ образомъ жизнь *смуткамы* и *печальмы* переполненная. Не было въ странѣ силы, которая могла бы разорвать этотъ заколдованный кругъ, гдѣ угнетаемые, опираясь на поддержку, получаемую не изъ народной среды, часто превращались въ угнетателей, сознававшихъ, что центръ тяжести не въ народѣ, а въ постороннихъ вліяніяхъ, враждебныхъ народному идеалу. Самый идеалъ этотъ не былъ поставленъ на почву праваго порядка, обезпеченнаго матеріальной силой, которой обыкновенно располагаетъ государство.

До 1775 года жила еще запорожская Сѣчь, которая была слабымъ подобіемъ этой матеріальной силы,—и вотъ народъ создаетъ на этой, можно сказать, мнимой величинѣ фантастическій образъ запорожскаго гетмана, защитника бѣдныхъ и угнетенныхъ. Въ жалкомъ видѣ *козака-нетям* слоняется онъ

¹⁾ Ibidem, II, 112.

²⁾ Лѣтопись Велычка, Предисловіе къ I-му т.

³⁾ Историч. пѣсни. Антоновича и Драг. II, 10.

на путяхъ ордынскихъ, въ поляхъ килимскихъ. Вотъ одинъ разъ приходитъ онъ въ городъ Черкасы, гдѣ была городовая знать, *значныя* козаки, *дуки-срибляныки*. Входитъ онъ въ корчму, а вслѣдъ за нимъ являются и *дуки*. Стали они пить и гулять, насмѣхаясь надъ оборваннымъ козакомъ, а затѣмъ приказываютъ „Настя Горовий, шинкарци степовой“, что-бы она вытолкала *нетягу* „у потылицю зъ хаты“. Слѣдуетъ затѣмъ комическая сцена борьбы шинкарки съ козакомъ, который, повидимому, сознаетъ, что не рыцарское дѣло воевать съ женщиной; поэтому онъ ограничивается только тѣмъ, что

«Козацькымы пятамы у поригъ зачипае,
А козацькымы рукамы за одвирокъ хватае,
Пидъ мысныкомъ голову козацьку-молодецьку ховае».

Потѣшаются *дуки-срибляныки*. Одинъ изъ нихъ—болѣе добродушный

«Изъ кармана людську денежку выймавъ,
Настя кабашний до рукъ отдававъ».

Онъ приказываетъ ей на эту денежку отпустить *козаку-нетягу* хоть плохого пива. Посылаетъ Настя свою *наймычку* за этимъ пивомъ. *Наймычка*, конечно, на сторонѣ *козака-нетяги*. Принесла она изъ погреба добраго пива, но, желая скрыть это отъ хозяйки, она

«Въ свитлицю вхожае,
Свий нисъ геть одъ кявы одвертае,
Будто те пиво воняе».

Выпилъ козакъ пиво и сталъ бушевать:

«Эй вы, ляхове, вражи сынове», говоритъ онъ, «никъ порогу
посувайтесь,

Щобъ було менн, козаку нетязн, де на покутѣ изъ лаптымы снсты».

Вынимаетъ козакъ свой кожаный *черегъ* и высыпаетъ на столъ кучу червонцевъ. Сцена быстро измѣняется, *дуки-срибляныки* предлагаютъ ему угощеніе. Но козакъ, въ отвѣтъ на эту любезность, подходитъ къ окну, отворяетъ форточку и зоветъ своихъ джуръ. Прибѣгаютъ джуръ и одѣваютъ козака въ богатое гетманское платье:

«Батьку козацький», говорятъ они,
 «Доки тобі тутъ пустувати?
 Часъ—пора ити на Украину батькувати!»

Тогда только догадались *дуки-сриблямыки*, что это былъ кто иной, какъ самъ „Ганжа Андигеръ, гетманъ запорожський“. Дѣлаются они еще любезнѣе:

«Присунься ты до насъ, кажутъ, ближче,
 Поклонимся мы тобі выжче,
 Будемъ радяться, чи гараздъ-добре на славній Украини
 прожывати».

Козакъ не пьетъ, а проливаетъ напитки, предложенные ему дуками, *на свои дороги шаты*:

«Эй, шаты мои, шаты!» говоритъ онъ, пьйте, гуляйте!
 Не мене шанують, насъ поважають».

Дума заканчивается тѣмъ, что онъ приказываетъ козакамъ своимъ высѣчь передъ окнами корчмы разжирѣвшихъ богачей, что-бы они его

«спомынали
 И до вику намьяталы».

Козаки исполняютъ приказанія гетмана, приговаривая:

«Эй, дуки вы, дуки!
 За вами лугы и луки,

Нигде, нашему брату, козаку—нетязи, статы коня понасаты»¹⁾.

Рѣшеніе вопроса патріархальное и, во всякомъ случаѣ, неубѣдительное для одной стороны и бесполезное для другой. Представитель безженнаго рыцарства, Ганжа Андигеръ, безъ сомнѣнія, не могъ найти выхода изъ того положенія, въ которомъ находились семейные козаки въ самой Украинѣ, гдѣ гораздо было труднѣе стоять на высотѣ козацкаго долга,—не могъ онъ, конечно, и *батькувати* на *Украини*. Здѣсь *козакиметями* были бесплны въ борьбѣ за свое существованіе. Рано или поздно они должны были раздѣлить участь посполитаго люда, т. е. подчиниться домашнему закрѣпощенію.

¹⁾ Отрывки изъ думы мы привели по тексту, напечатанному въ Запискахъ о Южной Руси Кулиша т. I, стр. 200—209.

Многіе изъ этихъ *метязъ* оставляли семью и убогое хозяйство свое и приставали къ войску, чтобы искать счастья, котораго не находили дома. Въ думѣ „о козацкой жизни“ изображается это явленіе, получившее, какъ видно, свои типическія черты въ эпоху разложенія козачества.

„Покидаю тебе“, говоритъ козакъ, обращаясь къ козачкѣ, и прошу тебя, что-бы ты берегла „худобу“. Въ чемъ-же эта „худоба?“

«У комыни ключчи смуга,
А въ запичку кишка муруга»¹⁾.

Выѣхавъ козакъ, не обращая вниманія на отчаянную мольбу жены остаться дома. Не сбылись заклатья ея, чтобы „побыло его въ чыстимъ поли тры недоли“: и добрый конь его не присталъ, и козаковъ онъ догналъ, и козаки его полюбили, и въ курень его пустили, да еще мало того „отаманомъ поставылы“. Казалось-бы, онъ все нашель, чего искалъ. Но тянетъ его къ домашнему очагу. Пріѣзжаетъ онъ домой. Оказывается, что козачка

«Чотыри недили хаты не тошыла,
Вона зъ шынку не выходыла»,—
Что «коло его двора нема и кола»,—
Что жена его «горшкомъ воду носыть,
Ополонькомъ дпты напувае»²⁾

Съ тайнымъ сознаниемъ своей вины выбѣгаетъ козачка на встрѣчу своему мужу, но козакъ

«Ии келепомъ по плечамъ прывнтае,
Карбачемъ по спыни яатынае»³⁾.

Этотъ суровый привѣтъ перенесла козачка безъ огорченія. Въ ожиданіи счастливыхъ дней она угощаетъ козака, а на вопросъ злоязычныхъ сосѣдовъ, что у нея за знаки подъ глазами, она отвѣчаетъ, что пошла она

¹⁾ „Кіевская Старина“, 1884 г., Декабрь, стр. 640.

²⁾ Ibidem, 641.

³⁾ Записки о Южвой Руси, Кулиша, 1, 218.

«въ хливъ, по лучыну,
 Та пидбыла соби очн на ключыну.
 Оттакъ тая козачка добре дбала,
 Свого козака покрывала»¹⁾

Что-же козакъ? Онъ сидить въ корчмѣ, да „медь-выно
 кругляе,

«Корчму сохваляе:

«Гей корчмо наша, корчмо-княгыне,
 Чомъ въ тоби козацького добра багато гыне?
 И сама еся неопатно ходышь,

И насъ, козакывъ-нетягъ, пидъ случай безъ свытокъ водышь»²⁾.

Въ этихъ словахъ, исполненныхъ ироническаго самообличенія, мы узнаемъ того-же пѣвца, который воспѣвалъ нѣкогда славные дни козачества... Перестроилъ онъ теперь струны своей кобзы, чтобы извлечь изъ нея иные тоны, близкіе къ отчаянію...

Таково въ общихъ чертахъ поэтическое настроеніе въ народныхъ малорусскихъ думахъ со всѣми его видоизмѣненіями. Свидѣтельствуетъ оно о томъ, что пѣвецъ стоялъ на высотѣ народно-національнаго самосознанія, представителемъ котораго было въ свое время козачество,—на высотѣ идеаловъ козацкой жизни съ ея шумною славою, съ ея недолговѣчной волей и измѣнчивой долей. Самое слово *козакій* для него равнозначительно было со словами: *родной, свой*, поэтому онъ употребляетъ это слово для того, что-бы отличить свое отъ чужаго: *козацькая земля, вира, душа, юлова, козацькее тило, козацьки церкви, шляхи, торги, реки*. Но, независимо отъ этого козацкаго міровоззрѣнія, онъ чувствуетъ въ себѣ способность отзываться на всѣ радости и печали козацкой жизни живымъ творческимъ словомъ, въ которомъ слышатся самыя разнообразныя и притомъ сложныя чувства: есть въ этомъ словѣ всѣ оттѣнки смѣха, какъ и всѣ оттѣнки горя, переплетающіеся между собою въ самыя разнообразныя сочетанія. Это слово могъ сказать только

¹⁾ Ibidem, 219.

²⁾ Записки о южной Руси, Кулиша, I, 230.

пѣвецъ, усвоившій опредѣленный методъ мысли и чувства, тотъ методъ, который вырабатывается подъ вліяніемъ культурной привычки къ самонаблюденію, къ анализу пережитаго и передуманнаго. Мы думаемъ, что въ распространеніи этой привычки немало важную роль играла южно-русская школа. Внутренніе признаки школьныхъ вліяній въ языкѣ и поэтическомъ стилѣ малорусскихъ думъ мы видѣли выше,—теперь уважемъ внѣшнія черты, сближающія думы съ старинными произведеніями южно-русской литературы.

Нельзя не замѣтить въ языкѣ думъ книжныхъ, церковно-славянскихъ элементовъ рѣчи. Они встрѣчаются въ значительномъ изобиліи не только въ поучительныхъ, но и въ историческихъ думахъ.

Во многихъ случаяхъ, напримѣръ, пѣвецъ отступаетъ отъ обычнаго русскаго полногласія, замѣняя слова: *голосъ, голова, золото, города*, словами: *гласъ, глава, злато, грады*,—или же прямо употребляетъ церковно-славянскія слова вмѣсто народныхъ: *персть, празъ, уста, смирение, собрание, возлюбиты, въздыхаты, вкушаты, аще, паче, найпаче* и проч. Даже формы церковно-славянскія нерѣдко онъ предпочитаетъ народнымъ: *одъ суставъ, пидъ нози, будеши, рече*, и т. п.

Желая сохранить церковно-славянскій колоритъ рѣчи, пѣвецъ передѣлываетъ иногда слова такимъ образомъ, что они получаютъ не то книжный, не то народный видъ, напримѣръ: *опрошение, оматы, у руцяхъ, о.ци*. По поводу послѣдняго слова извѣстный исполнитель думъ Вересай замѣтилъ: „все одно *вовки*, тильки тутъ не можно такъ казать“¹⁾.

Другой кобзарь, Ѳеодоръ Кононенко, пѣлъ одинъ разъ:

«Шапку изъ головы знимае»,

а въ другой разъ:

«Плыкъ изъ головы знимае»,

но предложилъ записать это послѣднее выраженіе, объясняя первое тѣмъ, что онъ „по простому спивавъ“²⁾.

¹⁾ Записки юго-зап. отдѣла геогр. общества 1873 г., Матеріалы, стр. 13.

²⁾ Записки о Южной Руси, Кулиша, I, 179.

Такимъ образомъ, въ сознаниі позднѣйшихъ кобзарей языкъ думъ не есть обыкновенный, простой языкъ. Безъ сомнѣнія, такъ же смотрѣли на него и древнѣйшіе кобзари въ эпоху созданія самихъ думъ. Можно полагать даже, что въ старину онъ менѣе отшлифованъ былъ въ народномъ духѣ, чѣмъ теперь,—по крайней мѣрѣ, не забыты были въ немъ старинныя слова, забытыя нѣкоторыми позднѣйшими кобзарями ¹⁾. Изъ словъ этого разряда особенно любопытны тѣ, которыя въ самомъ построеніи своемъ представляютъ слѣды творческаго искусства въ сочетаніи церковно-славянскихъ особенностей рѣчи съ народными. Мы разумѣемъ такія сложныя слова, какъ *домодержавець*, *злосопротивна* (хвѣля), *людославне* (Запорожье), *златоглави* и *златосыни* (виндякы) и т. п.

Очевидно, подобныя слова могли явиться въ думахъ не иначе, какъ подъ вліяніемъ особеннаго умственнаго настроенія, которое искало для своего выраженія соотвѣтствующихъ красокъ не только въ народномъ, но и въ книжномъ словѣ. Во всякомъ случаѣ, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что творцы думъ были люди отчасти книжныя, и что они способны были не только къ усвоенію книжныхъ вліяній, но и къ переработкѣ ихъ въ народномъ духѣ.

Къ тому же выводу приводитъ насъ и наблюденіе надъ построеніемъ предложенія, какъ въ думахъ, такъ и въ старинной малорусской прозѣ. Обычное явленіе въ ней—это поставка глагольныхъ сказуемыхъ въ концѣ предложенія, отчего получается иногда своего рода стихъ, рифмованный такимъ же образомъ, какъ и стихъ думъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ:

„(Паны) не только на здоровье ихъ (поданныхъ своихъ) *чилилы*, але и вѣру ихъ зломыты *умышлялы*, и власне яко зъ

¹⁾ Поразительный примѣръ забвенія старыхъ словъ встрѣчаемъ мы въ думѣ объ Ивасѣ Коновченко, записанной отъ бандуриста Василя Макуленко, жителя Седневскаго, черн. у. въ 1854 г.: „Изъ дап-годнымъ“ вмѣсто: „изъ день-годнымъ“, „ковиль-горелка“, вмѣсто „оковита-горилка“, „герція“ вмѣсто „герць“ и т. п. Замѣчательно при этомъ, что одно искаженіе влекло за собою другое: выраженіе „елворалъ полковницкій“ вынудило исполнителя думы исказить прозвище полковника, который называется у него то *Корсункимъ*, то *Корсикиимъ* для рифмы. Искаженіе языка выразилось слабостью этого варианта думы въ художественномъ отношеніи.

невольниками *поступали*, одно податками *выдыраючи*, и работы на нихъ *вымышляючи*, за слово въ нѣвечъ *оборочаючи* и *забываючи*, и на Бога не *памятаючи*, и кровь невинную *проливаючи*“.

(Слово о бездождіи, памятникъ конца XVII в.)¹⁾.

«То ще-то паны-Ляхы,
Мостивши паны,
По козакахъ и по мужькахъ стациєю *постали*,
Да великую стацию *вымышляли*,
Одѣ ихъ ключи *поотбирали*».

(Дума о Бѣлоцерковскомъ мирѣ и войнѣ съ поляками)²⁾.

Или: „на той часъ христіане жидовъ *незбожныхъ вымняли*,
иныхъ мечемъ *забиали*,
иныхъ въ рѣкахъ *топили* и иныхъ
иною смертію розмантою *убили*“.

(Мессія праведный, I. Галатовскаго)³⁾.

«Тодя то возаеп... здобу хорошу собі коло жидивъ-рандаривъ *мали*,
На славу Украину *прибували*,
Очертомъ *сидали*,
Сребро и злато на три части *паѣвали*».

(Дума о жидовскихъ окупкахъ)⁴⁾.

Еще примѣръ:

„Скоро жолнѣре Иродови увойшли у Виелеемскій повѣтъ,
заразъ почали чинити по малыхъ дѣточкахъ невинныхъ *отѣтз*:
отъ персей матернихъ *отривали* да *поубляли*, и розманты имъ
смерти *задавали*.... А дѣточки, яко немовятка будучи, того *не*
знають, они *доньмають*, ижъ то зъ ними жарти *мають*, за мечъ
ручками *сягають*, подѣ мечъ головки свои *хилють*, а они, ока-
янные, головки имъ *истинають*“.

(Казанья на соборѣ пресв. Богородицы по рукоп. 1751 г.)⁵⁾.

«То ще мы, брате, недобре *вчиняли*,
По улицяхъ добрыми *кинѣмы гуляли*,

¹⁾ Южнорусск. лѣтописи, изд. Бѣлозерскимъ, 1866 г.

²⁾ Записки о Южн. Руси, Кулиша, I, 52.

³⁾ Изд. Кіевонечерской лавры, 1664 г.

⁴⁾ Записки о южной Руси, Кулиша, I, 63.

⁵⁾ Матеріалы до лѣтер. апокриф. Калитовскаго, 1884 г., стр. 22.

Дитки маленькии киньмы *розбывалы*,
Кровь хрыстьянську безневинно *прольвалы*.

(Дума о бурѣ на Черномъ морѣ)¹⁾.

Замѣчательно при этомъ, что глагольная рифма, книжная по своему происхожденію, прочно утвердившись въ народныхъ малорусскихъ думахъ, отсюда уже въ свою очередь оказывала иногда замѣтное вліяніе на языкъ нѣкоторыхъ прозаическихъ произведеній старинной малорусской литературы. Такъ, въ Казаньи на соборъ Пресв. Богородицы эта рифма стоитъ въ непосредственной связи съ поэтическимъ настроеніемъ автора, которому знакомы были не только стихотворныя произведенія старинной малорусской школы, но и народныя малорусскія думы. Совершенно справедливо замѣчаетъ г. Сумцовъ, что „нѣкоторыя преступленія Ирода въ этомъ Казаньи напоминаютъ преступленія Алексія Поповича въ думѣ про бурю на черномъ морѣ,—горе родителей обрисовано чертами, сходными съ тѣми, которыя находятся въ невольничьихъ думахъ“²⁾. Отсюда видно, что въ старинной Малороссіи было живое общеніе между школой и народомъ. Много перекрестныхъ путей шло отъ народа къ школѣ, и обратно,—много людей двигалось по этимъ путямъ, внося въ школу народное мировоззрѣніе и вынося изъ нея научныя приемы мысли и рѣчи.

Намъ нужно всмотрѣться въ типическія черты этихъ людей, чтобы выяснитъ для себя условія, среди которыхъ возможно было творчество народныхъ малорусскихъ думъ.

¹⁾ Записки о Южной Руси, Кулиша, т. I, 30.

²⁾ Кіевс. Старина, 1887 г. Сентябрь. 20. Можно встрѣтить иногда отраженіе языка думъ даже въ дѣловыхъ бумагахъ. Такъ, въ духовномъ завѣщаніи Я. Лязогуба отъ 1698 г. говорится, чтобы сынъ его Евфимъ „матки своей ни въ чемъ, ховай Боже, не раздражалъ и не кенячи повинность синовскую противъ насъ оказывалъ, т. е. оную чтишь, шановавъ и поважаєъ“. (Кіев. Стар. 1882 г., Яв. 106).

II.

Странствующіе школьники въ старинной Малороссіи.

По отрывочнымъ статистическимъ даннымъ, уцѣлѣвшимъ отъ прошлаго вѣка, можно судить о томъ, какъ широко распространены были народныя школы въ старинной Малороссіи¹⁾. Обыкновенно, вмѣстѣ съ церковью строили и школу: здѣсь жилъ *панъ-дьякъ* съ своею дружиною пѣвцовъ и чтецовъ церковныхъ²⁾. Уже изъ этого видно, что мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ не случайнымъ, навѣяннымъ соображеніями, чуждыми народному міровоззрѣнію и народнымъ симпатіямъ.

Остановимся на этомъ явленіи со стороны внутренней связи его съ умственною и нравственною жизнію малорусскаго народа.

Нужно замѣтить прежде всего, что *дьякъ* занималъ свое положеніе не по сословному происхожденію своему изъ духовнаго званія, а по должности, которая доступна была для всѣхъ сословій³⁾. И однако же это было лице немаловажное въ при-

¹⁾ Основа, 1862 г., Май, статья А. Лазаревского: „Статистическія свѣдѣнія объ украинскіхъ народныхъ школахъ и госпиталяхъ въ XVIII в.“ — Журналъ Мин. Нар. Просв. 1864 г., Январь, статья Сухомлинова: „Училища и народное образованіе въ черниг. губ.“ — Руководство для сельскихъ пастырей, 1864 г., ст. Крыжановскаго: „Очерки быта малорусскаго сельскаго духовенства“. — Украинская старина, Давилевскаго, 1864 г., „Харьковскія народныя школы 1732—1863 г.“ — Земскій сборникъ черниг. губ., ст. Ефименка: „Народное образованіе въ черниг. губ.“.

²⁾ Черн. Епарх. Вѣд., 1865 г., 340. Еще до сихъ поръ во многихъ мѣстахъ Малороссіи дома, гдѣ живутъ церковнослужители, называются школами.

³⁾ Только въ 1771 г. кievскій митрополитъ Гавріилъ Кременецкій слѣлалъ распоряженіе о томъ, чтобы кандидатами на должность *дьяка* были исключительно дѣти лицъ духовнаго званія, а въ 1778 г. при томъ же митрополитѣ введены были въ церковныя приходы такъ называемыя *штаты*, по которымъ полагалось при

ходѣ. При одной церкви могло быть два и даже три священника, но всегда былъ одинъ только дьякъ, избранный громадою за *добрый гласъ*, за надлежащее знаніе службъ церковныхъ и умѣнье вести ихъ благолѣпно и благочинно. Этого мало. Отъ дьяка требовались таланты педагога, потому что онъ самъ долженъ былъ заниматься обученіемъ помощниковъ своихъ при исполненіи службъ церковныхъ. Какъ учитель школы, онъ назывался *панъ-бакаляръ*, а какъ начальникъ ея—*панъ-директоръ*.

Въ чемъ же заключалось его *бакалярство*? Кого, чему и какъ училъ дьякъ?

Училъ онъ *молодиковъ школьныхъ*, какъ жившихъ въ школѣ, такъ и приходившихъ въ нее. Жили въ школѣ безпріютные сироты, которымъ некуда было дѣваться, приходили—дѣти козаковъ и посполитыхъ, людей богатыхъ и бѣдныхъ. Въ извѣстной вертепной драмѣ Клима и жена его—люди бѣдные, но это не мѣшало имъ посылать своего сына въ школу, при чемъ за трудъ бакаляра расплачиваются они вмѣсто денегъ свиньей. Этотъ живой гонораръ, какъ дьяку, такъ и всѣмъ обитателямъ школы, пришелся по вкусу:—„Ци, ирци, фѣртивъ Иванецъ“, восклицаетъ дьякъ, обращаясь къ одному изъ школяровъ, очевидно, сожителю своему,

«Спиши сюды зило,
Клыміи сотворывъ намъ честь,
Давъ свиняче тило».

Когда свинья была унесена, дьякъ обращается къ Климу съ благодарственной рѣчью:

«Обреченную вашу жертву, говоритъ онъ, съ благодарностію
пріемлемъ»

И выю вамъ обѣмлемъ!»

одномъ священникѣ два, при двухъ—четыре, при трехъ—шесть причетниковъ. Съ того времени выдающееся положеніе дьяка въ приходѣ начало все болѣе и болѣе служить (Руковод. для сельскихъ пастырей, 1861 г., № 49, 79—80). Что касается до заштатныхъ церковниковъ, то въ 1788 году Екатерина II предписала обратить ихъ въ военную службу при черноморскомъ адмиралтействѣ. О переселеніи ихъ въ Новороссійскій край, см. любопытную замѣтку П. Иванова въ „Кіевск. Старина“ 1891 г., Май.

Прослезился Блимъ отъ такой торжественной учтивости *письменнаго* человека¹⁾).

Какъ видно, голодное житье было въ школѣ — особенно для *молодиковъ школьныхъ*, но оно скрашивалось надеждой, которую въ душѣ лелеялъ каждый изъ нихъ, со временемъ сдѣлаться дьякомъ, а потомъ, по меткому выраженію народному, *выдряпаться и на попа*²⁾. Нужно было только усвоить всю премудрость школьную, которая начиналась обыкновенно съ изученія *грамѣтки* (букваря) и расширялась по мѣрѣ изученія *псалтыря* и *часослѣвца* — основныхъ богослужебныхъ книгъ, подготовлявшихъ *молодича* къ практическому заявленію своихъ способностей и познаній предъ всею громадою — на клиросѣ, въ церкви. Нужно было также изучить всѣ напѣвы церковные — восемь гласовъ на „Господи, воззвахъ“, восемь гласовъ на „Богъ Господь явился намъ“ и столько же гласовъ на ирмосы, да сверхъ того, изучить пѣніе *самогласное*, т. е. тѣ же псалмы и ирмосы на свой собственный голосъ, и *подобное*, т. е. пѣніе двойнаго текста на одинъ и тотъ же гласъ³⁾.

Не легка была эта наука. Многіе такъ и оставались *молодичами* на всю жизнь, исполняя низшія причетническія обязанности при церкви⁴⁾. Особенно трудно было изученіе *грамѣтки*. Сопровождалось оно обычными въ старинной школѣ *наказаніями по тѣлу*. Какъ былъ горекъ этотъ *корень ученія*, можно видѣть изъ одной шуточной вирши, которая сохранилась въ народномъ пересказѣ до настоящаго времени.

«Казавъ мени бакаляръ промовыты: «Азъ, Азъ!»

А якъ же я не вымовывъ, винъ по пыци: «разъ, разъ!»

Крыгнувъ же винъ у друге: «А ну, кажи: Буки!»

Ой ще жъ бо я не вымовывъ — понавъ въ ёго руки.

Крыгнувъ далъ въ третій разъ, що бъ вымовывъ: «Виде!»

¹⁾ Малорус. вертепъ, Г. Галагана, „Кіев. Стар.“, 1882 г. Октябрь, 35—36

²⁾ Руководство для сельскихъ пастырей, 1861 г., № 39, 138.

³⁾ Украинск. старина, Данилевскаго, стр. 297.

⁴⁾ Въ спискѣ церковниковъ отъ 1765 г., находившихся въ г. Прилуцѣ, показаны въ числѣ *молодиковъ школьныхъ* лица разныхъ возрастовъ отъ 12 до 39 лѣтъ. См. Архивные огрывки для исторіи полтавск. епархіи, А. Лазаревскаго, Виш. I, 1887 г.

А вже жь ёго жвава рува по чупрыни иде.
 Ой якъ сказавъ у четверте: «вымовляй: живите!»
 «Ну-те-жь, хлопци, заразь ёго на лавку кладите!»
 И просывся, и молився, а ще бильшь злякався,
 Во задалы таку хлосту, що й свита зцурався...¹⁾

Въ субботу, обыкновенно, *промовляли* всѣ молодежи школьные передъ паномъ бакаляромъ то, что было выучено въ течение недѣли: кто изъ нихъ не твердъ былъ въ познаніяхъ, тотъ получалъ *суботника*. Чуть не до нашихъ дней исполнялось это старинное правило, обозначенное еще въ XVI в. въ уставѣ лудской братской школы, гдѣ говорится, что по субботамъ „дидаскаль маеть дѣтямъ и памятного не боронити, по чаши школьной испити“²⁾.

Однимъ словомъ, школа была суровая...

И однако же народъ предпочиталъ ее такъ называемымъ народнымъ училищамъ, которыя въ концѣ прошлаго вѣка Екатерина II начала заводить въ Малороссіи. Давно уже выяснено, что главная причина нерасположенія народа къ этимъ училищамъ заключалась въ бюрократическомъ характерѣ ихъ: они были рассадниками мелкаго чиновничества и всякаго рода канцелярскихъ сутягъ и ябедниковъ, которые были несимпатичны для народа³⁾. Въ свою очередь мы скажемъ, что въ новыхъ училищахъ народъ не нашелъ удовлетворенія своимъ церковно-общественнымъ потребностямъ, которыя заключались не въ одной грамотности, приспособленной къ церковному богослуженію, но и въ усвоеніи навыковъ и вкусовъ, можно сказать, эстетическихъ и даже отчасти литературныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, было бы грубою ошибкой сводить все образовательное значеніе старинной малорусской школы только къ граматкѣ, псалтирю и часловцу...

Мы имѣли возможность пересмотрѣть не мало школьныхъ сборниковъ, составленныхъ въ прошломъ и въ началѣ настоя-

¹⁾ Старосъ. Бавдуриста, Н. Загревскаго, 1866 г., 122.

²⁾ Акты, издан. времен. комиссіей, I, 108.

³⁾ Жур. Мин. Нар. Просв., Январь, 1864 г., Сухомлиновъ „Училища и народное образованіе въ черн. губ.“, 9, 39.

щаго вѣка и предназначенныхъ для практическаго употребленія въ школахъ и внѣ школы. По своему формату они напоминаютъ наши записныя книги и заключаютъ въ себѣ массу всякаго рода стихотвореній на языкахъ славянскомъ, книжномъ малорусскомъ, народномъ малорусскомъ и даже польскомъ. Нерѣдко встрѣчаются въ этихъ сборникахъ и народныя пѣсни съ нотами и безъ нотъ. Изученіе этого матеріала, по нашему мнѣнію, должно служить основой для разъясненія интересующаго насъ вопроса о происхожденіи своеобразныхъ приемовъ мысли и рѣчи во многихъ произведеніяхъ народной поэзіи и особенно въ народныхъ малорусскихъ думахъ.

Считаемъ необходимымъ прежде всего возстановить для себя отжившій образъ людей, которые занимались составленіемъ школьныхъ сборниковъ, удовлетворявшихъ, какъ видно, литературному вкусу и нравственнымъ потребностямъ своего времени.

Это были старинныя *спудеи* высшихъ латинскихъ школъ и странствующіе дьяки, которые носили въ народѣ характерное прозваніе *мандрѣваныхъ* дьяковъ. Тѣ и другіе назывались также *пиворъзами*—полагать надобно—по особенному пристрастію ихъ къ употребленію пива.

Извѣстно, что въ старину и высшая школа въ краѣ, Академія кievская, не обезпечена была отъ нужды и голоданія. Содержалась она на доходы съ имѣній братскаго монастыря да на добротныя подаванія съ кievскихъ и повѣтовыхъ обывателей¹⁾. Сборъ этихъ подаваній организованъ былъ посредствомъ такъ называемыхъ *конгрегацій*, но пользовались этимъ сборомъ только немногіе *спудеи*, жившіе въ самомъ братствѣ, большая же часть бѣдняковъ, приходившихъ въ братскія школы со стороны, должна была промышлять сама о себѣ. Лучшіе изъ нихъ поступали на *кондиціи* въ дома шляхетныхъ людей

¹⁾ Первый жалованный окладъ Академіи положенъ грамотою царей Петра и Іоанна Алексѣевичей въ 1694 г. Повелѣно было отпустить изъ кievской казны на Академію, которая въ то время называлась еще Коллегіей, по 50 р. денегами и по 50 четвертей хлѣба. Затѣмъ это содержаніе постепенно увеличивалось и дошло чрезъ столѣтіе въ 1797 году до 12 тысячъ рублей въ годъ. (Описаніе Кіева, Закревскаго I 162).

въ качествѣ домашнихъ наставниковъ, которые носили въ то время солидный титулъ *инспекторовъ*. Остальная братія тѣснилась по церковноприходскимъ школамъ, получая отъ прихожанъ скудное вознагражденіе пищею и дровами. По неволѣ приходилось добывать средства къ жизни испрошеніемъ подаеній. Цѣлыми толпами ходили по улицамъ города *миркачѣ*, получившіе это названіе отъ перваго слова пѣсни, въ которой выражались благожеланія домохозяевамъ за милостыню. Въ праздники Рождества и Воскресенія Христова они являлись въ дома обывателей съ поздравительными виршами и праздничными кантами. Когда же наступало время лѣтнихъ ваникулъ, безпріютные бѣдняки расходились по всему краю съ разными запасами школьной мудрости, чтобы собрать какіе-нибудь денежные запасы на учебное время года. Это были своего рода хожденія въ народъ—такъ называемыя—*эпетиции*, послѣ которыхъ кievская Академія не досчитывалась многихъ питомцевъ своихъ. Одни изъ нихъ увлевались обстановкою сельской жизни, о которой мечтали еще въ школѣ.

«Любезно село!» говорится въ одной рукописи прошлаго вѣка,
 «Когда увижу твои сладчайшіи стравы—
 Капусту, горохъ, рѣпу, бобъ, въ салѣ варенн?
 О вечера щасливии! О ночѣ блаженнѣ!»¹⁾

Подъ вліяніемъ этой обстановки они затягивались глубже и глубже въ тину повседневной жизни, утѣшая себя мыслию, что наука не составляетъ ихъ призванія. Есть любопытная *пріказка* въ той же рукописи, изображающая это настроеніе:

«Не пинсь, что тебѣ не дано отъ Бога:
 Безъ Бога, знаешь, ниже до порога.
 Если не роженъ, не сунься въ пауку:
 Ахъ, многи черезъ то въ вѣчну впали муку!
 Не многихъ мати породила къ школѣ.
 Хочъ ли блаженъ быть?
 Будь сытъ въ твоей долѣ»²⁾.

¹⁾ Рукоп. Кіево-Михайлов. монастыря, № 1752.

²⁾ Ibidem.

Могіне изъ *энетентовъ* томились жаждою приключеній и исчезали безслѣдно на „славномъ Запорожьѣ“, слагая головы свои въ тревожной жизни войсковаго братства. Болѣе счастливые изъ нихъ находили тамъ же свое призваніе въ *каламартъ* войсковаго писаря. Не мало было и такихъ, которые съ дерзновенною душею переступали черезъ порогъ панскаго дома въ качествѣ вольныхъ людей, а потомъ сами не знали, какъ вырваться на волю¹⁾. Но главнымъ убѣжищемъ для всѣхъ странствующихъ школьникоуъ была сельская школа. „Школа всякимъ страннымъ домъ есть вольный“, гласить старинная народная пословица²⁾. Здѣсь бросали якорь утомленные странники на болѣе или менѣе продолжительное время. Иные оставались въ приходѣ навсегда въ качествѣ дьяковъ или же помощниковъ мѣстнаго дьяка. Другіе шли дальше, постепенно усваивая привычку къ бродячей жизни, исполненной всякихъ тревоженій и злключеній. Нужно сказать, впрочемъ, что и весь посполитый людъ въ то время тоже пользовался правомъ вольнаго перехода отъ одного пана къ другому до самаго закрѣпощенія крестьянъ. Всѣ искали счастья въ передвиженіи съ мѣста на мѣсто, кромѣ тѣхъ, которые посредствомъ урядовъ и другихъ привилегированныхъ положеній получали возможность свить себѣ теплое и прочное гнѣздо. Понятно, что и кочеванье школьникоуъ изъ одной школы въ другую не могло казаться тогда явленіемъ страннымъ или же постороннимъ. Такъ, изъ самыхъ условій жизни выработалась въ старинной Малороссіи своего рода передвижная школа изъ бродячихъ школьникоуъ, которые быстро превращались въ мандрованныхъ дьяковъ³⁾.

¹⁾ Украинск. старина, Данилевскаго, 298—299.

²⁾ Украинскіи прикази, Номиса, стр. 119.

³⁾ Случалось иногда, что видъ странствующаго школьника принимали на себя люди, желавшіе избѣжать опасности или же уйти отъ бѣды. Въ Литовскіи Величка есть любопытное извѣстіе о противникѣ Дорошенка, гетманѣ Стрѣвскомъ. Онъ былъ разбитъ однимъ изъ отрядовъ войскъ Дорошенка и „отъ настолешия ему тогда бѣды, смятъ и тамъ тулячиши, спаслъ гоноръ свой гетманскій титулъ школярскимъ“. (т. II, 224).

Чтобы познакомиться съ бытомъ и нравами этихъ людей, остановимся на автобіографіи одного изъ нихъ, Ильи Турчиновскаго, который „по школамъ волочился“ въ первой четверти прошлаго вѣка¹⁾.

Турчиновскій былъ сынъ березанскаго сотника, учился сперва въ мѣстной березанской школѣ, а потомъ въ низшихъ классахъ кievской Академіи, откуда взятъ былъ матерью домою для помощи въ хозяйствѣ и „за домашнею суетою всего позабиль“—и вотъ онъ началъ странствовать „для повиданія болѣе свѣта и ученія“. Сперва онъ состоялъ писаремъ дворовымъ при сотникѣ синявскомъ Мандрикѣ, а затѣмъ отправился съ двумя подобными себѣ искателями приключеній въ г. Могилевъ-Литовскій. На дорогѣ произошла между ними ссора. Спутники его—„лютые Диоклитіане“, какъ онъ говоритъ, чуть было не убили его, но ограничились тѣмъ, что отобрали у него деньги. Въ пограничномъ селѣ Поповой Горѣ принять онъ былъ „до половины дяковской“ и пріютился въ приходской школѣ, но „лютые Диоклитіане“ донесли на него сотнику компанейскому, который стоялъ въ томъ селѣ, что Турчиновскій по дорогѣ дяковъ въ школахъ обижалъ, книги и деньги у нихъ похищалъ, поэтому тою же дорогою они возвращаться назадъ не могутъ. Сотникъ велѣлъ отобрать у него деньги, книжки и одежду и забить въ колодки, какъ вора, а за отобранныя вещи приказалъ шинкаркѣ подать судьямъ и тѣмъ „лютымъ Диоклитіанамъ“ меду. Начался шумный пиръ съ пѣніемъ, заставляли пѣть и осужденнаго: „еднакъ я,—говоритъ Турчиновскій,—хочай и покушался спѣвать, но за обліяніемъ слезъ не могъ и гласу отвести“. Отъ шума и гама пирующихъ проснулся атаманъ компанейскій, который въ это время спалъ на печи. Оказалось, что это былъ давній знакомый отца Турчиновскаго. Дѣло приняло иной оборотъ. Турчиновскаго распросили, какъ слѣдуетъ, возвратили ему все имущество его, а клеветниковъ забили въ колодки на цѣлыя сутки. Мало того—

¹⁾ Рукопись первой половины XVIII в., начатая въ „Кіевской Старинѣ“, 1885 г., Февраль.

сотникъ компанейскій оставилъ его при себѣ писаремъ. Но не таковъ былъ Турчиновскій, чтобы усидѣть на одномъ мѣстѣ. Отпросился онъ у сотника въ Могилевъ „для обученія языка латинскаго и провидѣнія по свѣту людскаго обхожденія“. Перезимовалъ онъ въ Могилевѣ въ школѣ при покровской церкви, а весною поступилъ въ іезуитскую школу. Случайно услышалъ пѣніе его православный епископъ въ церкви Преображенія Господня и, узнавъ, что пѣвецъ былъ православный, пригласилъ его въ должность пѣвческую. Іезуиты прогнали его отъ себя, какъ схизматика. И на новомъ мѣстѣ не обошлось безъ приключеній. Поссорился онъ съ регентомъ архіерейскаго хора, который, злобствуя на него, во время всенощной на Свѣтлое Воскресеніе Христово „пхнулъ его изъ хоръ, черезъ желѣзные балясы“. „Летѣлъ я, говоритъ Турчиновскій, изъ хоръ на доль, и ежели бы не потрапиль на женскія главы, то бы о камень мрамуръ разбился. И многимъ женамъ повреждены были главы, а единой старусѣ и вся глава сломилась, якая у три дня и умерла“.—Регентъ, боясь гнѣва архіерейскаго, принялъ католическую вѣру и продолжалъ преслѣдовать Турчиновскаго. „Бѣгая того зла“, отпросился онъ у архіерея съ двумя пѣвчими въ г. Шкловъ, гдѣ пристроился въ качествѣ регента при монастырѣ Благовѣщенія. Прожилъ онъ здѣсь четыре года. Но и тутъ, по обыкновенію, нашлись враги у него. Одинъ разъ вмѣстѣ съ какими-то странствующими двумя студентами изъ Кіева на Свѣтлое Воскресеніе „выправилъ“ онъ „діалогъ зъ интермедією, на якій многолюдствіе благочестивыхъ собралось, и римлянъ, и самихъ езовитовъ, и доменѣканъ, и жидовъ“. Мѣстный органистъ доминиканскаго вляштора, по наущенію католическаго духовенства, пригласилъ его до „органовъ спѣвать“. Турчиновскій отказался, не смотря на приказаніе губернатора. За это органистъ съ замковыми драгунами избилъ его до полусмерти. Пришлось лѣчиться отъ побоевъ, но по выздоровленіи обиженный съ своими пѣвчими засталъ „того органѣсту въ ночное время въ шинку и отреванъжевалъ ему такожъ кіями и шаблями“..... Послѣ этого происшествія нельзя уже было оставаться въ Шкловѣ, поэтому Турчиновскій,

„забравши всѣхъ пѣвчихъ, дубомъ по рѣкѣ Днѣпру пустился внизъ“. На дорогѣ судно наскочило на корчу, пловцы едва спаслись, благодаря прибрежнымъ рыбакамъ, а имущество ихъ вмѣстѣ съ судномъ затонуло. Добрались они кой-какъ до Чернигова. Здѣсь два спутника Турчиновскаго поступили на службу къ архіерею Радіону Жураковскому, а самъ Турчиновскій вмѣстѣ съ остальными четырьмя пѣвчими пріютился по просьбѣ генеральнаго обознаго Якова Лизогуба въ Седневѣ въ качествѣ дьячка. Жилъ онъ тамъ цѣлый годъ, чтобы заработать на одежду и, „мало пріодѣвшись“, прибылъ на свою родину, гдѣ засталъ еще въ живыхъ отца, и мать, и всѣхъ родныхъ своихъ. „Въ дому мало поживши“, направился онъ въ Переяславль, гдѣ и принятъ былъ регентомъ въ „катедру“. Въ 1718 году женился и въ томъ же году епископомъ переяславскимъ Кирилломъ Шумлянскимъ рукоположенъ за заслуги пѣвческія въ священники на родину, въ м. Березань.—Такъ окончилась дьяческая карьера Турчиновскаго, который, вслѣдствіе безпокойнаго нрава своего, претерпѣвалъ не мало всякихъ бѣдъ и въ должности священника.

Отдѣляя то, что относится къ личнымъ качествамъ самаго Турчиновскаго, не можемъ не признать въ немъ одного изъ типичныхъ представителей *мандрованныхъ* дьяковъ. Всѣ они, какъ и Турчиновскій, отличались въ большей или меньшей степени продерзостью нрава и отвагой, управляемой голодомъ и выносливостью въ испытаніяхъ всякаго рода. Въ дополненіе къ этимъ чертамъ занимающаго насъ типа приводимъ отрывки изъ одной интерлюдіи Довгалевскаго, нигдѣ еще не напечатанной, по рукописи первой половины прошлаго вѣка¹⁾.

Начинается интерлюдія монологомъ одного пиворѣза, который размышляетъ о томъ, куда бы ему „продягшись мало“ помандровать—въ Березну или въ Коропъ. Плѣняетъ его градъ Коропъ, гдѣ всякіе

«корпсты биваютъ», куда

«И соборніи нашѣ учащаютъ,

¹⁾ Рукопись Кіево-Махайловскаго монастыря, 1736 года, № 1710.

Вѣзмъ той камень, прибѣжище зайцемъ и маты,
 Гдѣ братія животъ свой жаждетъ скончевати.
 Камо и азъ шествую алчнѣй, жаднѣй пити,
 Да животъ мой въ градѣ томъ могу кончить,—
 Въ немъ-же мы отъ дѣтскихъ лѣтъ крѣпчествовали
 И по шагу изъ диму рокового брали.
 И тамъ насъ братія соборнѣйша знаетъ,
 Только туди появлюсь, то вся прибѣгаетъ
 Подъ нашу милость, даби клиру сопрячтити,
 И соборъ мижъ братію добре утвердити.
 Не только жъ мы умѣемъ кльромъ управлять,
 Но можемъ еще куншти разніе писати.

Является другой пиворѣзъ. Завизывается между ними разговоръ. Мы бывало, говоритъ новый пришелецъ.

«Ивъ колѣсь на мѣсцѣ бывали,
 То до мене всѣ странни въ школу приходяли.
 Ми бывало всего по достатку маемъ,
 И кто прійдетъ къ намъ въ школу, любезно вгощаемъ:
 Велие быше число у насъ горѣлицъ,
 Поли чванцы текущы зъ подъ трубной криницы,
 И всего, слава Богу, быше по достатку,
 Що у людей, то и въ насъ—всякого статку,—
 Да и теперь богати: маемъ воли и теляцы,
 Иже купно мандруютъ по стѣнѣ къ трубницѣ».

«Не хвалѣтесь.

отвѣчаетъ своему собрату первый пиворѣзъ.

«бо и мы блощичного роду,
 Маемо по достатку и всякого плоду,
 Довоствуемъ же збѣло, что хлѣба нѣ куса.
 Все ховичи по школѣ справляемо трусю,
 Потряшши кулерамы, да спаты дѣбаемъ,
 А уставши раненко, бравку подипваемъ».

Собесѣдники затѣмъ распраниваются другъ друга, откуда кто идетъ. Первый говоритъ, что идетъ онъ изъ Серепной Буни, что хотѣлъ бы пойти въ Березну, но боится.

«бо постронвъ штука,

«Такъ щобъ не понагнѣса протопопѣ въ руки».

Рѣшаются они вмѣстѣ идти въ Коропъ, излюбленный городъ пиворѣзовъ, но чтобы „добре залѣцятись“, находятъ нужнымъ снять портреты другъ съ друга:

«Напередъ мене зволте вмалюваты,
А потомъ мы важецѣ будемъ рисовати».

Въ это время приходитъ къ нимъ мужикъ съ вопросомъ:

«Скажѣть, панове деды, мудри вы люде,
Чи Кавель Кавеля вбивъ, кому брехня буде,
Чи минѣ-бъ то съ кумомъ, чи моему свату:
Все не дасть просвѣтку—дай же его кату!»
—«Не бойся онагрнку¹⁾»,— отвѣчаетъ ему одинъ пиворѣзь,—
кума побѣдаши,
Аще на горѣлицу шага положиши».
—«Мы тобѣ, пане даче,—говорить мужикъ,—
и всіого потроху
Дамо крупѣвъ и соли, ишона и гороху».

Пиворѣзъ приготавливается затѣмъ къ снятію портретовъ. Захотѣлось и мужику, чтобы и съ него сняли портретъ.

«Добре,—отвѣчаетъ ему первый пиворѣзь,—
мы служить охочѣ,
Отмалюемъ усіого, толко заллющъ очн».

Мужикъ закрываетъ глаза, а нашъ любитель „штукъ“ вымазываетъ ему краской все лице, при чемъ товарищъ его высказываетъ сожалѣніе, что маляръ

«не залѣпивъ ему рота,
Якъ пѣйде до громады да войту пскаже,
Той намъ кіями ктитарь пекарню помаже».

¹⁾ Онагръ—*asinus ferus*.

Не обошлась эта проказа нашимъ пиворѣзамъ даромъ. Собрались въ школу пріатели наивнаго мужа, чтобы проучить проказниковъ.

«Гледи лишъ, Тарасе,—говорить одинъ изъ мужиковъ,
 «да стань отъ порога,
 То мы легкобитовѣ приищемъ рога,
 И іонъ, ... синъ, поднавъ смѣхъ зъ нашего брата.
 Коли бъ що добре таки, а то шараната».

Сцена оканчивается посрамленіемъ пиворѣзовъ: „забываютъ,—говорятъ они убѣгая,—нищету нашу и печаль нашу... Обійдоша мя пси мнози... Жезлъ твой и палица твоя та мя утѣшиста... О Бозѣ моемъ прелѣзу стѣну... Сонмъ лукавихъ обдержаша мя“...

Картина, очевидно, снятая съ натуры. Дѣйствія въ ней мало, но типы обрисованы выпукло и ярко. Пиворѣзы стоятъ передъ нами, какъ живые. Нѣсколько они подходятъ въ той категоріи людей, которыхъ въ наше время обыкновенно называютъ неудачниками. Изъ школы они не вынесли законченныхъ знаній и пустились по свѣту промышлять обрывками науки, которая въ цѣломъ своемъ составѣ была для нихъ, „яко темная вода во облацѣхъ воздушныхъ“. Съ этими обрывками они появлялись въ народъ и озирали его съ высоты своего школярскаго величія. Лучше всего выразилъ это настроеніе въ виршахъ своихъ монахъ Климентій, современникъ Турчиновскаго, человекъ тоже пиворѣзнаго типа:

«Въ простого мужа простой есть обычай,
 А въ письменнаго особый, политичный звычай»¹⁾.

Не симпатиченъ для насъ этотъ „звычай“—въ безцѣльной игрѣ жизнью строить всякія „штуки“, рисоваться передъ народною толпой въ качествѣ удалыхъ, добрыхъ молодцевъ,

¹⁾ Основа, 1861 г., Январь, 176.

„залицаться“ съ поселянами посредствомъ портретовъ, конечно, за невозможностію имѣть при себѣ фотографическія карточки нашего времени. Не симпатична для насъ эта полупьяная и даже совсѣмъ пьяная удаля, подогрѣваемая убѣжденіемъ, что можно въ худшемъ случаѣ спрятать концы въ воду и избѣжать надлежащаго возмездія.

Тѣмъ не менѣе возмездіе, какъ видимъ мы изъ интермедіи Довгалевскаго, было возможно. Въ народѣ, тогда еще незакрѣпощенномъ, сохранялось чувство человѣческаго достоинства:

«Що се тобѣ, Артюше, сталося такее,

говорить пріятель мужика, надъ которымъ пошутили пиворѣзы,

Що жъ мы въ перше изъ роду видимо отъ сее.

Що такъ отъ легкодоуха терпѣтнуть люде?

Едже, якъ не выбемо, то изъ насъ смѣхъ буде».

Мы должны понимать слово „въ перше“ для даннаго случая въ той мѣстности, гдѣ случилось это происшествіе, но полагать надобно, что и въ другихъ мѣстахъ оно вызвало бы тѣ же прискорбныя для пиворѣзовъ послѣдствія. При этомъ нужно еще имѣть въ виду и то обстоятельство, что—такъ или иначе—а все-же пиворѣзы состояли въ матеріальной зависимости отъ того самаго мужика, которому они любили, какъ говорится, пустить пыль въ глаза, поэтому они не могли давать полной воли дурнымъ привычкамъ своимъ. Напротивъ того, въ собственныхъ интересахъ своихъ они должны были выдвигать передъ нимъ лучшія качества свои—не столько научныя познанія, которыя у нихъ были скудны, сколько литературныя и вообще художественныя вкусы и навыки. Мы видимъ изъ интермедіи, что они умѣютъ и рисовать, и куншты разные писать и, конечно, церковныя пѣсни и канты разные распѣвать. Все это шло на потребу сельскаго люда для удовлетворенія, главнымъ образомъ, его религіознаго чувства. Но такъ

какъ это чувство непосредственно сливалось съ поэтическимъ міровозрѣніемъ народа, съ бытовыми подробностями его жизни,—то для насъ сдѣлается совершенно яснымъ, почему весь этотъ пиворѣзный людъ пользовался поддержкой и даже симпатіями народа. По крайней мѣрѣ, въ народныхъ пѣсняхъ нѣтъ сердитыхъ нотъ, вызванныхъ недостатками и слабостями пиворѣзовъ. Есть пѣсни о дьякахъ, изображающія нѣкоторыя неудачныя похождения ихъ въ область женской красоты, но онѣ сложены въ добродушно шутиливомъ тонѣ, который свидѣтельствуетъ о томъ, что дьякъ былъ свой человѣкъ въ приходѣ, — не только свой, но и симпатичный человѣкъ, безъ котораго немислимо было обычное теченіе сельской жизни въ самыхъ интимныхъ проявленіяхъ ея.

Нужно сказать, впрочемъ, къ чести пиворѣзовъ, что они сами расположены были къ сознанию собственныхъ своихъ недостатковъ и даже къ сатирическому изображенію ихъ. Любили они упражняться въ сочиненіяхъ, направленныхъ къ самообличенію. Въ школьныхъ сборникахъ прошлаго вѣка нерѣдко попадаются жестокія по тону обращенія къ пиворѣзамъ, чтобы они отстали отъ главнаго порока своего—пьянства. Комизмъ этихъ обращеній усиливается литературной формой ихъ, обусловленной спеціальнымъ занятіемъ пиворѣзовъ: это именно форма обычныхъ церковныхъ чтеній и пѣснопѣній. Въ одной рукописи церковно-археологическаго музея при кievской Академіи мы нашли не малое количество такого рода произведеній подъ слѣдующими заглавіями: „Правило увѣщательное пьяницамъ, пѣваемое не въ церквахъ, но в школахъ“; „Отъ посланія бахусоваго къ пиворѣзамъ чтеніе“; „Отъ притчей пиворѣза Березовскаго чтеніе“; „Синаксарь на память пьяницамъ о избрѣтеніи горѣлки“; сверхъ этого—пѣсни на разные ирмосы, тропари и кондаки. Приводимъ для образца одинъ изъ кондаковъ, гласъ пятый:

«Радуйтесь, пиворѣзы, я пакы реку: радуйтесь! Се радости день присиѣваетъ, день, глаголю, праадника рождественскаго збли-

жется! Восстаните убо отъ ложей своихъ и воспріймѣте всякъ по своему художеству орудія, содѣлайте вертени, склейте звѣзду, составте партесы, — егда же станете по улицахъ со звукомъ бродить, пшуще сивухи, примуть васъ козаки во кривы своя¹⁾.

Пиворѣзнымъ настроеніемъ вѣтъ отъ этого кондака, поэтому мы и думаемъ, что онъ могъ быть составленъ въ средѣ самихъ пиворѣзовъ или же въ средѣ людей пиворѣзнаго происхожденія. Мы разумѣемъ осѣдлыхъ дьяковъ, въ составъ которыхъ входили многіе пиворѣзы, бѣжавшіе изъ латинскихъ школъ. Постепенно сливаясь съ народною массою, они превращались такимъ образомъ изъ *латинниковъ* въ *псалтирниковъ* и относились уже отрицательно въ своему прошлому, которое любили изображать въ „кунштахъ и виршахъ“ юмористическаго содержанія на тему о томъ, что „стоитъ латина, привязана пидъ тиномъ“ и т. п. Такова, напримѣръ, полувирша, полупѣсня: „Бувъ Грыцько мудрый родомъ зъ Коломыи“. Нерѣдко встрѣчается она въ школьныхъ сборникахъ XVIII в., даже и теперь еще не позабыта въ народѣ. Выступаетъ этотъ Грыцько передъ нами, какъ „мудрый“ *латинникъ*, который такъ „учився добре на философи“, что на шестнадцатомъ году уже и „псалтырку знавъ“. Вотъ приходитъ онъ домой. Отецъ приглашаетъ къ себѣ пастуховъ, чтобы они его „запытали и, що знае, спробували“. Пастухи люди скромные: они чувствуютъ себя въ неловкомъ положеніи, „бо винъ филозофъ“. Присмотрѣвшись ближе къ этому „филозофу“, они осмѣливаются сказать ему, что и „мы ту латыну знаемъ, толко тебе ся питаемъ. якъ-то по латынѣ женуть въ поле свынѣ, скажи ты намъ“. Взялъ Грыцько книжку и „пишовъ до хлива, ставъ у кутку съ презенцію, мовить свинямъ орацію: алянтусъ, свинянтусъ. згризантусъ травантусъ на стерниску“. Голодная свинья бросилась къ дверямъ и разбѣжалась. Тогда „батько Грыцьба зачуприну: а за що ты, скурвый сыну“, выругалъ свиней и разог-

¹⁾ Рукоп. Церковно-Археолог. музея при Киевск. Академіи № 151.

наль ихъ. Видитъ Грыцько, „що не жарты, забравъ въ торбу торбу усѣ карты, далъ Грыцько — въ обѣ ноги, мановыкомъ безъ дороги, руками махае, писенку складае самъ о соби“¹⁾.

Таковы были люди, подвизавшіеся на церковно-педагогическомъ поприщѣ въ старинной Малороссіи. Мы видѣли, что они далеко не свободны были отъ разныхъ нравственныхъ недостатковъ, отчасти неизбѣжныхъ въ томъ положеніи, которое они занимали: безъ кормила и руля шли они на встрѣчу всѣмъ случайностямъ жизни, „не ощущая на хребтахъ своихъ, какъ говорится въ одной сатирѣ на пиворѣзовъ, отягощенія торбъ, бездѣльными шпаргалами наполненныхъ“²⁾. Въ виду этой обстановки нашихъ старинныхъ педагоговъ, мы не беремъ на себя смѣлости въ рѣшительномъ тонѣ осуждать ихъ съ точки зрѣнія современныхъ намъ этическихъ требованій отъ народнаго учителя. Знаемъ мы, что и въ то время могли смотрѣть на нихъ съ уваженіемъ люди, которые учились въ тѣхъ же латинскихъ школахъ, но, благодаря своимъ талантамъ и счастью, проложили себѣ болѣе широкій путь въ жизни. Воззрѣнія этихъ людей, тоже не безгрѣшныхъ въ разныхъ иныхъ отношеніяхъ, меньше всего могутъ служить надежной точкой опоры для оцѣнки мелкихъ дѣятелей просвѣщенія, которые довольствовались убогою и скромною долей сельскихъ бакаляровъ, и потому не оставили послѣ себя громкихъ именъ, отмѣченныхъ въ исторіи края. Между тѣмъ въ нихъ-то, по нашему мнѣнію, и заключалась вся сила просвѣтительнаго движенія, начатаго по инициативѣ народа и не отрывавшагося въ старину отъ народной почвы. Это взаимодействіе народныхъ и книжныхъ вліяній, въ связи съ подвижнымъ составомъ старинной малорусской школы, многое объясняетъ намъ, какъ въ міровоззрѣніи малорусскаго

¹⁾ Рукописный Сборн. XVIII в. Кибальчича, списанный Нейманомъ.

²⁾ Рукоп. Церковно-Археолог. Музея при кievск. Акад. № 151.

народа, такъ и въ поэтическомъ выраженіи этого міровоззрѣнія.

Обратимся теперь къ самому содержанію „бездѣльныхъ шпаргаловъ“, которые служили для *молодиковъ* старинной нашей школы лакомой приправой къ изученію грамѣтки, псалтиря и часловца.

III.

Старинныя малорусскія вирши.

Еще въ первой половинѣ XVII вѣка Кирилль Траневиліонъ-Ставровецкій предназначалъ свое „Перло многоцѣнное“ для студентовъ, которые, по его мнѣнію, могли „съ той книги святой выбирати вѣрши на свою потребу и творити зъ нихъ ораціи rozmaityi часу потреби своєї, хочъ и на комедіяхъ духовныхъ“¹⁾. Сами студенты соревновали другъ съ другомъ въ стихотворномъ искусствѣ, или, какъ тогда говорили, въ „поетицкомъ художествѣ“. Оно считалось самымъ рѣшительнымъ признакомъ литературнаго образованія, обязательнымъ для *письменнаго* человѣка, учившагося въ латинскихъ школахъ. Оно входило, такъ сказать, въ самый обиходъ жизни, какъ служебное орудіе разнообразныхъ задачъ ея, не имѣвшихъ большею частью ничего общаго съ поэзіей. Плодомъ этого школьнаго возрѣнія на „поетицкое художество“ была громадная литература южнорусскихъ виршей, написанныхъ въ XVII и XVIII вв. и предназначенныхъ какъ бы для того, чтобы утонуть въ пучинѣ забвенія. И въ самомъ дѣлѣ, отъ нихъ не осталось, по видимому, ничего, кромѣ глухаго упоминанія въ учебникахъ литературы, что нѣкогда процвѣталъ въ школахъ и сей родъ поэзіи.

Не станемъ и мы извлекать изъ рукописей и старопечатныхъ книгъ всего виршеваго матеріала, созданнаго особенными вкусами и потребностями схоластической мысли. Мы обратимъ исключительное вниманіе только на тѣ вирши, которыя находятся въ соприкосновеніи съ народнымъ самочувствіемъ, съ народною

¹⁾ Перло многоцѣнное, ч. I, стр. 1, 2-е изд. (въ Могилевѣ), 1699 г.

самодѣтельностью въ области поэтическаго творчества. Многія изъ нихъ вошли въ составъ, такъ называемыхъ, духовныхъ стиховъ и сохранились до настоящаго времени въ полународной, въ полукнижной формѣ. Отсюда распространилось ихъ вліяніе и на другія сферы народной поэзіи семейнаго и общественно-бытоваго содержанія. Затрогивая самыя интимныя стороны народной мысли и чувства, онѣ содѣйствовали установленію основнаго тона, который звучитъ въ народной малорусской поэзіи. Мы разумѣемъ то настроеніе ея, которое выражается въ оригинальномъ сліяніи скорби и смѣха, безграничной вѣры и безпощаднаго сомнѣнія. Въ настоящемъ очеркѣ мы поставили для себя задачей выяснить это настроеніе, на сколько оно проявляется въ виршахъ, чтобы найти такимъ образомъ исходную точку къ приблизительному рѣшегію вопроса о происхожденіи и поэтической редакціи народныхъ малорусскихъ думъ.

Мы остановимся прежде всего на виршахъ правоучительнаго содержанія, затѣмъ перейдемъ къ виршамъ правоописательнаго содержанія. Первые носили названіе *псалмъ*, вторыя—*кантовъ*, хотя оба эти названія не были безусловно обязательны для виршей того и другаго рода. Не мало правоописательныхъ виршей существуетъ также въ видѣ школьныхъ интермедій. Обзоръ виршеваго матеріала мы закончимъ виршами историческаго содержанія.

Вирши правоучительнаго содержанія.

Что такое жизнь человѣческая? Что означаетъ смѣна однихъ порядковъ и явленій ея другими? Въ чемъ заключается добро и зло ея? Совпадаетъ-ли первое съ идеей счастья, а послѣднее съ идеей несчастья? Чего долженъ желать человѣкъ, къ чему долженъ стремиться онъ?

Все это старыя вопросы, на которые есть и готовые отвѣты. но въ этихъ отвѣтахъ всегда есть также индивидуальная примѣсь, или-же то психическое *нѣчто*, которое накапливается цѣлымъ рядомъ поколѣній и составляетъ этнической признакъ, отличающій одну народность отъ другой. *Нѣчто* это есть и въ виршахъ пра-

воучительнаго содержанія, безъ сомнѣнія, потому что составители ихъ были люди, выходявшіе изъ народа и не терявшіе бытовыхъ связей съ нимъ. Конечно, выражаются они въ своихъ виршахъ, какъ люди *письменные*, но думаютъ и чувствуютъ, какъ люди народные. Смотрятъ они на жизнь съ высоты религиозно-философскаго отрицанія, въ которомъ есть добрая доля пессимизма, свойственнаго міровоззрѣнію малорусскаго народа. Но на днѣ этого пессимизма лежитъ нѣжное участіе къ людямъ, оторваннымъ отъ родной семьи, заброшеннымъ и обездоленнымъ. Это пессимизмъ украинскій, проникнутый сентиментальнымъ настроеніемъ.

Жизнь и смерть, смерть и жизнь, только иная, загробная, лучшая, — вотъ та естественная смѣна идей, въ которой вращается мысль вѣрующаго человѣка. Смерть есть моментъ освобожденія духа нашего отъ оковъ плоти, поэтому спокойно взираетъ на смерть тотъ человѣкъ, который думаетъ о вѣчности. Напротивъ того, боится смерти тотъ, кто увлекается земными наслажденіями и радостями.

На эту тему написано множество виршей въ XVII и XVIII вв. Самая древняя изъ нихъ и въ то-же время самая полная принадлежитъ тому-же Кириллу Транквилліону-Ставровцкому. Онъ помѣстилъ ее въ своемъ „Перлѣ многоцѣнномъ“ подъ заглавіемъ: „Лѣкарство роскошникамъ того свѣта—пѣснь вѣчная при банкетахъ панскихъ“. — Поется эта пѣснь отъ лица покойника-пана, который застигнутъ былъ смертью врасплохъ. „Где мои нынѣ, восклицаетъ онъ, замки коштовные, мурованы, а шкатули, злотомъ нафасованы? Гдѣ мои пресвѣтлы, златотканныи шаты, рыси, соболе, кармазины и дорожны шкарлаты?“ Горько сѣтуетъ онъ, что „неподѣване“ смерть „зъ всего“ его „обнажила и межи смродливими трупы положила“. „Пріятелѣ мои“, продолжаетъ онъ, „далеко отъ мене стали и носы свои предъ смрадомъ моимъ позатикали. Вчера въ дому моемъ было гоине веселье, музиковъ играня, а спѣваковъ веселое спѣване, и на трубахъ мѣдяныхъ выкрикане, скоки, танцѣ, веселое плясаня,—вина наливаи, выпивай, проливаи,—столи мои сладкими покормы покрити, гости мои и пріятелѣ—персоны знаменити, а нынѣ мене все доброе и весе-

лое минуло, слава и богатство на вѣки ушло.—Во цвѣтѣ молодости умеръ панъ, и ничего больше не осталось ему въ утѣшеніе, какъ только безплодное сознаніе, что смерть могущественнѣе жизни, что она „на всѣхъ мечъ свой лютый обнажила“.—„Где нынѣ“, восклицаетъ онъ, „тиранове неужитыи и князя на землѣ знаменитыи,—где нынѣ воинове горделивыи и мучителѣ невинныхъ злосливый?“ „Ты, обращается онъ къ смерти, съ премудрыхъ философовъ смѣховиско строишь, у главѣ ихъ, где свѣтлая премудрость столицу свою мѣла и въ ней почивала, тамъ нынѣ тыльво смродливая пустка zostала... Ты риторскій языкъ сладкоглаголивый безгласіемъ связуешь и предъ многими его показуешь, яко нѣмого болвана“¹⁾...

Много *риторскаго языка* въ этой пространной виршѣ. Она есть какъ-бы голосъ съ того свѣта,—конечно, болѣе громкій, чѣмъ молчаливыя дѣянія всемогущей смерти.—Для насъ важенъ этотъ голосъ по разнообразію мотивовъ, которые слышатся въ немъ и которые въ другихъ виршахъ развиваются отдѣльно. Это—мысли о скоротечности жизни, о тщетѣ благъ міра сего и, наконецъ, о всемогуществѣ смерти.

Послѣдняя мысль слабо развита въ другихъ виршахъ и въ духовныхъ стихахъ виршеваго происхожденія. Смерть въ этихъ послѣднихъ обрисована кратко: она „страшна вельми собою, лютымъ огнемъ наполнена и отъ лица возстраждена“²⁾. Гораздо рельефнѣе выступаетъ образъ ея въ извѣстномъ сказаніи о прѣвнн живота съ смертію, которое встрѣтилось намъ въ одной изъ рукописей XVIII в. Малорусскій текстъ сказанія, по всей вѣроятности, составленъ по одной изъ польскихъ редакцій его западно-европейскаго происхожденія³⁾.

Зато первыя двѣ мысли подробно развиваются, какъ въ виршахъ, такъ и въ духовныхъ стихахъ.

Въ Богогласникѣ подъ № 227 помѣщена вирша, озаглавленная такъ: „Жаль надъ злѣ иждивеннымъ временемъ житія“⁴⁾.

¹⁾ Перло многоцѣнное, ч. II, стр. 149.

²⁾ Стихъ, записанный В. П. Горленкомъ въ Лохвицѣ отъ лирика Кравченка.

³⁾ Рукопись церковно-археологич. музея при кievс. дух. академіи, ф. 52.

⁴⁾ Мы пользовались сравнительно позднимъ изданіемъ Богогласника—1825 г. Вирши, напечатанныя въ этомъ изданіи, подправлены и подновлены: онѣ, какъ

Нерѣдко встрѣчается она и въ рукописныхъ сборникахъ конца прошлаго вѣка. Въ ней высказываются сѣтованія на внезапное появленіе смерти въ тѣ годы жизни человѣка, когда онъ вкусилъ уже отъ чаши наслажденій, но не допилъ ее до дна.

«Ахъ, ушли мов лѣта,
Какъ вихоръ съ круга свѣта»,

такъ начинается эта вирша,

«Только такъ мнѣ подалось»,
Что одинъ день прожилося».

Страшная гостья приказываетъ человѣку идти въ далекую дорогу, „на тотъ свѣтъ до Бога“.

«Съ чемъ же тамъ я появлюся,
вопрошаетъ онъ самого себя,
Чимъ я Богу прислужуся?
Ны свѣтила, ны кадла,
Все то смерть распорошила!»

Однако же, по нѣкоторомъ раздумьи, находитъ онъ, что смерть тутъ ни при чемъ, что самъ онъ виноватъ въ своей судьбѣ. Убаюкивалъ онъ себя мыслию, что „не часъ еще“ ему умирати,

«Треба вѣку доживати»,—

что

«Старость будетъ на тое,
Чтобы дѣлать все благое».

И вотъ онъ

«Старости не дождался,
И на тотъ свѣтъ не прыбрался»¹⁾.

сказано въ предисловіи. предлагаются „аки свѣдъ, нимни смаками утворенная и наново приготавленная, аки одежда обветшавшая, перешита же и обновлена, или аки потемненное серебро, искушено же огнемъ и очищено седмерицею“. Поэтому мы будемъ пользоваться преимущественно рукописными сборниками конца прошлаго вѣка, обращаясь къ Богогласнику только въ тѣхъ случаяхъ, когда текстъ виршей въ рукописяхъ представляетъ явные слѣды искаженія. Многія вирши, отиѣченными именами авторовъ, могли быть сочинены вновь почтаевскими базиліанами для изданія 1825 г., поэтому онѣ совсѣмъ не войдутъ въ наше обозрѣніе.

¹⁾ Сборникъ Кивальчича, № 53: „Пѣснь о покаяннѣ“. См. также Народныя пѣсни галицкой и угорской Руси, Головацкаго, ч. III, отд. I, 285.

Въ записяхъ этой вирши отъ лирниковъ—тѣ же мысли и тотъ же тонъ, только нравоученіе короче и языкъ, конечно, чище ¹⁾).

Не мало есть также виршей, написанныхъ на тему „*optima vanitas*“. Самая распространенная изъ нихъ та, которая начинается словами: „Кажуть люде, що я умру“... Она помѣщена въ Богогласникѣ подъ № 236 и тоже довольно часто встрѣчается въ старинныхъ спискахъ. Главный мотивъ ея, какъ и въ виршахъ Транквилліона, заключается въ противоположеніи между жизнію здѣсь и тамъ, за гробомъ.

«Зостанеться сребро и злато, дорогіе шаты,
А вже жъ мнѣ изъ собою нѣчого не взяти!
А хотий бымъ взялъ изъ собою, тамъ того не треба,
Саджень землѣ, чотири дошки, спасенія з неба» ²⁾).

Въ народной обработкѣ эта вирша отличается особенною задумчивостію тона ³⁾).

Но вотъ—окончилось земное существованіе человѣка. „Простите мя“, говоритъ онъ словами одной вирши, разставаясь съ жизнію, „братья милая и други,

Поля, холми и дубрави, зеленіе луги:
Вже жъ мнѣ по васъ не гуляти,
Вже прийшоль часъ мнѣ помирати» ⁴⁾).

Что-же ожидаетъ его тамъ въ первыя минуты загробной жизни, въ томъ переходномъ состояніи, когда душа его не нашла еще для себя опредѣленнаго положенія?

На этотъ вопросъ отвѣчаетъ вирша, помѣщенная въ Богогласникѣ подъ № 235 и начинающаяся словами: „Егда душа отъ тѣла разлучается“. Рассказывается въ ней о томъ, какъ появилась грѣшная душа въ воздушныхъ мытарствахъ. Видитъ

¹⁾ „Кіевская Старина“, 1883 г., Февраль, 468.

²⁾ Сборникъ Кибальчича, № 51: „Пѣснь о покаяннѣ“. См. также Народныя пѣсни, Головацкаго, ч. III, отд. 1. 286.

³⁾ Народныя южнорус. пѣсни, Метлинскаго, 371. См. также „Кіевс. Старина“, 1889 г., Февраль, Сборникъ Пшемка, 1780—82 г.

⁴⁾ Рукопись церковно-арх. музея при кіевс. академіи, № 489.

она тамъ своего ангела-хранителя, кается въ своихъ прегрѣшеніяхъ и умоляетъ о защитѣ. Но это было уже позднее раскаяніе: „о человѣче, говоритъ ему ангелъ, собиравъ еси въ семь мѣрѣхъ не по мѣрѣ,

Сокривалъ еси себѣ богатство,
Затворилъ еси свои врати предъ сироты,
Втратилъ еси царство» ¹⁾.

Объ этомъ разсказывается въ духовномъ стихѣ нѣсколько иначе.—„Изъ Кіева, изъ Ерусалыма, видѣлишло три черныченъкы“—одна съ крестомъ, другая съ евангеліемъ, третья съ кадильницей. Встрѣчаютъ ихъ Божья мать и спрашиваетъ ихъ, гдѣ онѣ были, и что видѣли. Отвѣчаютъ онѣ ей, что были онѣ въ Кіевѣ и видѣли.

Якъ душа зъ тиломъ роставалася,
Роставалася, та й позналася:
Чомъ же ты, тило, чомъ не тершило,
Постивъ не постыло? Чомъ-же ты, душе, недили не чыла?
Будешъ же ты, тило, въ сырий земли приты,
А ты будешъ, душе, у огни гориты» ²⁾.

Далѣе слѣдуетъ въ виршахъ картина страшнаго суда. Въ Богослуженіи она изображена подъ №№ 35, 36, 37, 239, 242. Не мало есть и духовныхъ стиховъ о страшномъ судѣ³⁾. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ ясно отражается вліяніе извѣстныхъ апокрифическихъ „Вопросовъ Іоанна Богослова Господу на Саворской горѣ“. Вотъ одинъ изъ этихъ стиховъ, болѣе выразительный и, сколько намъ извѣстно, нигдѣ еще не напечатанный:

«Страшный судъ наступитъ,
Хто добре заробитъ, той царства доступитъ...

¹⁾ Чубинск.

²⁾ Труды этнографическо-статистич. экспедицій Чубинскаго, т. I, 149—151. Въ виршахъ и стихахъ о грѣшной и праведной душѣ часто разлука ея съ тѣломъ отразилось въ видѣ извѣстнаго „Слова о видѣніи св. Павла“. (См. Сумцова, „Очерки исторіи вѣнгерскихъ апокрифическихъ сказ. и пѣсень“, Кіевъ, Старина, 1887 г., Ноябрь, 123.)

³⁾ Мелетинск. Народн. вѣнгор. пѣсни, 272. Чубинск. Труды экспедицій. I т., 220. Записка Юліанава, отдѣл. географич. общества, Матеріалы, 24, 31. „Кіевъ Старина“, 1889 г., Сентябрь, 694.

А впадут зори зъ високого неба,
 Займеться море й глубоки криници,
 А зирвуться витры—а дуже буйныи,
 А позносять горы, що будуть ривныи.
 Затрубить янгель въ янгельскую трубу:
 «Вставайте, умерши, до страшного суду!»
 Ой якъ прыйшла жъ душа та до своего тила:
 Гришний чоловиче, здайся зъ своего дила!
 Ой на Сафатовий долини, ой тамъ будутъ люде,
 Тамъ прыательство вытатыся буде:
 Ой братъ взъ сестрою, а мужъ взъ жоною,
 А сынъ зъ батькомъ, а маты зъ дочкою.
 А сынъ видъ батька розлучений буде,
 А маты зъ дочкою роздлена буде,
 Що дочка заробыть, тамъ маты не буде.
 Ой по ливий стороны будутъ еретыкы стояты,
 Ой тамъ будутъ душамъ смолы надаваты,
 А по правий стороны будутъ янгелы стояты:
 Ой не пийте смоли, джидитесь воды!
 Кто смолы нашьеться, той въ некло ввержеться,
 Кто воды джидеться, въ раю зостанеться!»¹⁾

Отдѣльныхъ изображеній рай и ада нѣтъ ни въ виршахъ, ни въ духовныхъ стихахъ. Встрѣчаются въ тѣхъ и другихъ разрозненныя указанія на адскія мученія, ожидающія грѣшниковъ на томъ свѣтѣ. Для насъ важны въ данномъ случаѣ народныя представленія о грѣхахъ, которые достойны адскихъ мученій. Любопытны въ этомъ отношеніи старинныя картины страшнаго суда, которыя до недавняго времени на югѣ Россіи составляли обычную принадлежность церковныхъ папертей. Въ церковно-археологическомъ музеѣ при кievской академіи есть нѣсколько такихъ картинъ, изображающихъ рай и адъ. Три изъ нихъ довольно значительнаго размѣра, не менѣе трехъ аршинъ въ длину (отъ верху до низу) и почти столько-же въ ширину. Лучше другихъ изъ этихъ трехъ сохранилась та, которая написана грубою кистью деревенскаго маляра и соста-

¹⁾ Записано въ с. Калюсикѣ, ушниц. у. подольской губ.

вляла собственность одной из сельских церквей волынской губернии.

Вотъ ея содержаніе.

На самомъ верху изображенъ Спаситель, предъ которымъ стоятъ съ правой стороны Богоматерь, съ лѣвой Іоаннъ Креститель, а за ними съ обѣихъ сторонъ ветхозавѣтные праведники, наслаждающіеся лицезрѣніемъ божественнаго суди. Во второмъ ряду по срединѣ изображено евангеліе, раскрытое на страницѣ: „прїидите, благословеннїи отца моего“... Надъ евангеліемъ крестъ, по сторонамъ евангелія два ангела, трубящіе въ трубы, по ту и по другую сторону—праведники новозавѣтные. Въ третьемъ ряду по обѣимъ сторонамъ наоя, на которомъ лежитъ евангеліе, изображено возстаніе изъ гробовъ: тутъ есть и сцена исповѣди предъ церковью, при чемъ дьяволъ искушаетъ исповѣдающагося,—и фигура челоуѣка, лежащаго въ постели, съ надписью: *тннница до церкви*, котораго дьяволъ тащитъ въ адъ,—и смерть съ косою, въ ней приближается ангелъ съ мечемъ и дьяволъ съ рукописаніемъ.—Въ четвертомъ ряду, на самой срединѣ протянута изъ облаковъ рука, которая держитъ вѣсы: на правой чашкѣ вѣсовъ душа праведнаго челоуѣка; вѣсы поднялись вверхъ; на коромысло ихъ съ лѣвой стороны взобралась черная мышь, а дьяволы вцѣпились въ лѣвую чашку вѣсовъ. Подъ вѣсами въ колесницѣ, запряженной дьяволами, сидитъ челоуѣкъ съ надписаніемъ: *судїа неправдїи*; дьяволы тащатъ его въ адъ. Съ правой стороны вѣсовъ изображены Адамъ и Ева подъ яблоней, на которой извивается змѣй. Ближе къ вѣсамъ лики оправданныхъ душъ. Съ лѣвой стороны вѣсовъ толпа евреевъ, предъ которой сидитъ дьяволъ, спустивши ноги въ бездну адскую. Положеніе евреевъ довольно затруднительное, ибо рай далеко отъ нихъ—въ нижнемъ углу картины, на правой сторонѣ вѣсовъ. Какъ они дойдутъ туда? И дойдутъ-ли, не смотря на предводительство Моисея, который, впрочемъ, изображенъ дважды—здѣсь, въ четвертомъ ряду, и въ первомъ ряду, въ числѣ ветхозавѣтныхъ праведниковъ? Вопросы эти художникъ оставилъ открытыми... Въ пятомъ ряду съ правой стороны изображенъ рай въ видѣ зданія, предъ ко-

торымъ стоять оправданныя души, а предъ ними ап. Петръ, протягивающій ключъ къ дверямъ рай. Съ лѣвой стороны—разверстая пасть ада, въ которую дьяволы погоняють души грѣшниковъ, изображенныя въ два ряда по группамъ. Надъ первой группой перваго ряда надпись: *клеветникъ*, надъ второй—*вѣдма*, надъ третьей—*наложница*. Надъ первой группой втораго ряда надпись: *чаровникъ*, надъ второй—*закрутка*, надъ третьей—*жито краде*, надъ четвертой—*кравецъ*, надъ пятой—*ткачъ*, надъ шестой—*мельникъ*. Каждая группа нарисована съ принадлежностями ремесла своего. Еще лѣвѣе—многое множество грѣшныхъ душъ стремглавъ низвергается въ адъ. Въ самомъ низу картины, подъ адомъ, помѣщено нѣсколько бытовыхъ сценъ съ соотвѣтствующими надписями. Сцена первая: группа состоитъ изъ четырехъ лицъ: на скрипкѣ играетъ музыкантъ, двѣ дѣвицы стоятъ въ парѣ, сбоку дьяволъ прикасается къ одной изъ нихъ когтистою рукою. Вверху надпись: *Дьяволъ леститъ до танцевъ*. Сцена вторая: подъ деревомъ стоитъ женщина и отдаетъ дьяволу своего ребенка. Вверху надпись: *Та що дѣти тратимъ*. Сцена третья: по другую сторону того-же дерева крестьянинъ въ лаптяхъ собирается лѣзть на дерево, дьяволъ ему помогаетъ. Вверху надпись: *Пчели краде*. Сцена четвертая: дьяволъ тащитъ въ адъ тачку, въ которой сидятъ мужчина и женщина въ намиткѣ. Вверху надпись: *Кумъ и кума*.

Замѣчательно, что всѣ почти грѣшники, изображенные на этой картинѣ, обречены на адскія мученія главнымъ образомъ за правонарушенія общественнаго свойства. Что касается до обрядово-религіозныхъ и семейныхъ преступленій, то они не обрисованы здѣсь съ надлежащими подробностями, поэтому для дополненія картины мы должны обратиться къ произведеніямъ народной поэзіи, въ которыхъ съ болѣею ясностью выражены религіозныя воззрѣнія на семью, проникавшія въ народное сознаніе путемъ школьныхъ вліяній.—Изъ многого выбираемъ немногое.

Такъ, въ одной галицкой колядкѣ рѣшается вопросъ: „Чому жъ такъ нема, якъ було давно?“—и затѣмъ изображаются отступленія отъ старины въ слѣдующемъ видѣ:

«Святѣмъ Ныколамъ пыва не варятъ,
 Святѣмъ Рождествѣмъ службы не служатъ,
 Святѣмъ Водорицамъ свичи не сучать.
 Ой бо вже давно, якъ правды нема,
 Бо вже си царь повоёвали,
 А царь на царя вийсько збирае,
 А братъ на брата мечемъ махае,
 Ой бо сынъ витця до права тягне,
 Донька на матирь гнивъ пиднимае,
 Ой бо кумъ кума зводять зъ розума,
 Сусидь сусида збавляе хлиба» ¹⁾).

Основная мысль этой колядки выражена въ словахъ: „ой бо вже давно, якъ правды нема“. Мы имѣемъ предъ собою идеаль въ прошедшемъ, когда свято соблюдались порядки церковно-религіозные, семейные и общественные. Что-же было душой этихъ порядковъ? Иными словами, въ чемъ заключается по народнымъ представленіямъ идея правды?

Глубоко трогательный отвѣтъ на эти вопросы находимъ мы въ извѣстномъ духовномъ стихѣ о правдѣ.

Древнѣйшій вариантъ этого стиха, по нашему мнѣнію, тотъ, который начинается напомниманіемъ о смерти:

«Ой горе, горе на симъ свити жыты,
 Боронь, Боже, смерты, буде Богъ судыты!» ²⁾).

Рѣчь идетъ далѣе объ отреченіи близкихъ людей отъ безсильнаго и больнаго человѣка:

«Якъ чоловікъ здоровъ, всякый его любить,
 Якъ лыха година, родина одступитъ».

По всему видно, что стихъ этотъ предназначенъ былъ для людей, которые извѣдали на опытѣ всю горечь жизни и подъ конецъ ея пришли къ разочарованію въ самыхъ дорогихъ надеждахъ и симпатіяхъ своихъ.

¹⁾ Головацкій, Народныя пѣсни, ч. II, стр. 21.

²⁾ Записки вго-чан. отд. географич. общества, т. I, Матеріалы, 23, — „Кіевъ-Старина, 1883. Февраль, 469.

«Ой якъ тяжко-важко каминня лупаты»,
грустно продолжаетъ пѣвецъ,

«Ой такъ тяжко-важко дитей годуваты:
Бо старая ненька дитки годувала,
Дитки годувала, нощи не доспала.
А тепера дитки па те не вважають,
Беруть отца-неньку, пидъ ноги выжають.
Бо теперь па свати така выйшла кара,
Що по всему свиту то вже есть неправда.
Бо тепера правда стоить край порога,
А тая неправда сыдыть кинецъ стола.
Бо тепера правду бьють та ругають,
А тую неправду трункомъ напувають.
Бо тепера правда сыдыть у темныци,
А тая неправда у панивъ въ свитлыци.
Бо тепера правда скризь закрыта,
Тильки есть прымита—на хрести прыбыта»¹⁾.

Къ такимъ печальнымъ обобщеніямъ пришелъ пѣвецъ на основаніи наблюденій надъ жизнью „отцовъ и дѣтей“. Другой вариантъ того-же стиха начинается именно съ этихъ обобщеній:

«Нема въ свити правды!... Правды не зпсыкаты,
А звыкла неправда теперь правдоваты!
Що вже теперь правда слезамы рыдае,
А тая неправда зъ панамы гуляе.
Чы ты жъ, свита правда, умерла, чы ты заключена,
А чы ты, *маты ридна*, одъ насъ одреченна?
Нема въ свити правды!... Правды не зпскаты!
Тильки въ свити правды, що ридный отець та маты».

Далѣе слѣдуетъ картина сиротской жизни, безъ отца и матери. Жалѣетъ сирота, что не далъ ей Богъ орлиныхъ крыльевъ, а то бы она полетѣла „до отца, до неньки“. О трудностяхъ воспитанія дѣтей нѣтъ ни слова,—нѣтъ и жалобы на неблагодарность дѣтей. Пѣвецъ рѣзко переходитъ къ изображенію раздоровъ между младшими членами семьи:

¹⁾ Киевс. Старица, 1889, Сентябрь, 683.

«Уже жь кнонець вѣку и къ намъ приближывся,
 Хоть ридного брата теперь стережыся,—
 Бо винь хочь и ридный братъ, то правды не мие,
 Винь тильки устами, якъ перама, впе.
 Изъ нымъ у судъ стати—правды не зисъкаты,
 Тильки срибломъ-златомъ судью насыщаты».

Заканчиваеъ пѣвецъ свой скорбный стихъ ободряющимъ
 воззваніемъ:

«Самъ Господь есть правда,
 Сокрушыть неправду,
 Сумырыть гордыню,
 Вознесетъ свитыню!»¹⁾

По смыслу того и другаго варіанта оказывается, что „нема правды“ даже въ интимномъ мірѣ семейныхъ отношеній.—Но при этомъ нужно имѣть въ виду, что подрываются эти отношенія не отцами, а дѣтьми, которые родителей своихъ не уважають и сами между собою не ладятъ. Только одно родительское чувство, а именно чувство матери, остается неизмѣнно прочнымъ въ этомъ волнующемся морѣ вражды, которая подъ именемъ неправды царствуетъ въ мірѣ.

«А нема цвнту найповнишого надъ тую макивочку,—
 Да нема жь роду найвиришого надъ тую матиночку»,

говорится въ одной пѣснѣ²⁾. Въ самомъ дѣлѣ, по народнымъ представленіямъ мать есть символъ всепрощающей любви и безконечнаго самоотверженія. Она есть сама правда—такъ же вѣчно страдающая, какъ и та святая правда, которая была „на хрести прыбыта“, поэтому и въ разбираемыхъ нами стихахъ правда называется *матерью ридною*, а мать въ свою очередь *правдою вирною*. Итакъ, правда есть ничто иное, какъ любовь, воплощенная въ лицѣ матери на землѣ, въ лицѣ Господа Бога на небѣ. Это, можно сказать, религіозное воззрѣніе на мать вышло въ пѣсняхъ малорусскихъ съ такою силою и

¹⁾ Кіев. Старина, 1883, Августъ, 769—770.

²⁾ Лисенко, Збірникъ, вып. II, № 33.

страстностію, что нельзя ни слушать, но даже читать ихъ равнодушно.

«Ой матинко, вышенько,
Що безъ тебе лышенько!
Що тебе жъ ни кунты,
А ни заслужыты,
Що безъ тебе, ньько моя,
Горе въ свити жыты!
Що уже-жъ я й ходыла,
Уже жъ я й служыла,
Та не найшла ти нььбы,
Що мене родыла ¹⁾.
«Маты паша, маты» ,

поется въ другой пѣснѣ,

«де намъ тебе взыты?
Маларпвъ наняты, магиръ змалюваты,
Поставыты матиръ на божычокъ въ хати...
На божычокъ глину, то матиръ спомъяну,
Назадъ обернуса, слезами зальюся,
На бивъ оглянуса, рукавомъ утруса!» ²⁾

Кенскія роли въ семьѣ пѣсня распредѣляетъ такъ:

«Живка для совиту, теща для привиту,
Матинка рідна—лучче всего свиту» ³⁾.
(Вона)» родыла й болила,

присовокупляетъ другая пѣсня,

страдала, вымырала,
Кровъ пролывала, смертонькы бажала» ⁴⁾.

Теперь для насъ совершенно понятно, почему оскорбленіе отца и матери считается въ народной малорусской поэзіи величайшимъ преступленіемъ.

¹⁾ Чубинскій, Труды экспедиціи, т. V. стр. 552, № 15. .

²⁾ Лисенко, Збірникъ, выш. I, № 23.

³⁾ Чубинскій, Труды экспедиціи, т. V. стр. 459, № 29.

⁴⁾ Метлинскій, Народныя малорус. пѣсни, 242.

«Кого Богъ любить, того и награждает,
А за отца и за матку сынъ Божий карает»¹⁾.

На этомъ мотивѣ построена прекрасная народная дума о
вдовѣ и ея сыновьяхъ. Имѣла вдова

«трехъ сыновъ,
Якъ соколивъ:
Вона ихъ змалку годовала,
Зросту, славы, памѣты, спрожытку сподивала».

Оженились сыновья и, какъ видно, по наущенію женъ
своихъ прогнали мать изъ дому:

«Не сына зозули закувала,
Якъ бидна вдова изъ своего дому выступала,
За слизаны свѣту божого не выдала».

Принялъ ее къ себѣ добрый человекъ, „близький су-
сида“,—и вотъ на старости лѣтъ пришлось ей жить у чужихъ
людей.

«Стали люде тее зачуваты,
Стали вдовыченькивъ на смихъ иддывматы».

По другимъ вариантамъ обрушились на нихъ всякія не-
счастія: „не ставъ имъ Господь ни въ чимъ помагаты“. Тогда
сознали они тяжкій грѣхъ свой и пошли на чужой дворъ про-
сить прощенія у матери.

«Боже мий мылий, Боже мий еднний,
Поможы ты меня син диты опрощаты!»

Возвратилась она въ домъ свой, а вмѣстѣ съ тѣмъ

«Ставъ и Богъ, выдымо, имъ во всямъ помагаты».
«Тонди жъ то воны одынъ до одного стыха словами промовлялы:
«Гляньте, браття!
Правду святе письмо свидчыть, высядчае,

¹⁾ Кобзарь Вересай далъ этому стику такое названіе: „Пісня, що по не-
счастію живучи на свѣти спивають“. Зап. юго-зап. отд. географич. общества, т. I,
Матеріалы, 24.

На всякій часъ моление показуе:
 Который чоловнкъ отца своего, матирь штыть, поважае,
 Тому Богъ на всякій часъ помагае¹⁾.

Мы понимаемъ, что идеальныя черты матери далеко не всегда могли совпадать съ дѣйствительностію, но для насъ важенъ поэтическій замысль—воспользоваться опытомъ жизни, чтобы создать въ образѣ матери нравственную силу, которая есть ничто иное, какъ сила любви, возстановляющей между людьми святую правду. Собственно говоря, это не есть сознательно поставленная формула жизни, выработанная на почвѣ правовыхъ или политическихъ отношеній. Но положительно можно сказать, что въ поэтическомъ настроеніи, которое мы подвергаемъ анализу, немаловажное значеніе имѣли земледѣльческія формы быта, въ которыхъ жилъ и донинѣ живетъ малорусскій народъ. По самому существу своему формы эти требуютъ больше труда, чѣмъ капитала, въ которомъ нуждаются преимущественно коллективныя предпріятія, осуществляемыя въ коопераціи многихъ рабочихъ силъ, не связанныхъ между собою узами кровнаго родства. Отсюда—индивидуально-семейное начало составляетъ основу земледѣльческаго труда,—отсюда же индивидуальная свобода дѣйствій, которая приводитъ къ разногласіямъ. На этой почвѣ семейнаго индивидуализма единственной точкой опоры являлась идея любви въ лицѣ матери. За оскорбленіе этой беззавѣтной любви караетъ Господь, какъ за нарушеніе правды, надъ которой торжествуетъ неправда, какъ въ семейной, такъ и въ общественной жизни. Весьма можетъ быть, что это міровоззрѣніе развивалось въ малорусскомъ народѣ по мѣрѣ неудачъ его въ общественно-политической жизни. Но, оставивъ область гаданій, считаемъ нужнымъ установить то положеніе, что въ произведеніяхъ малорусской поэзіи, какъ школьной, такъ и народной, вся народная этика сводится главнымъ образомъ къ такъ называемой семейной морали, основанной на чувствѣ родства, на взаимной

¹⁾ Содержаніе этой думы передано по четыремъ вариантамъ, помѣщеннымъ у Метлинскаго, Народн. журиорус. піснвн, 345—354.

симпатіи людей, близкихъ между собою по крови. Союзъ этихъ людей называется *родомъ, родыною*. При всей дробности родовъ, т. е. семействъ въ дѣйствительной жизни, родство въ поэтическихъ представленіяхъ малорусскаго народа составляетъ своего рода культъ, можетъ быть, поддерживаемый самою этою дробностію. Нужно испытать горькимъ опытомъ всю тяжесть одиночной борьбы за существованіе, безъ поддержки близкихъ людей, чтобы прильнуть страстной мечтой къ этимъ самымъ людямъ, чтобы сознать всю незамѣнимость ихъ въ посторонней или чужой средѣ.

«Хочь по шую въ волю, та до свого роду»,
говорится въ одной пѣснѣ,

«Хочь и обмочуся, въ роду обсушуся,
Таки зъ своимъ родомъ та новыдаюся»¹⁾.

И однако же привычка жить на свой страхъ, жить личною жизнью, остается во всей своей силѣ. Это одно изъ тѣхъ противорѣчій, которыя нерѣдко совмѣщаются, какъ въ одномъ и томъ же лицѣ, такъ и въ цѣломъ народѣ,—одно изъ тѣхъ психическихъ раздвоеній, которыя служатъ источникомъ тревогъ и душевныхъ страданій. Отсюда эта тоскливая нота, проходящая чрезъ всю поэзію народную семейнаго содержанія. Чувство неудовлетворенности, неполноты счастья, составляетъ господствующую стихію ея.

Тѣмъ же чувствомъ проникнуты и вирши, съ которыми появлялись въ народъ представители школы.

Безъ сомнѣнія, реальною основой этихъ виршей была личная судьба самихъ виршеписателей, которые въ скитальческой жизни своей находили достаточно поводовъ къ жалобамъ на тяжелое положеніе свое.

«Эй то лѣзь—то мени, маты, не хотялося бѣ у чужий
сторони пробуваты!»

Будуть мене люде знаты,
Будуть мене прышельцемъ называты», — ²⁾

¹⁾ Чубинскій, Труды экспедиціи, т. V, 474.

²⁾ Записки юго-азах. отд. географич. общества, т. I, Матеріалы, 14.

говорить въ одной думѣ козакъ своей матери, отъѣзжая изъ родительскаго дома. По народнымъ понятіямъ, *казяйскый сынъ*, *отецкый сынъ* пользуется полными правами гражданства въ своемъ околоткѣ, а *пришелецъ* есть лице загадочное: сегодня онъ здѣсь, а завтра тамъ,—для него не обязательно считаться съ мѣстными интересами, съ „поговоромъ и славою“ той среды, въ которой онъ очутился. Изъ такихъ-то *пришельцевъ* и состояла школьная братія, предлагавшая свои вирши народу. Неудивительно поэтому, если она въ этихъ виршахъ выражала тоску по родинѣ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда кому-нибудь изъ ея состава удавалось на чужой сторонѣ пристроиться недурно.

«Отче, отче, прибудь ко мнѣ»,

говорится въ одной виршѣ,

«Увесели сердце во мнѣ, —
Прибудь, отче, на бракъ къ сыну,
Увиждь жену, мнѣ любиму».

Въ подобныхъ выраженіяхъ идутъ дальше обращенія къ матери и сестрамъ:

«Прибудте днесъ, не смутѣтси,
Се бо братъ вашъ веселытси»¹⁾.

Еще тяжелѣе становилась жизнь на чужой сторонѣ, когда умирали близкіе люди на родинѣ.

«Тяжко та важко чоловщови въ чужий чужини,
На чужий сторони,
Безъ отца, безъ неньки, безъ сердешного роду пробуваты»²⁾.

Та же мысль на разные лады развивается во многихъ виршахъ.

«И, сырота, блуваюся»,

говорится въ одной изъ нихъ.

¹⁾ Сборникъ Кобальчича, № 64.

²⁾ Метлинскій, Народн. южиорус. піснн, 357.

«родины не маю,
 На чужини пробуваю п якъ свѣй терю.
 Ой якъ орелъ по-надъ поле повитремъ носытся,
 Такъ сырота на чужини съ плачомъ веселытся.
 А якъ тяжко каменеви по водѣ плывати,
 Такъ сироти на чужини горе пробувати»¹⁾.

Обычное содержаніе сиротскихъ виршей — жалобы на враговъ:

«Що и кому виновать, за що погибаяю?
 Нѣгде отъ зликъ человекъ спокою не маю.
 Ненавидять, гонять, бьютъ, живцемъ пожирають,
 Якъ иструби на бедную птицу напладають,
 Нѣ скритися не могу, нѣ явно прожати,
 Явно гонять, тайно бьютъ, подкладують сѣти,
 Лютымъ огнемъ, яростию палають безъ мѣри,
 Метаются на мене, якъ лютіе звѣри,
 А що кому за вина, яка причина?
 За то гонять, за то бьютъ, що я сиротина»²⁾.

Ближе къ народному настроенію стоитъ псалма, распѣваемая и теперь лирниками и извѣстная подъ названіемъ „Сыритка“. Начинается она размышленіемъ о происхожденіи сиротства:

«Дивная година на свити настала:
 Не пдна сыритка безъ мамы осталась,
 Отець пару знайде, буде въ парѣ жыты,
 Нещасни сироты пидуть пречъ служыты».

Вотъ пошла сирота „по свиту блукаты“. Встрѣчаетъ ее самъ Господь Богъ и спрашиваетъ ее: куда идетъ она?— „Иду, говоритъ сирота, матери шукаты“.— Не найдешь ты своей матери, отвѣчаетъ ей Господь Богъ, „спочивае вона въ гроби“. Приходитъ сирота на могилу матери своей и, рыдая, жалуется

¹⁾ Головацкій, Народныя пѣсни, ч. I, 376. Его-же ч. III, отд. 1, 313. Есть эта вирша и въ рук. церковно-археологич. музея при кiev. акад. № 489, но въ искаженномъ видѣ.

²⁾ Рукопись церковно-археологич. музея, № 489. Сборникъ Кибальчича № 66. См. также Головац. Народн. пѣсни, ч. I, 357, Чубинск. Труды экспедици, V, 418.

ей на свое житье горькое. Совѣтуетъ ей мать обратиться къ мачехѣ, чтобы она ей „сорочку сшыла и головоньку змыла“. Мачеха, какъ мачеха, во всемъ отказала бѣдной сиротѣ, да еще и „по сусидахъ ии обсудыла“. Такая ужъ доля сироты:

«Хощь сирота робыть, робота пѣи ни защо,
Все говорить люде: сирота ледащо».

Заканчивается эта трогательная псалма изображеніемъ блаженства сироты въ раю и мученій злой мачехи въ аду ¹⁾).

Не мало есть въ старинныхъ школьныхъ сборникахъ другихъ подобныхъ псалмъ, въ которыхъ выражаются горестныя чувства людей „бездолныхъ и безщасныхъ“. Цѣлый вѣкъ свой они искали счастья и, вопреки завѣту евангельскому: „ищите и обряцете“, нигдѣ не находили его, можетъ быть, потому что не всегда искали его тамъ, гдѣ слѣдуетъ ²⁾). Въ объясненіи этихъ неудачъ составители псалмъ слѣдуютъ отчасти стариннымъ представленіямъ народнымъ о доброй и лихой долѣ, при чемъ та и другая дается человѣку при его рожденіи ³⁾). Поэтому

«Хто на семъ свѣтѣ без долѣ вродился,
Тому свѣтъ марне, якъ коломъ точился.
Лѣта плынуть марне, як бпстрне рѣки.
Часи молодие, як з дожджу потоки,
Все то марне минаеть»⁴⁾).

По видимому, нечего гоняться за вѣтромъ въ полѣ, т. е. добиваться того, что одинъ только разъ дается человѣку, и чего въ другой разъ получить уже нельзя. Такое признаніе мы

¹⁾ Киевс. Старина, 1889 г. Сентябрь, 685. Головац. Народн. пѣсни, ч. III, отд. 1, 272.

²⁾ Сюда относится псалма въ сборникѣ Кибальчича подъ № 63, а также у Головац., Народныя пѣсни, ч. III, 1, 83, у Чубинс., Труды экспедиціи, т. V, 476, № 62.

³⁾ Метлинс., Народныя южнорус. пѣсни. 108, 144, 278.

⁴⁾ Киевская Старина. 1889 г., Мартъ. Эта псалма подъ заглавіемъ „Пѣснь о свѣтѣ“ напечатана здѣсь по галицкой рукописи, помѣченной 1751 годомъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мы гдѣли во Львовѣ, у каноника о. Антонія Петрушевича, школьный сборникъ, списанный въ 1783 г. Здѣсь сочинителемъ этой псалмы названъ вѣкто Падальскій. Въ томъ же сборникѣ есть любопытная „Пѣснь моральна о плачливомъ ставѣ нашего студента“, которой, къ сожалѣнію, мы не успѣли списать.

постоянно встрѣчаемъ въ псалмахъ,—и однако же составители ихъ неумоимо ищутъ доли или-же, въ крайнемъ случаѣ, сожалеютъ, что орлиныхъ крыльевъ для этихъ поисковъ не имѣютъ. Конечно, они не соединяли съ словомъ *доля* мифическихъ представлений, отчасти и донинѣ живущихъ въ народѣ. Для нихъ *доля* была простымъ олицетвореніемъ случайнаго сдѣленія благопріятныхъ обстоятельствъ. Стоя на этой болѣе раціональной почвѣ, они воображали, что каждый человекъ до известной степени есть самъ для себя доля, что источникъ счастья заключается во внутреннемъ самоудовлетвореніи труждающагося и притомъ честнаго человека. Эта мысль пробивается въ нѣкоторыхъ псалмахъ въ видѣ позднаго раскаянія въ собственныхъ ошибкахъ:

«Годи вамъ шумты, зеленыи лугы!
 Годи млиты сердцю моему зъ несносной тугы!
 Якъ цвѣты прекрасныи скоро одцвѣтають,
 То такъ насъ молодыи лита скоро покидають.
 Проишли лита скоро, якъ быстрии рики,
 А я живу ныи нещастии черезъ уси вики.
 Виють витры въ степу—запрету не мають:
 Идутъ мысли въ день и въ ноци—спокою не дають.
 Старость мом ѣ жызаность! Не могу терпиту,
 Що и не виливъ молодыи литами владиты».

Какъ на выходѣ изъ этого положенія, псалма указываетъ на удаленіе отъ міра, на бѣгство „въ темныи лугы, въ степи и въ пустыни“¹⁾).

Такихъ бѣглецовъ было много въ старинной Малороссіи. Одни изъ нихъ стремились въ запорожскую Сѣчь, которая становилась для нихъ матерью, а „Велькый лугъ — батькомъ“. Другіе направлялись въ степи и въ дикія поля, на которыхъ можно было при счастья и отвагѣ поразить врага и отнять у него богатую добычу. Были, наконецъ, и такіе, которые уходили отъ тревогъ жизни въ пустыни, чаще—въ монастыри, какъ говорится объ этомъ въ одной задушевной псалмѣ:

¹⁾ Кіевская Старина, 1882 г. Августъ, 281. Есть эта псалма и въ сборникѣ церк. арх. Музея при кіевск. акад. № 489.

«Не пиду у мырѣ,
 Пиду въ монастырѣ,
 Щобъ душу снасты,
 Щобъ Господь простывъ»¹⁾).

Таковы въ общихъ чертахъ правоучительные мотивы, широко развитые въ старинныхъ школьныхъ сборникахъ и вполне совпадающіе съ народнымъ міровоззрѣніемъ. Для насъ важнѣе всего въ данномъ случаѣ документально убѣдиться въ томъ, что старинная малорусская школа принимала живое и непосредственное участіе въ выработкѣ этого міровоззрѣнія.

Вирши правоописательнаго содержанія.

Мы не знаемъ точно и опредѣленно, какова была этика нашихъ предковъ въ дохристіанскую эпоху, но изъ предыдущаго очерка мы достаточно могли убѣдиться въ ея христіанскихъ особенностяхъ, которыя выступаютъ ярко въ виршахъ правоучительнаго содержанія, созданныхъ южнорусской школой въ XVII и XVIII вѣкахъ. Тѣ же особенности мы встрѣчаемъ и въ правоописательныхъ виршахъ, не смотря на то, что онѣ отличаются развязностью тона, повидимому, не совместимой съ серьезнымъ содержаніемъ ихъ. Мы разумѣемъ главнымъ образомъ, такъ называемыя, рождественскія и воскресенскія вирши, въ которыхъ лица и событія евангельской исторіи воспроизводятся въ непосредственной связи съ обстановкой народной малорусской жизни,—въ духѣ и тонѣ наивныхъ разказовъ, проникнутыхъ юмористическимъ настроеніемъ.

Сколько намъ извѣстно, первая по времени рождественская вирша написана была знаменитымъ лексикографомъ и типографомъ Памвою Берындою. Напечатана она была въ Львовѣ въ 1616 году и посвящена епископу львовскому Іеремію Тисаровскому.

«Прійми»,

говорить составитель ея.

¹⁾ Метлинскій, Народни южнорус. пѣсни, 372.

«о Архіерею великій, значный,
 Яко в речахъ не похибне дѣльный и бачный,
 За коладоу и щодрый днь книжечкѣ тоую,
 Котораѣ то презъ дѣтокъ дееламована
 И для оутѣхи на днь тотъ здроекѣ выдана»¹⁾.

Ясно изъ этихъ словъ, что рождественскія вирши, какъ и колядскія пѣсни, произошли изъ обряднаго славленія, которое началомъ своимъ восходитъ къ старинѣ незапамятной. Безъ сомнѣнія, гораздо раньше того времени, когда написалъ виршу свою Памва Берында, христіанскіе мотивы начали проникать въ колядованье, но можно сказать съ увѣренностью, что только въ эпоху вѣжнорусскаго просвѣщенія эти мотивы разработаны были систематическимъ образомъ. Подъ вліяніемъ стародавняго обряда представители школы слагали разные вирши, которыя произносились *молодыками школьными*, какъ поздравительные стихи въ дни праздниковъ. Чѣмъ ближе стояли эти вирши къ моменту происхожденія своего, чѣмъ выше была богословская ученость составителей ихъ, тѣмъ больше заключалось въ нихъ риторическаго пафоса и тяжеловѣсныхъ, книжныхъ формъ рѣчи. Таковы, между прочимъ, по содержанію и формѣ своей и вирши Памвы Берынды.—таковы-же и рождественскія вирши Кирилла-Транквиліона-Ставровецкаго, напечатанныя въ его „Перлѣ многоцѣнномъ“²⁾. Многія изъ нихъ такъ и остались на ступени школьнаго велерѣчія, не тронутаго прикосновеніемъ народной мысли. Другія пошли дальше, но остановились на полъ-дорогѣ отъ школы къ народу. Есть, наконецъ, вирши, или переработанныя народомъ, или же написанныя въ народномъ вкусѣ самими бакалярами сельскими, ближе стоявшими къ народу, чѣмъ ученые латвнскихъ школъ. Можно полагать даже, что нѣкоторыя вирши составлены младшими обитателями сельскихъ школъ или же получили въ ихъ средѣ окончательную отдѣлку. Таковы, напримѣръ, граціозныя поздравленія, произносимыя дѣтми младшаго возраста и теперь не забытыя:

¹⁾ Печер. публич. бібліотеки церковнослав. отд. I, 8, № 12.

²⁾ Перло многоцѣнное, 2-е изд. (въ Могилевѣ), 1699 г.

«Я малый нахолокъ,
 Родився въ вивторокъ,
 А въ середу рано
 Мене въ школу дано.
 Иду зъ школы — плачу
 И свита не бачу,
 Очи протыраю,
 На карманъ позыраю,
 Васъ съ праздникомъ поздоровляю».

Или же:

«Я маленька дивочка,
 Лѣтъ у поли квиточка,
 Бильшь ничего не знаю,
 Тильки азъ да буквы...
 Пожалуйте меня грошкы у руки»¹⁾.

Чтобы получить *праздниковое*, нужно было, какъ видно изъ этого наивнаго лепета, кое-что смыслить въ школьныхъ наукахъ:

«Дарма, що я малый,
 А въ церкви бувавъ
 И обо всимъ чувавъ:
 Оце и вамъ звищаю
 И съ праздникомъ Хрыстовымъ поздоровляю»²⁾.

Колядованье служило такимъ образомъ прекраснымъ воспитательнымъ средствомъ для подростающей молодежи.

«Папе господарю»,
 говорится въ одной колядкѣ,

«Мы твого двору не мынаемо,
 Вставай съ постели, одчынай двери,
 Прийде до тебе Дива Марии,
 Дива Мариа и Святый Мыколай:

¹⁾ Чубяис. III, 435.

²⁾ Безсонова „Калики переходже“, вып. IV, 47.

Сиде Миколай у конець стола
 Книгы чытаты, тебе пытаты,
 Чы навчаешъ ты диты малии
 Богу молыться, старшымъ корыться?
 Дява Мариа стане пытаты,
 Чы навчаешъ ты диты малии
 Книгы чытаты, въ церковь ходыты,
 Святе Рождество празныкомъ чытыты,
 Батька, матинку вирне любыты?»¹⁾

Но молодость имѣть свои права, — да и задачи нравственнаго свойства, отмѣченныя въ приведенной нами колядѣ, вовсе не требуютъ покаянія и слезъ—особенно въ дни праздничныя. Поэтому неудивительно, если мы встрѣчаемъ во многихъ виршахъ свѣтлое, жизнерадостное настроеніе, сопровождаемое шуткой.

«Слава Богу»,

говорится въ одной старинной виршѣ,

«того ми тепера дождалсь,
 Що за шесть недѣль съ ковбасою опять повидалсь!
 Я-жъ казавъ: шутка, що позавчора свинѣ галасали!
 Ажъ то люди ик свиткамъ все ковбаси дбали,
 Лишь почувли, що Рѣздо вже не за горами,
 Не скотѣли болшь сидѣти над огѣрками,
 Заразъ стали шататись мижь скоромнымъ крапомъ:
 То зъ гусми, то съ курми, то зъ битимъ товаромъ»²⁾.

Оканчивается вирша обычнымъ поздравленіемъ хозяина и выраженіемъ всякихъ благожеланій ему.

То-же настроеніе мы видимъ и въ колядкахъ виршеваго происхожденія. Оно совпадало съ извѣстнымъ расположеніемъ малорусскаго народа къ юмору. Что касается до слагателей виршей, то, обладая большимъ или меньшимъ знаніемъ церковно-славянскаго языка, они имѣли полную возможность гово-

¹⁾ Чубинс. III, 384—385.

²⁾ Києв. Старшиа, 1889 г., Январь, 242.

рять о матеріяхъ неважныхъ церковно-славянскою рѣчью, и наоборотъ, о важныхъ матеріяхъ рѣчью простонародною, и такимъ образомъ въ самой двухсторонности литературнаго стиля по отношенію къ предметамъ различнаго свойства они находили всѣ краски для пародіи и шутки. Но, чтобы воспользоваться этими красками, нужно было имѣть тотъ особенный складъ души, который выражается въ стремленіи сближать противоположное и разъединять сходное. Это и есть психическая основа юмора, которою проникнуты праздничныя вирши и соотвѣтствующія имъ колядскія гѣспни.

Со стороны содержанія своего эти вирши представляютъ нѣсколько основныхъ темъ.

Первая тема—догматическаго характера: это грѣхопаденіе прародителей, какъ причина воплощенія Сына Божія.

Мы имѣемъ двѣ редакціи виршей, написанныхъ на эту тему. Одна—болѣе книжная, другая—народная.

Въ книжной редакціи рассказывается библейская исторія близко къ подлиннику—о томъ, какъ Богъ по сотвореніи прародителей поселилъ ихъ въ рай, какъ „врагъ злословіи и не жичливый сталъ Еву намовляти“, чтобы она вкусила отъ древа познанія добра и зла, а Ева—Адама, какъ смущены они были, познавши себя нагими, какъ проклялъ Богъ змія. Заканчивается вирша картиной изгнанія прародителей изърая:

«Богъ зъ рай сходитъ,
Ангель приходитъ,
Гнѣвъ Божій объявляе,
Грозно гукаеть,
Мечемъ дмухаетъ,
Изъ рай вгоняеть»¹⁾.

Въ народной редакціи эта вирша представляетъ логически законченное рѣшеніе вопроса, поставленнаго въ самомъ началѣ

¹⁾ Сборникъ Кибальчича № 49. Есть эта вирша и въ рукописномъ сборникѣ церковно-археологич. музея при кiev. Академіи, № 252. Болѣе обстоятельный вариантъ, соединяющій начало съ концемъ, т. е. грѣхопаденіе прародителей съ рождествомъ Спасителя, и въ то же время пронитанный апокрифическими сказаніями объ изгнаніи Адама и Евы изърая, напечатанъ недавно въ ноябрьской кн. Киев. Старини за 1891 г., стр. 271.

ея: „чого прийшовъ до насъ самъ Богъ?“ Разсказъ починається ab ovo. Задумавъ Сатана „зривнятися зъ Богомъ“ и былъ низверженъ за это съ неба. Тогда „зайшовъ винъ зъ иншого краю“, приглашаєть въ гости Адама, и самъ являється у него въ раю въ качествѣ гостя. Обычай гостепрїимства, какъ видно, не моложе библейскаго рая. Но печальны были плоды этого гостепрїимства: „Адамъ яблука вкусьвъ“. Въ этихъ трехъ словахъ разсказана вся сцена искушенїя. За то ближайшія послѣдствїя этого событїя воспроизведены подробно. Дѣло представлено такъ, что Адамъ, искушаемый дьяволомъ, выпилъ лишнее. Проснулся онъ на другой день, а товарищъ съ него „и сорочку знявъ“. Приходитъ Богъ къ нему и спрашиваетъ, куда онъ дѣвалъ сорочку.—„Не знаю, десь вчора загубивъ“, отвѣчаєть Адамъ. „Отъ-такъ ты доглядаєшь гаю“, говоритъ ему Богъ, какъ добрый хозяинъ своему наймиту, „пишовъ же вонъ, поганий, зъ раю!“ Наказана и Ева не тѣмъ, что въ бо-лѣзняхъ раждать будетъ чада свои, но тѣмъ, что будетъ она „прясты“;—„а щобъ не смїла яблукъ красты“, говоритъ Богъ, „такъ я Адамови нагайку давъ“. Самъ искуситель низвергнуть въ пекло, „де огонь горыть“. А чтобы одѣть Адама и Еву, Богъ „родився самъ“.

«Родивсь Хрыстось»,

заканчивается вирша,

«Адамъ гулие

Е нова свытка и кожухъ,
И Ева въ плахти пожожає,
И зновъ радше духъ.
Теперь и въ васъ жушаны нови,
Бо ны Адамови ридня...
Такъ будьте жъ зъ праздникомъ здорови,
Гулийте, пийте, хочъ-що дни!»¹⁾

Дѣйствїя Адама въ этой виршѣ мотивированы обстановкой народнаго праздника: вся бѣда не въ Евѣ, а въ самомъ Адамѣ,

¹⁾ Киев. Старина, 1882 г., Ноябрь, 398. Вирша эта записана учителемъ купли-скаго духовнаго училища, В. Лавровскимъ; къ сожалѣнїю, неясно, отъ кого и когда.

въ его невоздержаніи. Затѣмъ—чувство стыда понято не въ его психическихъ основаніяхъ, а въ простѣйшей формѣ совершившагося факта: нѣтъ у Адама сорочки. Наклонъ мысли такой, что она отказывается представить себѣ полноту райскаго блаженства безъ „доброи одежи“. Христосъ и родился для того, чтобы одѣть Адама и всѣхъ потомковъ его. И всѣ одѣты по праздничному: есть причина для радости и веселья.

Нѣсколько иначе рассказывается о грѣхопадении Адама и Евы въ другой подобной виршѣ. Умѣлъ Адамъ прекрасно играть на сопилкѣ,—

«Що було якъ грає,
Такъ ажъ дерево скакає».

Одинъ разъ заснулъ Адамъ

«пидъ кустами,
А сопилку положивъ безпечно пидъ головою».

Подкрался къ нему змій и

«Вывравъ пухъ изъ сопилки.
Кинеться Адамъ,—ажъ ддрочки тильки:
Свысь, свысь! Ажъ не грає,
Тилько сыпыть, а голосу не має».

А между тѣмъ утромъ онъ долженъ былъ игрой своей „Богу на-добрыденъ дати“. Посылаетъ Богъ ангеловъ за Адамомъ. Оказывается, что испортилась Адамова сопилка.

«Постий же ты, козаче»,
говорить Богъ,

«Я зъ тобою подумаю поступить иначе»...

За небрежность въ обращеніи съ сопилкой Адамъ вмѣстѣ съ Евой былъ изгнанъ изъ рая. Съ того времени

«Стала смерть надъ людьми старшыноваты,
Стала вона зъ янциболотомъ въ одну цѣль стрѣляты,
Ставъ людъ вьянуть, якъ у зпмку свекла,
Поробылися кобзалки до самого пекла.
Первый Кавнъ шдскобзнувся, а за нимъ други,
Стали вже й добри люде кобзаться, а не тильки зли».

И вотъ Богъ для спасенія людей посылаетъ въ міръ сына своего¹⁾).

Нельзя не отмѣтить въ этой виршѣ наивнаго представленія о музыкальныхъ способностяхъ Адама, который и созданъ былъ, повидимому, не для одного наблюденія за раемъ, но и для артистическихъ занятій, предназначенныхъ для самаго Бога. Усвоена ли была эта фабула со стороны, или же самостоятельно создана, во всякомъ случаѣ это находится въ полномъ согласіи съ музыкальными склонностями малорусскаго народа, въ средѣ котораго она была обработана.

Не мало есть рождественскихъ виршей, написанныхъ на историческія темы—о поклоненіи родившемуся Спасителю пастырей и царей, о встрѣчѣ царей съ Продомъ, объ избіеніи младенцевъ. Каждая изъ этихъ темъ разрабатывается то отдѣльно, то въ соединеніи съ другими темами.

Пастухи въ виршахъ изображаются дѣтьми природы и родной обстановки украинскаго быта. Разъ,—говоритъ одинъ изъ этихъ пастуховъ, пасли мы стадо овецъ:

«Кормокъ прыдавса зелененький,
Булы кошары готовеньки,
Прывилия для всего було».

Подъ вечеръ два пастуха остались при стадѣ, а остальные три

«Пошли у вербняжокъ,
Бо недалеко бувъ лужокъ».

Замѣтили и тѣ, и другіе, что небо краснѣетъ, „да ще не тагъ, якъ на морозъ“. Въ это время прибѣгаетъ Явтухъ, который оставался при стадѣ, съ извѣстіемъ, что въ кошарѣ появился воръ. Бросились всѣ они къ стаду и видятъ, что

«въ кошари съ края въ край шагае
Таке вельке, ще й лигае,
Не чоловикъ, а бачця, схоже».

Оказалось, что это былъ „янголь божый“, который приказалъ имъ идти къ Вишелему „въ станю“:

¹⁾ Изъ рукописнаго сборника, принадлежащаго автору.

«Тамъ е»,
сказалъ имъ Ангелъ,

«маленькое дитяго,
Отдайте ему се ягнятко:
Оце въ сю ничь Хрыстось родывся,
Сынъ Божый зъ Дѣвы воплотывся».

„Не довго тутъ мы раховалысь“, продолжаетъ разскащикъ,
«Пышлы въ кошару до овецъ,
Ягня, що лучше, те й пиймалось».

Яркій свѣтъ осіялъ ихъ „въ стани“, а затѣмъ, когда пришли они въ себя, то упали на колѣни и принесли убогій даръ свой „пани“—матери божьей:

«Прыймы ты», сказали они, «от-се ягнятко,
Щобъ не голодне було твое дитяго».

Замѣтили они, что

«Била твоя пани
Стоявъ у жовтому жупани
Старый, сиденькый чоловикъ,
Якъ будто прожывъ другый викъ».

Это былъ Юсифъ, который

«трохы поворчавшы,
На ухо пани щось шептавшы»,

сказалъ имъ:

«Идите у миръ и повдайте,
Що се родывся Божый сынъ».

Пошли пастухи съ вѣстью этой по своимъ домамъ:

«Хто вправо, а хто вливо взывъ,
А я», заканчиваетъ разскащикъ, «оце до васъ пошавъ,
Щобъ васъ съ Риздвомъ поздоровляты»¹⁾.

Въ нѣкоторыхъ виршахъ поздравленіе пастуховъ принимаетъ размѣры необыкновенныя. На сцену является цѣлая толпа

¹⁾ Вирша записана въ харьковской губерніи отъ П. М. Полторацкаго. Основа, 1862 г., Іюль, 41—49.

сельской молодежи, которая суетливо бѣжитъ къ родившемуся Спасителю не съ одними пастушескими дарами, но со всякими яствами и питіями, обычными въ праздничное время.

«Першій Никита, самъ Бога вита»,

говорится въ одной старинной виршѣ,

«Самко з Юхимомъ, своимъ побратимомъ,
Скоро прибѣгли, заразь запѣли.
Якпнъ изъ Яцькомъ, а третнмъ Мацькомъ,
Несли барана до Христа-пана.
Пилипъ з Макаромъ пшли тамъ з даромъ,
Два хлѣба взяли, Богу отдали.
Гаврило в вѣчку ослови сѣчку,
А Стахъ волови принесъ полови.
Данило по морозѣ въ драбистумъ возѣ
Привизъ горѣлки чтири барилки.
А тамъ у дворець тютюнъ и перецъ
Хина стояла и продавала.
Андрей и Демко прибѣгъ рихленько,
Перцю тежъ мѣрку всинавъ в горѣлку.
А една Дося сиекла пороса,
Нимъ Бога взрѣла, пороса ззѣла.
Граецъ ажъ мило въ дуду Кирило,
А ти, Матѣю, грай у трубѣю»¹⁾.

Вариантъ этой вирши съ припѣвами: „Аллилуй, Господи помилуй!“ существуетъ въ видѣ колядки²⁾, но такъ какъ этихъ припѣвовъ нѣтъ въ старинномъ текстѣ, приведенномъ нами выше, то можно заключить отсюда, что въ первоначальной редакціи эта вирша предназначалась для провозношенія, а не для пѣнія. Иногда, впрочемъ, и вирши-колядки съ прибавкой въ самомъ концѣ привѣтствія отъ лица поздравляющаго передѣльвались въ вирши-орачіи. Въ этомъ взаимодействіи вліяній

¹⁾ Рукопись церковно-археолог. музея при кievс. Академіи, списокъ второй половины прошлаго вѣка. Въ такомъ же родѣ вирши съ грочическими выходками на счетъ Ляввиновъ (Бѣлорусовъ) помѣщены у Безсонова, „Калики переходіе“. IV № 257. См. также у Чубинскаго, Труды экспед., т. III, № 100. вар. Б.

²⁾ Чубинс. III, стр. 381, № 104.

одного типа виршей на другой заключается причина отклоненій ихъ въ ту или другую сторону. Нельзя не замѣтить, однакоже, что гораздо чаще подвергались этимъ отклоненіямъ въ сторону виршей-ораціей вирши-колядки. Рѣшительнымъ признакомъ преобладающаго вліянія первыхъ на послѣднія служитъ перемѣна тона ихъ — серьезнаго на шуточный тонъ, который господствуетъ въ виршахъ-ораціяхъ¹⁾. Вотъ въ этомъ тонѣ и заключается правоописательная сила виршей-орацій, которая даетъ имъ значеніе матеріала, обязательнаго для изученія быта и нравовъ старинной Малороссіи. Это своего рода эпосъ, обнаженный отъ всѣхъ условныхъ формъ церковной лирики, которою изобилуютъ вирши-колядки, — эпосъ старинныхъ малорусскихъ нравовъ, перенесенныхъ въ болѣе отдаленную—евангельскую или даже библейскую старину. Съ научной точки зрѣнія правы эти, каковы бы они ни были, представляютъ такой же интересъ, какъ и всякія историческія лица и событія. Понятно поэтому, почему мы указываемъ на вирши-колядки только мимоходомъ, не извлекая изъ нихъ того, что въ усиленной дозѣ имѣется въ виршахъ-ораціяхъ.

Какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ виршахъ, рассказъ идетъ далѣе о царяхъ, пришедшихъ на поклоненіе родившемуся Спасителю міра. По непрерывности событій этотъ рассказъ соединяется большею частью съ рассказомъ о встрѣчѣ ихъ съ Иродомъ, объ избіеніи младенцевъ, о судьбѣ самаго Ирода.

Въ одной виршѣ-ораціи говорится, что цари пришли въ Вифлеемъ съ востока.

«Дары поклали и поздравляли
Понысьменськии, звысока».

Предъ нами уже—не пастухи съ ихъ наивнымъ простодушіемъ, а знатные и мудрые люди. Принимаетъ ихъ Іосифъ, по видимому съ болѣею любезностью, чѣмъ пастуховъ:

«Сидайте жъ у насъ»,

¹⁾ Нѣкоторыя вирши-колядки представляютъ ничто иное, какъ слегка видоизмѣненный текстъ церковныхъ пѣсноп: таковы, на примѣръ, вирши, помѣщенные у Безсонова, т. IV, подъ №№ 60, 273, 278.

говорить онъ имъ,

«Мы почаствуемъ васъ,
Чымъ Богъ намъ давъ».

Послѣ угощенія цари заснули, а во снѣ ангелъ повелѣлъ имъ иною дорогою идти домой, чтобы Иродъ не узналъ, гдѣ родился Спаситель. Иродъ ждалъ царей и не дождался. На этомъ обрывается вирша ¹⁾).

Въ другой болѣе обширной редакціи этой вирши продолжается разсказъ объ Иродѣ, который созвалъ „мудрыхъ мудрецовъ, свитскихъ панъ-отцовъ“, чтобы они ему „сказали и прослебезували, де Хрыстось родиться мавъ“. Тѣ указали на Виолеемъ. Впечатлѣніе этого отвѣта передается въ виршѣ съ патологическими подробностями: долго стоялъ Иродъ *безъ ума*,

«Дереть руками, скрегоче зубамъ,
А речи зовсимъ нема».

Затѣмъ вырвалось у него роковое повелѣніе избивать младенцевъ. За это беззаконіе, за неповинно пролитую дѣтскую кровь, Богъ посылаетъ на Ирода кару:

«По грудяхъ болячки, по сыни чырачки..
Ковтуны въ чуби стали..
Цидь очыма позеленло,
Пидь носомъ почорнило,
Якъ у собаки пидь хвостомъ.
Ризачка до пуша докучала,
Дуже въ животи бурчало..
Ликаривъ призывалы,
Пластырь клалы»...

Ничто не помогло. Сгинулъ Иродъ. „дьявольський гайдамака“:

«Не вмивъ хлиба исты,
Пропавъ безъ висты,
Якъ у ярмарку собака»...

Такъ ему и слѣдуетъ... „А мы“, такъ заканчивается вирша, „звеселимся. Христу-Рождеству и Божеству поклонимся“ ¹⁾).

¹⁾ Терещенко, „Быть русскаго народа“, ч. 7, 68—69. Отсюда перепечатана эта вирша у Бессонова, см. „Калики переходіе“, IV, 27.

²⁾ Киевская Старина, 1888, Январь, 278. Записана эта вирша отъ Гулака-Артемовскаго около 1848 года.

Вирши-колядки о царяхъ и объ Иродѣ не отличаются художественностью, за исключеніемъ тѣхъ колядокъ, въ которыхъ цари даютъ имя родившемуся Спасителю, а также немногихъ колядокъ, въ которыхъ изображается горе матерей послѣ избіенія младенцевъ:

«Ой есть Иродъ, есть проклятый,
Сына своего не пускае,
Малыхъ дитокъ выбывае,
Голымъ мечемъ вырубает,
Кровь невинну проливает..
Плаче нянька и рыдает...
Годи, маты, вже рыдаты,
Малыхъ дитокъ вже немає¹⁾...»

Тема, какъ мы знаемъ, излюбленная въ малорусской народной поэзіи. Безумная жестокость Ирода глубоко напечатлѣлась въ сознаниіи малорусскаго народа, который не мало видѣлъ Иродовъ въ родной землѣ своей въ лицѣ враговъ-иноплеменниковъ—такихъ, напримѣръ, какъ Татары и Турки. Отсюда ведутъ свою исторію извѣстныя выраженія: „Иродивъ сынъ“, „Иродового сына дытына“...

Есть еще одна рождественская вирша, едва-ли не лучшая въ художественномъ отношеніи. Она изображаетъ всеобщую радость по поводу рожденія Спасителя. Основной мотивъ этой вирши въ неразработанномъ видѣ мы нашли въ одной старинной рукописи прошлаго вѣка. Повидимому, это вирша колядка:

«Солнце и мѣсяць весело играють,
Гори и холми радость въ себѣ мають,
Поля и дуброви
Хвалить Бога вси гостови,
И вси человекѣи днесъ весело скачуть,
А зліе души вси во адѣ плачуть.
А ти, Аароне, старій человекѣ,
Сподобилеси жпть въ небѣ вѣчне,

¹⁾ Чубаис.Ш, стр. 359, № 87, вар. Б.

Же Богъ-Месія

Съ твоего жезла возсія.

А ти, Давиде, своя гусли строй, строй,

Грай весело, а Бога ся бой, бой,

Возграй, вослищай, велимъ гласомъ викричай!¹⁾

Вирша-орація починається изображеніємъ праздничнаго торжества между людьми:

«Бабы, диды цыво-меды, горилку варену
Кухлыкомъ пють, съ кнышами трутъ свынину печену,
Хлопци, даякы навпередкы бигають ищъ хаткы,
И якъ вовкы, або свынкы, скыргычуть колядки.
Паны, купци, славны кравци, шынкарство, мпцане
Объ симъ Риздвн успъ въ новн убрались жупаны».

Тутъ есть все: разные возрасты и сословія обитателей Малороссіи, пища и одежда ихъ. Живая, бытовая картинка эта замыкается олицетвореніемъ матери-земли:

«Маты-земля уся гуля и, взявшысь у боки,
Писни гука, бье гошакъ въ подкивкы шыроки».

Торжествуютъ и ангелы на небѣ: „въ долони бьютъ, писни гудуть“. Глядя на это всеобщее ликование,

«Старенькый Бигъ на стилъ излигъ и самъ соби дума:
«Праздникъ душамъ, тильки Адамъ изъ Евою рюма».

Тяжело ему видѣть эту неполноту міроваго счастья: „важко здыхнувъ“ онъ и приказалъ архангелу Гавріилу написать въ адъ къ праотцамъ, что Христось родился. Небесный посланикъ на этотъ разъ оказался искуснымъ писаремъ: тотчасъ досталъ онъ „папиръ и черныло“ и написалъ измученному Адаму длинное посланіе съ отрадною вѣстью, что онъ вмѣстѣ съ потомствомъ своимъ „изъ пекла спасеться“. Съ характерными приемами медленнаго и флегматическаго украинца читаетъ Адамъ посланіе отъ Бога: предварительно онъ „надивъ сирякъ, на лавку сивъ да и надивъ на нисъ окуляры“... Ожилъ Адамъ, какъ только окончилъ чтеніе:

¹⁾ Рукопись церк.-археологич. музея при кiev. Академіи № 252.

«Якъ прочытавъ, Еви связавъ: «давай варенухи!»

Подвѣрѣвшись изрядно, онъ съ соблюденіемъ всѣхъ по-
добающихъ церемоній

«Зъ гыря знима кашелюху,
На пень же ставъ тай прочытавъ той лысть всниъ до слуху,
И увесь тутъ загудивъ людъ, мовъ литомъ ти бджолы,
Беруть жинокъ, ведутъ въ танокъ, затыканшы полы.
Тии бычка, ти козачка, ти горлыцю скачуть,
Самп-жъ стари, сыди въ шатри, одъ радости плачуть.
Пророкъ Давыдъ тамъ-же сыдыть и въ кобзу играе,
Писню свиту Сиасу-Хрысту зъ псалтыри чытае.
Чорнивый Хамъ сыдыть тежъ тамъ и рыве въ соняку,
Самъ добре шье и всимъ дае квартовъ горилку.
Куца чорты, мовъ ти хорты голоднии, скыглатъ,
Даны грызуть, що попавъ рвуть, скрутылысь и пинить.
Суцига-смерть соби жъ верть-верть и ляць-ляпъ кистками.
Смерте, вгаймусь!..
Нашъ Богъ-Хрыстось чортивъ, якъ ось, подавить ногою,
Зъ твоихъ кистокъ, смерте, трисокъ наробить и гною,
Всихъ васъ у прахъ потре и шляхъ намъ зробить до раю.
Сымъ я Хрыстомъ, ланы, зъ Риздомъ васъ поздоровляю¹⁾).

Мы не имѣемъ серьезныхъ основаній отказывать нашимъ
предкамъ въ набожности религіозной. Борьба за вѣру отцевъ,
за „благочестіе“, какъ говорили въ старину, наполняетъ много
страницъ въ исторіи малорусскаго народа. И нужно сказать
еще, что борьбу эту вела не одна простонародная масса; не
отставали отъ общаго дѣла всѣ слои малорусскаго общества, не
исключая, конечно, и тѣхъ, изъ которыхъ происходили сочи-
тели праздничныхъ виршей. И однако-же мы не видимъ въ этихъ
виршахъ церковной регламентаціи и соотвѣтствующей выдер-
жанности. Напротивъ того, мы видимъ въ нихъ совершенно сво-

¹⁾ „Кіевская Старина“, 1882 г., Декабрь, 624—626. Сообщилъ С. И. Пономаревъ безъ означенія мѣста и времени записи. Варіантъ той-же вирши, но безъ конца списавъ въ 1888 г. въ Кролевец. у. со словъ А. А. Пороховской; см. „Кіев. Старина“, 1889 г., Январь 234. Въ нашемъ распоряженіи есть тоже два списка этой вирши, сравнительно недавніе.

бодное и, можно сказать, смѣлое обращеніе съ сюжетами, которые составляютъ святыню христіанскаго вѣрующаго чувства. Можно-ли сказать безъ всякихъ колебаній, что въ нихъ нѣтъ этого чувства? Намъ кажется прежде всего, что въ нихъ есть особенное чувство, именно чувство мѣры, которое управляетъ мыслями писателя въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ желаетъ, какъ говорится въ народѣ, „не передать кути меду“. Въ оцѣнкѣ этого чувства, въ соображеніяхъ о томъ, насколько и какъ соблюдено оно, конечно, могутъ быть разныя точки зрѣнія. Но, по нашему мнѣнію, за исключеніемъ вымышленныхъ подробностей, взятыхъ изъ живой жизни, во всѣхъ приведенныхъ нами виршахъ сквозь реальную и даже, повидимому, грубую оболочку проглядываетъ тотъ идеализмъ религіозный, который далекъ былъ отъ развѣдающаго скептическаго настроенія и который не боится свободнаго слова, такъ какъ почиваетъ онъ на глубокой увѣренности въ самомъ себѣ, въ собственной природѣ своей. Оттого и святые, выступающіе въ виршахъ, говоря и дѣйствуя въ духѣ и тонѣ праздничнаго всенароднаго настроенія, производятъ впечатлѣніе людей симпатичныхъ по своему нравственному настроенію, понятому въ смыслѣ идеи, а не въ смыслѣ обряда. Напротивъ того, дьяволъ и послѣдователи его внушаютъ полнѣйшее отвращеніе именно вслѣдствіе отсутствія въ натурѣ ихъ нравственной основы. Мы понимаемъ, что тѣ и другіе поставлены въ кругъ человѣческихъ отношеній, на почву живой, текущей дѣйствительности съ ея заурядными стремленіями и тревоженіями, но мы не видимъ въ то-же время принципиальнаго разногласія въ изображеніи этихъ лицъ съ основной идеей, завѣщанной библейскимъ или евангельскимъ ученіемъ. Мы не можемъ требовать отъ нашихъ виршей того, что составляетъ необходимую принадлежность церковныхъ пѣснопѣній. Мы можемъ судить объ нихъ только лишь со стороны ихъ поэтическаго достоинства, со стороны поэтическаго метода въ изображеніи религіозныхъ понятій. Въ этомъ отношеніи онѣ удовлетворяютъ не только общимъ условіямъ поэтическаго творчества, но и тому основному требованію его, которое заключается въ соблюденіи индивидуальныхъ особенностей, свойствен-

ныхъ творящей силѣ. Если бы намъ предложили, наконецъ, въ немногихъ словахъ назвать эти индивидуальныя особенности, то мы сказали-бы, что въ праздничныхъ малорусскихъ виршахъ, и именно въ виршахъ-орацияхъ, мы видимъ оригинальное сочетаніе элементовъ неоднородныхъ — юмористическаго замысла и простодушно-наивнаго чувства.

На воскресенскихъ виршахъ мы не будемъ долго останавливаться. Онѣ развиваютъ только одну тему, достаточно развитую въ послѣдней рождественской виршѣ, именно мысль объ „избавленіи отъ вечнаго плена нашего“, какъ говорится въ одной виршѣ, т. е., объ изведеніи Спасителемъ праведныхъ душъ изъ ада. Начинается эта вирша рассказомъ о встрѣчѣ Іуды съ Люциперомъ во адѣ. Радъ Люциперъ дорогому гостю и принимаетъ его, какъ союзника своего:

«Теперь же я», говоритъ онъ,—

«позволю зъ собою сыдти,

И яже азъ пію чашу, то й ты будешъ пыты».

Онъ надѣется, что посланные имъ бѣсы приведутъ въ адъ и Спасителя. Между тѣмъ бѣсы извѣщаютъ Люципера, что приближается къ аду воскресшій истинный Богъ въ сопровожденіи ангеловъ, которые поютъ ему пѣснь славы. „Що тамъ за царь славы?“ восклицаетъ Люциперъ и хочетъ не пустить Спасителя на небо. Другіе бѣсы совѣтуютъ ему оставить этотъ планъ:

«Хиба жъ ты», говорятъ они,

«не знаешь? Якъ винъ сюда приїде,

То весь собранный нами народъ изъ цекла выїде».

Вотъ наконецъ является въ аду Спаситель. Божественный свѣтъ осіялъ мрачныя пучины ада. Спаситель приказываетъ Адаму, чтобы онъ самъ выходилъ изъ ада, не оставляя ни одной праведной души. кромѣ Каина и Соломона, который можетъ „крипко-дуже мудроваты“. Люциперъ утѣшаетъ себя тѣмъ, что ему достался мудрѣйшій человекъ, но Соломонъ не замедлилъ поспорить съ Люциперомъ, за что бѣсы изгоняютъ его изъ ада. Такъ-то и Соломонъ изъ пекла „вымудровася“¹⁾.

¹⁾ Основа, 1862 г. № 6, стр. 49—53. Вирша эта записана отъ Ш. М. Полторацкаго въ харьковской губерніи.

Въ другихъ воскресенскихъ виршахъ рѣчь идетъ о томъ же, только подробнѣе нарисована сцена исхода ветхозавѣтныхъ праведниковъ изъ ада и самое водвореніе ихъ въ рай. Въ видѣ предисловія къ одной изъ этихъ виршей, исполнѣ народной по языку, рассказывается о томъ, какъ Марія встрѣтилась съ воскресшимъ Спасителемъ, какъ жида подкупили стражу, чтобы она сказала Пилату, будто бы Христа кто-то укралъ изъ гроба:

«А Хрыстось бувъ на работи,
Попалывъ соби чоботы,
Покплъ пекло погасывъ
И Адама воскресывъ».

Уже въ аду начинаютъ догадываться праведники о радостномъ событіи: Моисей

«Шрыбигъ шывдче къ Аарону
Зробыть справку по закону:
Чы прыйшла година та,
Чы выйшли лита Хрыста?
Ааронъ очки надивъ
И въ быблію поглядивъ».

Догадался и дьяволъ, что Хрыстось воскресъ, и потому
«Злякався, затрусывсь увесь».

Но вотъ приближается Хрыстось къ аду, рассыпалсь стѣны ада, спрашиваетъ Хрыстось дьявола:

«Де старенька баба Ева?»

Помѣшалъ дьяволъ кочергою въ пеклѣ, выпила Ева съ обгорѣлыми плечами, а за нею и Адамъ.

«Ажъ Хрыстось злякався самъ».

Ступайте, говоритъ онъ имъ, въ рай! Побѣжали праотцы, какъ малыя дѣти:

«Ева на вси жылы брала,
А Адамъ ажъ уютивъ,
Попередъ уснхъ летивъ».

Затѣмъ одинъ за другимъ выходятъ Ной, Іафеть. Авраамъ,

«Рудый богатырь Самсонъ,
Що бувъ вельми ласъ на сонъ,
Наробывъ винъ въ цепи тросу,
Крыкнувъ Навину Иусу,
Щобъ винъ сонце придержавъ:
Адъ затряси, задрожавъ».

Прибѣгають праведники къ дверямъ рай. Здѣсь

«Премудрый Соломонъ
Задзвонивъ у райскый дзвонъ».

Зовуть всѣхъ на обѣдъ:

«Туть послали вси за стиль,
Подали и хлибъ, и силь,
Кожному по чарци пыва.
Наробывъ Даныдъ туть дыва,
Прядарывъ въ гусли такъ,
Що пшшовъ скакати усякъ».

Въ танцахъ принимаютъ участіе ветхозавѣтныя женщины:
Сарра, Рахиль, Лія, Ребека, Сусанна и Эсфирь.

Грубо поняты въ этой виршѣ наслажденія праведныхъ въ рай, но точкой исхода въ перенесеніи земныхъ наслажденій на небо было, конечно, представленіе о псалмопѣвцѣ Давидѣ, который и въ живописи церковной является съ гуслими. Въ Симоновской псалтири (до 1280 г.) мы видимъ изображеніе Давида съ гуслими въ цѣлой толпѣ музыкантовъ, которые играютъ на самыхъ разнообразныхъ инструментахъ¹⁾. А гдѣ игра, тамъ и пляска, по наивному убѣжденію народа.

Особенный интересъ представляютъ заключительныя слова этой вирши:

«Не здывуй, святый Владыко,
Може, для тебе и дыко,
Що я виршъ таку сказивъ,
Да и пысанки не нязвѣ.
Не доладня наша мовя,

¹⁾ Изъ бібліотеки Хлудова. (См. Сборникъ изображеній святыхъ съ X по XV в. Архим. Амфилозія, 1885 г., л. 17-й).

Да не збрешемъ мы ни слова,
 Хоть и сердце розверны,
 То не найдешь тамъ брехни.
 Ты, Всевидецъ и Творецъ,
 Висы начало и конецъ ¹⁾.

Очевидно изъ этихъ словъ, что вирши юмористическаго содержания, и притомъ на чисто народномъ языкѣ, произносились даже предъ высокопоставленными лицами. По преданію, одну изъ такихъ виршей въ день праздника Пасхи говорили черноморцы свѣтлѣйшему князю Потемкину ²⁾. Повидимому, обычай этотъ интересовалъ не только молодежь, но и взрослыхъ людей, занимавшихъ солидное общественное положеніе. Такъ можно думать, между прочимъ, и на основаніи содержания одного изъ вариантовъ черноморской вирши, въ которой рѣшительно и прямо высказываются desiderata посполитаго люда. Какъ только воскресъ Спаситель, говорится въ заключительныхъ строкахъ вирши,

Заразъ тая середь рая свобода засила,
 Тутъ тышына, вси старшына не мае къ имъ дила;
 Тутъ снуга, вийть-пьянюга, вже не докучае,
 И въ шидводу тутъ изъ ролу никто не хапае.
 Вси подублы, що ихъ скублы, сільскни нахалы,
 Подеречи, колотнечи вси уже пропалы.
 Утикъ куражъ, здырства нема жъ, пропалы вси драчи,
 Счезло лыхо, жыуть тыхо, не дають подачы ³⁾.

Какъ бы то ни было, только отъ правоописательныхъ виршей не далеко былъ уже переходъ и къ поэтическимъ произведеніямъ чисто общественнаго содержания. Объ этомъ свидѣтельствуеетъ одно изъ этихъ произведеній, уцѣлѣвшее отъ

¹⁾ Киевская Старина, 1868 г., № 1-й, 279—282. Записана эта вирша въ сороковыхъ годахъ Н. М. Звониковымъ отъ ищцаина кievскаго Плекуна. Мы изложили содержаніе ея по списку болѣе полному, относящемуся къ тому-же времени.

²⁾ Сводный списокъ этой вирши по рукописямъ А. А. Сазыковского и Н. В. Гоголя помѣщенъ въ „Кievской Старинѣ“. 1882 г., Апрель.

³⁾ Ibidem, 1882 г. Сентябрь. Вариантъ этой вирши см. Терещенко, „Битъ рус. народа“, ч. 6, стр. 112—115;—кievс. Епарх. Вѣд. 1877 г., № 7.

XVIII в. въ позднѣйшемъ спискѣ. Мы разумѣемъ стихотворную легенду о пекельномъ Маркѣ¹⁾, который

«Бувъ ледарь завятыи,
 Батька й матирь не поважавъ,
 А все тильки пывъ та гулявъ;
 На улыцю до дивчатъ першымъ поснишався,
 А у церкви послиднимъ заставався,
 Щобъ мерций можна було вткаты,
 Якъ ницъ на выходъ почне благословляты;
 Зъ чужымы жинкамы женихався,
 Та старыхъ людей цурався,
 За его буйною головою
 Не було никому спокою».

Одинъ разъ говѣлъ онъ и причастился. Въ этотъ моментъ, когда еще не успѣлъ онъ натворить новыхъ грѣховъ, явился къ нему апостоль Петръ во свѣ и приказалъ ему освободить изъ пекла козаковъ, которыхъ бѣсы старались задержать въ пеклѣ всякими приманками:

«Жиннокъ понапускалы,
 Щобъ козакывъ на нови гряхы скушалы.
 Вже де-яки почалы женихаться,
 Щобъ у пекла на виекъ позостаться.
 А пнпыхъ стали горялкою частуваты,
 Щобъ тильки спасення пересталы прохаты.
 «Будешъ меня зъ пекла», говоритъ апостоль, «бо
 завивъ вызволяты,
 Та у рай заставы видчыняты».

Исчезло видѣнїе, и Марко очутился въ пеклѣ. Началъ онъ, какъ говоритъ народная пословица, „товктысь по пеклу“ и окончили миссію свою съ полнымъ успѣхомъ: освободилъ онъ всѣхъ козаковъ.

«Сто литъ пекло пустовало».

¹⁾ Ibidem, 1885 г., Августъ. Легенда записана въ Тенчинской станицѣ Черноморскаго войска отъ козака 76 лѣтъ, Вакули Губы, въ 1835 г.

такъ заканчивается легенда,

«И такъ було бѣ и пропало,
 Та козаки почали гришты,
 Та Госнода гиввыты.
 Зѣ сего унять чорты понаплодылись,
 Та пекло почали робыты,
 Щобъ де було козацькымъ грихамъ жыты»...

Много было грѣховъ этихъ, не мало и добродѣтелей. Для знакомства съ тѣми и другими остановимся на діалогахъ и интермедіяхъ, которыя тоже входятъ въ составъ виршевой литературы, созданной старинной малорусской школой.

Центромъ настоящаго нашего очерка мы избрали вертепную драму, въ которой правописательный элементъ выступаетъ въ сценическомъ представленіи, какъ главная сила, управляющая словами и поступками дѣйствующихъ лицъ.

Собственно говоря, сюжетъ вертепной драмы одинъ и тотъ же у всѣхъ европейскихъ народовъ, поэтому не въ немъ заключается главный интересъ ея, а въ своеобразной обработкѣ его и въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, подсказанныхъ самою жизнью. Съ этой стороны малорусскій вертепъ есть явленіе вполне самостоятельное.

Не беремъ сулить о томъ, когда появился онъ въ южной Руси¹⁾. Можно полагать только, что тексту вертепной драмы предшествовали отдѣльныя пьесы, то въ видѣ обычныхъ народныхъ пѣсенъ, то въ видѣ виршей-колядокъ или виршей-ораций, то, наконецъ, въ видѣ всякаго рода діалоговъ, которые въ старинной малорусской школѣ были самою любимою формою виршеваго творчества. Иногда вирши на Рождество и на Воскресеніе Христова, предназначаемыя для произнесенія нѣсколькими лицами, имѣли діалогическую форму²⁾. Иногда діалогомъ называлась бесѣда въ стихахъ богословскаго содержа-

¹⁾ Athenaeum Крашевскаго, 1843 г. Odział 3. Одинъ изъ сотрудниковъ этого журнала видѣлъ въ с. Ставицахъ ящикъ съ надписью: „1591 года сооруженъ“ Другой экземпляръ онъ видѣлъ съ надписью отъ 1633 года.

²⁾ Таковы, напримѣръ, рождественскія вирши Памвы Беринды и Кирилла Травкивлііова: первая произносилась семью отроками, вторая — пятью.

нія ¹⁾. Такое же названіе носитъ одна изъ древнѣйшихъ южно-русскихъ мистерій о страстяхъ Христовыхъ ²⁾. Есть, наконецъ, діалоги чисто бытоваго содержанія. Отъ позднѣйшаго времени, не ранѣе какъ отъ второй половины XVIII вѣка, мы имѣемъ попытку перевести вирши о пастухахъ въ діалогъ, который имѣетъ видъ вступительной сцены къ какой-то рождественской драмѣ. Мы разумѣемъ „Діалогъ пастырей“, въ которомъ два пастуха, управившись съ хозяйствомъ, богословствуютъ накануне Рождества въ простонародномъ тонѣ. Они вспоминаютъ о грѣхопадѣніи прародителей, ожидая, что имѣющій родиться Спаситель міра „дѣдкамъ дастъ доброго часа“ ³⁾. Къ тому же разряду діалоговъ относится „Воскресенскіе стихи“, изъ которыхъ нѣкоторые отрывки приводятся ниже. Съ діалогами этого рода, которые ничѣмъ въ сущности не отличаются отъ интермедій, безъ сомнѣнія, находилась въ тѣсной связи вертепная драма. Могла бытъ она составлена въ первой половинѣ XVIII вѣка и даже раньше, но въ первоначальной редакціи она намъ неизвѣстна ⁴⁾. Думаемъ только, что съ перваго момента своего появленія она подвергалась позднѣйшимъ видоизмѣненіямъ, причемъ въ основной текстъ драмы могли быть внесены пьесы болѣе древнія, чѣмъ самая драма. Однимъ словомъ, вертепная драма шла по тому же пути коллективной обработки, какъ и устья произведенія народной поэзіи. Приблизительно можно отнести современный намъ текстъ ея къ семидесятымъ годамъ прошлаго столѣтія ⁵⁾.

¹⁾ Таковъ, напримѣръ, „Банкетъ духовный“, помѣщенный въ апрѣльской книжкѣ Кіевской Старины за 1892 г.

²⁾ Кіевская Старина, 1891 г., Апрѣль.

³⁾ Рукопись церковно-археологическаго музея при кіевской Академіи, I. III, с. 10.

⁴⁾ Сохранилась она въ двухъ спискахъ: по одному изъ нихъ напечатана въ сборникѣ П. И. Маркевича: „Обычаи, повѣрья, кухня и напитки малороссіянъ“, Кіевъ, 1860 г. Подробный пересказъ другаго списка, принадлежавшаго Г. Ш. Галагану, имѣемъ смичъ составленный, помѣщенъ въ Кіевской Старинѣ за 1882 г., Октябрь.

⁵⁾ Объ этомъ мы имѣемъ положительное свидѣтельство Г. Ш. Галагана: „по рассказамъ моего отца, нѣкоторыхъ родныхъ и мѣстныхъ старожиловъ, говорятъ онъ, въ семидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка къ моему прадѣду зашли съ вертепомъ кіевскіе бурсаки. Вѣроятно, ихъ представленіе приято было съ большимъ

Мы не будем останавливаться на первой части Вертепа, такъ какъ вся она есть ничто иное, какъ драматизированное воспроизведеніе того матеріала, съ которымъ познакомились мы въ рождественскихъ виршахъ. Ни одной новой правоописательной черты не прибавляетъ она къ извѣстнымъ намъ лицамъ, дѣйствующимъ въ виршахъ.

Совсѣмъ не то представляетъ намъ вторая часть вертепа, въ которой выступаетъ предъ нами цѣлый рядъ лицъ, взятыхъ изъ дѣйствительной жизни и обрисованныхъ выпукло и ярко.

Вообще говоря, вся эта вторая часть есть изображеніе радости по поводу рожденія Спасителя,—только въ виршахъ радуются вмѣстѣ съ людьми и праведники, тогда какъ на сценѣ Вертепа радуются простые смертные, люди разныхъ возрастовъ, сословій и народностей. Это и есть нить, соединяющая въ одно цѣлое всѣ эти веселыя группы, выступающія одна за другой на сцену.

Мы будемъ всматриваться въ эти группы подъ угломъ тѣхъ свѣтовыхъ впечатлѣній, которыя производятъ главныя дѣйствующія лица, какъ представители мѣстной жизни. Лица эти — крестьянинъ, козакъ и запорожець. — Для дополненія вертепныхъ сценъ мы будемъ пользоваться соотвѣтствующими подробностями изъ діалоговъ и интермедій.

Съ крестьяниномъ вертепной драмы мы уже отчасти знакомы: это Клима и жена его. Все хозяйство ихъ заключается въ свиньѣ и козѣ. У Клима нѣтъ денегъ, чтобы заплатить дьяку за обученіе его сына.—вотъ онъ и отдаетъ ему не безъ хитрости свинью, у которой „ребра такъ и свитятся“¹⁾. Въ первой интермедіи Георгія Конисскаго мы видимъ на сценѣ мужика, повидимому хлѣбороба зажиточнаго. Онъ наслаждается созерцаніемъ уродливой пивы, сомнѣваясь, чтобы *мудрогелт*

сочувствіемъ, потому что мой прадѣдъ, удержавъ на некоторое время странствующихъ артистовъ, устроилъ для себя вертепъ, при чемъ бурсаки передали вертепный текстъ и погное пѣніе мѣстному хору пѣвчихъ, существующему непрерывно и до сихъ поръ“. Кіевская Старина, 1882 г., Октябрь.

¹⁾ Отрывки изъ вертепной драмы мы будемъ приводить по сокиринскому тексту Г. П. Галагана. Текстъ г. Марковича намъ кажется позднѣйшимъ.

больше его понимали въ хлѣборобствѣ. Рисуетъ онъ житье-бытье свое, исчисляетъ повинности и нужды свои:

«Треба и на правенты, тулко б зъ того дбаты,
И себе б то самѡго зъ дѣтми годоваты»¹⁾.

Если бѣдный Климъ несетъ расходы на школу, то тѣмъ наче состоятельный хозяинъ:

«Треба», говорить онъ, «и роковщину, щю школу зъучае,
Треба жъ и тымъ, що миркають щю-небудь уткнуты».

Неизвѣстно, отчего обѣднѣлъ Климъ, по собственной-ли винѣ или отъ насилій панскихъ. Вообще онъ не поставленъ въ сферу социальныхъ отношеній, оттого черты его недостаточно ясны и выразительны. Бросается въ глаза только его добродушный юморъ. Когда не стало у него и козы по собственной винѣ его, то онъ утѣшаетъ себя такъ: „понесу жъ ии (козу) до дому, та отдамъ собакамъ шкуру, а изъ мяса справлю жинци кожухъ“.

Въ такомъ-же освѣщеніи выступаютъ предъ нами крестьяне и въ другихъ интермедіяхъ. Въ одной изъ нихъ мирно бесѣдуютъ между собою два почтенные отца семейства—Жовридь и Онопрій. Оба они жалуются на продолжительность и тяжесть великаго поста. Въ проницескомъ тонѣ хвалятъ они своихъ женъ за то, что онѣ мастерски готовятъ квашу и соломаху. „Якъ намось, говорить Жовридь, соломахи въ смакъ съ березовымъ сокомъ. то хто черевомъ новзе, а пншій и бокомъ“. Не нравится имъ и то, что отецъ духовный

«Загадуе по тижнямъ до церквп ходиты,
Та ще рано и вечеръ поклоны быты,
А що бъ люльки потягты, табаки понюхать, того
не дай Боже.

Та вже то винъ выдумае, чого и негоже».

¹⁾ Отрывки изъ интерлюдіи Г. Конисскаго приводимъ по списку съ рукописи церковно-археологич. музея при кievской Академіи по описанію этихъ рукописей № 659 и 664. По той же рукописи интерлюдіи Конисскаго напечатаны въ „Древней и Новой Россіи“, 1878 г., Ноябрь.

Единственное утѣшеніе остается имъ, что скоро „Великденъ“. Только что подумали они „про те Риздво, що роблять паску“, какъ вдругъ прибѣгаетъ сынъ Онопрія Педь и извѣщаетъ отца, что видѣлъ онъ, какъ на закатѣ солнца вѣхалъ къ нимъ въ деревню давно ожидаемый „Великденъ“. По наружному виду это былъ

«челадинъ гречный,

Волю въ іого не похужѣ; та и визъ налечный,
 На іому чекминь, якъ снѣгъ, шапка выгилярка,
 У черчатымъ поясѣ, хустка въ бока гарна,
 Въ поливаныхъ чоботяхъ, штаны тузенковѣ,
 Червоня застѣжка и чоботы нови,
 Въ рукахъ іого червоня короговка мас,
 Ковбасою винъ стихенька волю поганце».

Обрадованные этою вѣстью, Жовридь и Онопрій помышляютъ уже о томъ, чтобы приступить къ „розговинамъ“. Въ это время появляется Педоря, жена Онопрія, и проситъ ихъ, чтобы они помогли ей вынуть изъ печи пасху. Говоритъ она, что

«Вже в кочергою, и заступомъ довбала,
 Та ничого не вражу, дужа до череня пристала.
 Охъ, тамъ же то була—вдалася,
 Що якъ сажала въ щчѣ, то на сажинь таглася».

Оказалось, что пасха нибудя не годится „ни къ людямъ, ни къ Богу“. Такая же неудача постигла Педорю въ приготовленіи и другихъ пасхальныхъ яствъ—поросенка и яицъ. Наступило разочарованіе полное.

«А що бъ же ты», говоритъ Онопрій своей женѣ, «иди царскій вѣнецъ не идиішла, шевлюго проклята,
 Се жъ ты наробила, що не знатылемо свята».

Отъ этой живой бытовой картинки вѣетъ наивною простотою нравовъ, которые и теперь еще не исчезли въ мало-русской деревнѣ. Тѣ же святочные сцены происходятъ въ нашей современной сельской обстановкѣ, тотъ же благодушный ропотъ мужей на торопливое „порань“ женъ передъ святками,

тотъ же юморъ, тѣ же рѣчи, за исключеніемъ, можетъ быть, *ниворотной* фантазіи, создавшей образъ „Веливодня“, ѣдущаго на возѣ „рыжими волами“, которые едва „тянуть ноги за ногами“ 1).

Иногда въ интерлюдіяхъ сельскій обыватель является со-всѣмъ недалежимъ и недогадливымъ человѣкомъ. Такъ, во второй рождественской интерлюдіи М. Довгалевскаго одинъ крестьянинъ рассказываетъ двумъ собесѣдникамъ своимъ сонъ и призываетъ къ себѣ бабу, которая отгадываетъ сонъ въ благопріятномъ смыслѣ. Цыганка подслушала разговоръ о чудесномъ снѣ и рассказала сновидцу о томъ, что ему снилось, вытянувъ при этомъ у него изъ-за пазухи хустку: „о се жъ, братци“, восклицаетъ онъ: „цыганка якая из-лиха, на память до слова беретъ з торби, якъ з мѣха!“ 2).

Какъ бы для того, чтобы рѣзче отбѣнить медленность и неповоротливость крестьянина. поставленъ рядомъ съ нимъ проворный, юркій цыганъ. Вѣчно голодный бродяга, онъ живетъ кузнечнымъ ремесломъ, а жена его ворожбою. Скудные заработки свои они восполняютъ обманомъ и воровствомъ.

«Чомъ, цыгане, не орешъ?»

спрашиваетъ цыганка своего мужа въ вертепной пѣснѣ.

«Бо не маю плуга», отвѣчаетъ онъ,

«Тильки въ мене плужка,

За поясомъ пужка».

— «Чомъ, цыганко, не прядешъ?»

спрашиваетъ онъ свою жену.

«Бо не вмию присты», отвѣчаетъ она:

Изъ-за гаю виглядаю,

Щобъ сорочку вкрасты».

1) Рукописный сборникъ, принадлежавшій въ 1817 году какому-то семинаристу, студенту риторикѣ. Изъ лубенскаго архива Е. Н. Скаржинской. № хрон. кат. 2346.

2) Отрывки изъ интерлюдій М. Довгалевскаго приводимъ по рукописи 1736 года, хранящейся въ библиотекѣ Кіева Михайловскаго монастыря подъ № 1710.

Впрочемъ, къ цыгану относится крестьянинъ безъ особаго озлобленія: онъ видитъ въ немъ дитя природы, повинующееся ея слѣпымъ инстинктамъ,—зло, столь же неизбежное въ жизни, какъ и разрушительныя стихіи природы. Этотъ взглядъ на цыгана лежитъ въ основаніи шутливаго, беззлобнаго настроенія, выражающагося въ народныхъ сказкахъ о цыганахъ; тотъ же взглядъ господствуетъ и въ драматическихъ сценахъ вертепа и интерлюдій, въ которыхъ появляются цыгане.

Не то положеніе занимаетъ въ нихъ еврей. Это уже хищникъ сознательный, поэтому въ изображеніи его замѣтна добрая доля сатирической желчи, которая обнаруживается въ томъ, между прочимъ, что въ сценахъ столкновенія цыгана съ евреемъ всегда дается предпочтеніе торжеству перваго надъ послѣднимъ, а не наоборотъ, причемъ посрамленіе еврея подчеркивается съ особеннымъ удовольствіемъ. Такъ, въ пятой рождественской интерлюдіи Довгалевскаго разсказывается о томъ, что у еврея украли кобылу. Горюетъ онъ, припоминая добрыя качества своей кобылы:

«Сдо така вѣсна я була кобила,
Вона, якъ цоловѣкъ, то такъ говорила.
А взе якъ дома, то з оранды не вѣдбита,
Медъ, горѣлку и пиво умѣть було пити».

Боятся онъ показаться передъ женой и покупаетъ при посредствѣ Грека у какого-то Волоха кобылу, которая „такъ, якъ тая, хвостомъ кивае“. Это была его собственная кобыла, которой онъ не узналъ. Является цыганъ, союзникъ Грека и Волоха, укравшихъ кобылу:

«Вачу, говорить онъ, що и жиди вже конѣ волочать,
Тільки бѣднихъ цыганъ злодѣйствомъ порочать».

Съ угрозою отбираетъ онъ у еврея свое добро. Такимъ образомъ еврей вдвойнѣ одураченъ: потерялъ онъ свою кобылу, да еще и деньги за нее заплатилъ.

Съ высоты величія смотритъ еврей на міръ Божій. Онъ глубоко убѣжденъ, что его племени принадлежитъ великое бу-

дущее. Мировоззрѣніе это выражено въ немногихъ словахъ вертепной драмы:

«Явреевъ, говоритъ онъ, самъ Богъ засписавъ,
 За огненнымъ стовпомъ ихъ ховавъ,
 Сде друге цудо винъ лудсе изробифъ,
 Якъ у Цорному морю все вийско затоифъ.
 Мойсей, Аронъ, Давидъ—вони жъ пакъ наса святни,
 Озидали-зъ Меснаса и тни,
 Винъ пакъ якъ прійде,
 Кругомъ насъ обийде
 И сказе такъ:
 «Цесни явреи! Я царь васъ,
 Теперь и свить весь насъ!»

Чтобы осуществить эту мечту, еврей по неодолимому влеченію природы весь погруженъ въ мелочи жизни, которыя ведутъ къ наживѣ. Во второй воскресенской иптерлюдіи Довгалевскаго дьяволъ даетъ ему, какъ своему подданному, заповѣдь такого рода:

«Яждь вся, яже суть въ мпрѣ, яже держитъ море,
 А хлѣба не яждь, за что будетъ тебѣ горе».

Еврей размышляетъ, что дьяволъ хочетъ обмануть его, „що бъ з свѣта зогнати“.

«А я таки не хоцу, сцобъ іому служити,
 А я таки все буду тутъ орандовати,
 Горѣлку, медъ и пиво буду продавати,
 Або по ярмаркахъ произдзатись буду
 З одного да на другій с тимъ, цого не збуду».

Онъ рѣшаетъ пожертвовать одной только свинниной. Въ это время является цыганъ:

«А ти, старе затвало, сцо тутъ поробляешъ»,
 спрашиваетъ онъ,

«Чи витришкв продаешъ, чи кѣыми мѣняешъ?»
 — «Я бо не того роду, отвѣчаетъ еврей, сцобъ
 кѣыми мѣняти,

Миѣ дай тилко напикомъ всякимъ синковати» .

— «А сала албо ковбасъ продавати не случалось?

Коли бѣ вони теперъ, то бѣ то смаковалось» .

— «Не кази скоромного, а й слухать не хоцу» ...

— «А ти теперъ не пси скоромного, жиде,

Дакъ се, якъ бачу, твоѣй постѣ николи не зійде?»

— «Насъ Равъ бо намъ приказавъ, отвѣчаетъ еврей,

не исти свинины,

А самъ узе на той свѣтъ посовъ есце вцора,

Тамъ вѣвъ тепер истъ въ небѣ вола соробора» (sic).

Цыганъ глумится надъ этимъ обрядовымъ благочестіемъ:

«Коли жѣ такъ, говорить онъ, вже й його дѣдько

к собѣ справивъ,

Бо коли бѣ вѣвъ въ небѣ бувъ, небо бѣ залягавивъ» ...

И вотъ у этого еврея нерѣдко приходилось крестьянину служить наймитомъ: положеніе, по народнымъ понятіямъ, тягостное и унижительное.

«Не дай мени, Боже, говорится въ одной народной пѣснѣ,

служащего хлеба:

Служащій хлѣбъ добрый, та тилко вымовний;

По кусочку крае, що дни вымовляе» ¹⁾.

Однако же, и въ положеніи наймита этотъ самый простоватый и придавленный крестьянинъ держится съ сознаніемъ своего достоинства. Въ четвертой рождественской пинтерлюдіи Довгалевскаго еврей приказываетъ своему наймиту поганять воловъ, чтобы поспѣть на ярмарокъ:

«Сиди жѣ бо, коли сѣдишь», отвѣчаетъ ему наймитъ,

Якъ покину, то озметъ (тебе) дьяволова мати!»

— «Якъ покинешь, говорить еврей, то не дамъ твою

заплати» .

— «Я из горла видеру, спокойно замѣчаетъ наймитъ,

якъ рову добуду» .

¹⁾ Чубинск., V, 1020.

Сцена оканчивается миролюбиво: наймит пасет воловъ и варитъ подорожную кашу, а еврей разбиваетъ шатеръ и торгуетъ водкой.

Вообще крестьянинъ, появляющійся въ интерлюдіяхъ, есть лицо далеко не пассивное. Онъ умѣетъ постоять за себя тамъ, гдѣ это возможно. Такъ, въ третьей воскресенской интерлюдіи Довгалевскаго мы видимъ крестьянина съ сыномъ на торгу. Отецъ оставилъ сына на возѣ и приказалъ ему смотрѣть, чтобы все было цѣло, а самъ отправился за покупками къ празднику. Подходятъ къ возу три ярыги и, запугавши мальчика, утаскиваютъ хѣшокъ съ пирогами. Возвращается отецъ и видитъ, что пироговъ нѣтъ. Ворчитъ онъ на „негѣднаго сына“.

«Якъ би взявъ щоб не влучивъ, куди утѣкати,
То б воно памягло, якъ то доглядати».

Хотѣлъ онъ было купить сыну къ святкамъ „шапчину“, а теперь, грозно заканчиваетъ онъ выговоръ свой, „ходи безъ шапки, неотецкій сину“. Въ это время подвертывается ловкій ярыга и предлагаетъ купить шапку. „Щасливе якое“, замѣчаетъ отецъ, „нѣ гадавъ купить шличка, а тутъ якъ на тое чортъ приніюсъ не товаромъ“... Не сходится онъ въ цѣнѣ за шапку. Ярыга пристаётъ.

«Шѣдн ти, говорить мужикъ, непелюго, не видали шапки»...

«Да что ти, безтолковой, запальчиво кричитъ ярыга, меня
здесь ругаешь,

Какъ нападу за хахоль, дакъ ти меня визнаешь!»

«Ось я жъ тебе наперель, спокойно замѣчаетъ мужикъ,
хлудиною гречѣ,

Якъ писаночку, сишу помаленку плечѣ».

— «Какъ, Чурунь, мне тронешь», продолжаетъ горячиться
ярыга, глаза растаскаю

И валоса з галови все повириваю!»

«На, воли хочь, отвѣчаетъ мужикъ, з денгою алтинъ за
шапчину,

А придагу до боши колякою в спину».

Но если въ столкновеніяхъ съ цыганомъ и евреемъ мало-русскій крестьянинъ долженъ былъ обладать личною энергіею,

то въ борьбѣ съ польскимъ элементомъ нужна была, сверхъ того, иная сила—нѣкоторымъ образомъ политическая,— нужно было, чтобы сельскій пахарь превратился въ козака. И вотъ предъ нами выступаетъ въ интерлюдіяхъ прошлаго вѣка другой типъ, взятый изъ народной жизни.

Въ пятой воскресенской интерлюдіи Довгалевскаго ляхъ хочетъ продать мужиковъ своихъ безъ земли, какъ живой товаръ. Еврей совѣтуетъ ему заарендовать мужиковъ. Ляхъ идетъ на эту сдѣлку. Дѣло покончено съ евреемъ за 100 злотыхъ. Ляхъ получаетъ задатокъ съ тѣмъ, чтобы еврей отдалъ остальное, когда наступитъ война противъ хлопковъ за то, что они вмѣстѣ съ козаками посягаютъ на „шляхетски клейноды“. Является козакъ.

«Що б то се за причина и якъ розважати»,
говорить онъ.

«Що ляхи-шиляхвости людіи продавати почали?»

Одинъ изъ мужиковъ обращается къ нему съ просьбой о помощи:

«Будь ласковъ, козаче, визволь з сего лиха,
Якъ придеши до мене, дамъ новса полмѣха».
— «Не буйся, чоловіче», отвѣчаетъ козакъ, «буде
самъ вертѣти
Хвандамы, якъ будемо въ ярмо запрягати,
То вже не одважниси людей продавати».

Ляхъ, какъ провинившійся школьникъ, конфузливо извиняется и обѣщаетъ впредь не грѣшнть.

«Годѣ калантирнть», отвѣчаетъ ему козакъ, «зволь
шію в ярмо класти,
Да поидем до мене з жидомъ овецъ пасти».

Теперь обратимся къ этому козаку въ минуту интимной бесѣды его съ самимъ собою, чтобы видѣть, какъ понимаетъ онъ козацкое дѣло свое. Третья рождественская интерлюдія Довгалевскаго начинается слѣдующимъ монологомъ козака:

«Бувъ у турка под руками,
 А в татаровъ з кайданами,
 Богъ виручивъ мя оттуду,
 А тепер мѣсця не найду.
 Лѣсы, поля спустошени,
 Лугы, сѣна покoшени,
 Пороспускавъ дѣты,
 Пойду знову на Сѣчь-мати,
 Пойду долѣ внизъ шуваты:
 А чен буду потугою,
 А в москаля заслугою?
 Чи не буде хочъ на низу добра,
 Чи не трапится де поймати лѣса або бобра?
 Буду турковъ воевати,
 Мечемъ слави добувати,
 Кармазини з луданами,
 Шати брати з суганами.

Эгей! Коли б внятъ, якъ була козацкая слава,
 Що б роспустилась всюди, якъ нѣрами пава,
 И що б зацвѣла знову, якъ рожа, у лѣтѣ,
 Якъ Богъ позволить побратъ турецкій дѣти,
 Або ляховъ на той час трапится поймати
 И сѣмъ кіемъ козацкімъ по ребесахъ дати».

Итакъ, козаць живетъ добычей, ибо на родинѣ его все
 разорено. „Сѣчь-мати“ не потеряла для него притягательной
 силы. Мечтаетъ онъ о казацкой славѣ, которую поставляетъ въ
 истребленіи турокъ и ляховъ. И однако же, одной доброй воли
 и личной храбрости мало было для того, что бы одолѣть вра-
 говъ, поэтому козаць охотно принимаетъ услуги отъ москаля
 и готовъ выслужиться передъ нимъ. Эта послѣдняя черта ко-
 зака явствуетъ изъ дальнѣйшаго хода той-же интерлюдіи. Ляхъ
 на охотѣ, въ толпѣ своихъ сподвижниковъ. Крестьяне (литвины),
 поданные его, приносятъ ему подарки. Онъ отплачиваетъ имъ
 кіями, причемъ разсуждаетъ о возстановленіи Польши въ ста-
 рыхъ границахъ ея. Онъ строитъ воздушные замки и, по обык-
 новенію, надѣется на многое. Онъ упоенъ идеей шляхетскаго

происхожденія своего, собственной силы и храбрости своей.
Какъ вдругъ появляется козакъ и москаль

«Пріймайся, козакъ», говорить ему москаль,
«не бойся, бери зъ плечей двоихъ,
А я тотчасъ уберу долгополыхъ отъ тихъ,
А што здесь о рубежахъ они спаминали,
Будто ляшенки Украинну въ областяхъ держали,
Добро, вотъ покажемъ рубежи кнутомъ на спинѣ».
«И добре, земочку», отвѣчаетъ ему козакъ,
«що бь другій намятавъ,
Да и дѣдчой своей дитинѣ заказавъ!»

Вообще появленіе москаля производитъ на сценѣ чудеса.
Это какая-то всемогущая и бурная сила. Ляхъ предъ нею сми-
ряется, мужикъ становится увѣреннымъ въ собственной силѣ.
Москаль ведетъ себя развязно и смѣло.

«Я салдаты прастой, не богословъ»,
говоритъ онъ о себѣ въ вертепной драмѣ,

«Не знаю красныхъ словъ,
Хотя я отечеству суть защита,
Да спина въ меня избита,
Читать и писать не вмѣю,
А гавару, што разумѣю¹⁾».

Онъ постоянно слѣдитъ за тѣмъ, вѣтъ-ли гдѣ раздоровъ.
Въ четвертой рождественской интерлюдіи Довгалеваго онъ
вмѣшивается съ этимъ вопросомъ въ мирную бесѣду ксендзовъ,
толкуетъ отвѣтъ одного изъ нихъ въ оскорбительномъ для себя
смыслѣ и затѣмъ двухъ ксендзовъ запрягаетъ, а третьяго за-
ставляетъ погонять запряженныхъ собратьевъ и ѣдетъ въ Пол-
таву. Всюду онъ поспѣваетъ. вездѣ является, какъ власть иму-
щій. Въ первой интерлюдіи Ковнескаго мужики отдають ему на
расправу бабу—чаровницу. Москаль допрашиваетъ бабу, какъ
судья, и наказываетъ ее кнутомъ. добиваясь за это вознаграж-

¹⁾ Вариантъ Маркевича. — См. „Обычаи. повѣрья, кухня и напитки малорос-
сіянъ“, 1860 г., стр. 45.

деня. Не получивъ такового, онъ всѣхъ разгоняетъ—и мужиковъ, и бабу, и самого войта, присутствовавшего при этой сценѣ.

Тотъ же буйный нравъ и у запорожца, только, по свойству народнаго характера, фигура его массивнѣе, чѣмъ подвижная и бойкая фигура москаля. Въ извѣстныхъ намъ интерлюдіяхъ нѣтъ запорожца, зато въ вертепной драмѣ онъ выступаетъ, какъ главное дѣйствующее лицо, воплощающее въ себѣ всепообъждающую мощь народнаго духа, всегда искавшаго въ Запорожьѣ опорной точки для своей самостоятельности.

Появляется запорожець въ вертепѣ тотчасъ послѣ хвастливыхъ рѣчей поляка. Онъ поетъ:

«Та не буде лучше,
Та не буде крашче,
Якъ у насъ, та на Укранни,
Що не мае жыда,
Що немае лиха,
Не буде изпны!»

Пѣсня эта обращаетъ въ бѣгство поляка, а затѣмъ запорожець произноситъ длинный монологъ, на которомъ мы и остановимся.

Пославъ въ догонку поляку нѣсколько язвительныхъ фразъ, запорожець говоритъ зрителямъ необычныя слова:

«Хоть дывись на мене, та ба—не вгадаешъ,
Видкиль родомъ, п якъ зовуть—ни чичиркъ не знаешъ».

И въ самомъ дѣлѣ, не имя, а *призвище* его извѣстно людямъ,—и то тѣмъ только, кто бывалъ въ степяхъ. Впрочемъ, онъ и къ *призвищу* своему равнодушенъ. Ему все равно, какъ бы кто ни назвалъ его—лишь бы не крамаремъ. Къ ремеслу крамаря, которое находилось главнымъ образомъ въ рукахъ евреевъ, старинное козачество относилось съ особеннымъ отвращеніемъ. Настроение это согласовалось съ завѣщаніемъ козакамъ Богдана Хмельницкаго въ извѣстной драмѣ: „Милость Божія... Украину освободившая“:

«Слнн не кучуйте,

Луки, стрѣлки, мушкеты и сабли пильнуйте!»¹⁾

Итакъ, герой нашъ—житель степей. Онъ появляется лишь изрѣдка въ населенныхъ мѣстахъ, потому что давно уже порвалъ связи съ своимъ прошлымъ.

Кто-же поставилъ его въ это положеніе? Самъ-ли онъ доброю волею своею осудилъ себя на эту жизнь безпріютнаго скитальца, или же она послана ему злою судьбою его?

«Якъ бувъ, говорить онъ, богатъ
То казали: Иванъ братъ,
А теиерь, якъ ничего не маю,
То никто й не знае».

Это—обычный мотивъ, который не рѣдко развивается и въ думахъ семейнаго содержанія, и въ виршахъ: „одцурався ридъ“...

Вотъ изъ этихъ-то людей, не находившихъ въ семейной обстановкѣ уютнаго и прочнаго положенія, и слагалась та вольная община, которая сама для себя была матерью. Сыномъ этой матери и былъ вертепный запорожець:

«Виденль родомъ я на свити,
Всякъ изъ васъ може знати примити:
Живокъ въ Сичи не мае,
Всякъ тее знае,
Дыкьи кони намъ сусиды,
Да дивирове среми—
Ото наше племя!»

Постарѣлъ онъ. Силы ему измѣнили. Объ этомъ говорить онъ въ духѣ нравоучительныхъ виршей:

«Тымъ-то бачу, що вже не добра лять нашихъ година,
Скоро цвите и влине, якъ у поли былина».

Весь героическій вѣкъ—позади его, а впереди—безпомощная старость, и ничего больше не остается ему, какъ покориться общей участи живущихъ и умереть, если можно, спокойно.

¹⁾ Собраніе сочиненій М. А. Максимовича, т. I.

«Хоча жъ мени и ле страшно, говорить онъ,
на степену вымирты,
Та тилько жаль, що никому буде поховаты».

И это понятно. Козацкія похороны. какъ видѣли мы изъ многихъ малорусскихъ думъ, это обычная мечта степныхъ рыцарей. Вотъ и нашъ запорожець рѣшается лучше идти на Русь, чтобы попы „одпомыналы“ его душу. Но тутъ беретъ его раздумье: какъ умереть ему *на лавѣ*, въ мирной обстановкѣ жизни, а не на полѣ битвы? Припоминаетъ онъ молодые годы свои:

«Случалось мнѣ и не разъ»,
говорить онъ словами думы,

«Въ степену варыть пиво:
Пиво турчынъ, пиво татарынъ, пиво и ляхъ на дыво,
Багацько лежыть и теперъ зъ похмилля
Мертвыхъ головъ и кистовъ отъ того весилля...
Есть у мене, продолжаетъ онъ, мушкетъ—сиромаха,
Да ще не заржавила и шабля—мой снаха».

И кажется ему, что онъ могъ бы еще тряхнуть стариною:

«Гей, ну-те жъ ви, степы, восклицаетъ онъ, горять пожарами,
Во вже часъ кожухы мивать на жупаны зъ лихамы!»

Но это была вспышка горячаго воинскаго чувства,—искра, навѣянная воспоминаніемъ о степныхъ пожарахъ и скоро потухшая въ немощахъ безсильной старости.

«Пекъ ихъ», говоритъ онъ, якъ наможуться, то мусышь
устушыты...

Цуръ пмъ! Водай ихъ! Якъ навеклы ляхы насъ дурты!»

Въ заключеніе этой длинной исповѣди запорожець называетъ себя по имени:

«Козакъ Иванъ Выногура,
У ёго добра натура,
Въ Польщи ляхивъ оббирае,
А въ корчми пропывае...
Въ стенахъ бобры та лысыци,
А въ шынку дивки та молодыци.

Козакъ — душа правдивая,
 Сорочки не маю,
 Коло не пѣю, такъ... бѣю,
 Таки не гуляю...

Предъ нами тотъ же типъ, который яркими чертами обрисованъ въ думахъ о козакъ-голотѣ, о козакъ-нетягѣ и о Ганжѣ Андыберѣ. Все это были люди, которые съ недовѣрjem относились къ обычнымъ формамъ культурной жизни подъ влiянемъ того убѣжденiя, что она построена была на сословно-исключительномъ началѣ крѣпостнаго права. Только тѣ формы общежитiя они могли считать правильными, которыя вытекали изъ идеи всенароднаго козачества, считавшаго неотъемлемою принадлежностiю каждаго человѣка личную свободу, личную собственность на своей землѣ и всеобщее равенство всѣхъ козаковъ, управляемыхъ выборными властями. Эта широта требованiй, не согласовавшаяся съ политической обстановкою страны и не приведенная въ надлежащую юридическую ясность, сообщала самымъ требованiямъ характеръ утопiи, а носителямъ этой утопiи давала видъ странныхъ мечтателей, создавшихъ своеобразныя представленiя о волѣ, возможной по условiямъ того времени въ степяхъ, а не въ культурныхъ центрахъ. Безъ сомнѣнiя, эта непримиримость идеала съ дѣйствительностiю ничего добраго не обѣщала въ будущемъ самому идеалу, тѣмъ болѣе, что защитники его не могли выработать въ степяхъ ни культурнаго метода борьбы за существованiе, ни такта, ни послѣдовательности. Нельзя отказать имъ въ энергiи и сильномъ темпераментѣ, который заставлялъ ихъ мѣнять насиженные родныя мѣста на дорогую волю, соединенную со всякаго рода лишенiями и опасностями боевой жизни. Само собою разумѣется, что этого было мало... Тѣмъ не менѣе составители вертепа въ угоду народному чувству дали запорожцу черты всесокрушающаго героя. Онъ наноситъ удары направо и налево—прогоняетъ со сцены шинкарку и цыганку, убиваетъ жида, отбивается отъ самаго чорта, который долженъ былъ смириться предъ его булавой. Всѣмъ этимъ подвигамъ бушующей силы не достаетъ, конечно, индивидуальныхъ мотивовъ, но въ народномъ театрѣ особенную

цѣнность имѣютъ мотивы, такъ сказать, этнографическіе, вполне вразумительные для каждаго при одномъ взглядѣ на тѣхъ лицъ, съ которыми имѣетъ дѣло запорожець. Тою же общедоступностію мотива отличается и встрѣча его съ уніатскимъ попомъ, который появляется на сцену въ ту минуту, когда въ душѣ запорожца проснулася мысль о покаяніи:

«Де бѣ то»,

говорить онъ въ самообличительномъ, ироническомъ тонѣ,

«достать пона хоть ледяничку,

Абы не п'яничку,

Бо я, признаться, самъ того не люблю».

Начинаетъ попь исповѣдывать грѣшника, который говоритъ ему:

«Ходивъ я зъ малу по білому свиту,

Бывъ ляхивъ, жидивъ,

Кушпивъ, нанпивъ,

И всихъ, кого заманеться.

Правду сказать, уніатськихъ попивъ не бывъ,

А зъ нихъ жыныхъ кожу лупывъ».

Послѣ этихъ словъ попь убѣгаетъ.

Таковъ герой вертепа—этотъ степной рыцарь, горячій, искренній и необузданный. Много силъ у него физическихъ и нравственныхъ, но не умѣетъ онъ дать этимъ силамъ надлежащаго направленія, недостаетъ ему чувства мѣры, а также обдуманнаго плана дѣйствій. Повидимому, и самъ онъ сознаетъ этотъ недостатокъ. Уходя со сцены, онъ говоритъ зрителямъ:

«Що було, прошу про те не помынати,

Бо вже инду теперъ въ куринь виду доживати».

Любопытно, что приведенная нами вертепная вирша, въ которой запорожець высказываетъ свое credo, обыкновенно подписывалась на старинныхъ картинахъ подъ изображеніемъ запорожца, играющаго на бандурѣ, съ добавленіемъ слѣдующихъ стиховъ:

«Ей, бандуро моя золотая!
 Коли бь до тебе живна молодая,
 Скакала бь и плисала бь до лыха,
 Що не одынь бы чумаць одцурася бь солы и миха.
 Або якь заграю, то не одынь поскаче,
 А подождавшы одь того весилла та ще й заплаче».

Эта бандура, вѣрный спутникъ бездомнаго скитальца, общаетъ его образу глубоко поэтической оттѣнокъ. Неудачно спѣлъ онъ свою пѣсню въ жизни, поэтому и перенесъ всю страсть души своей въ думу о своей жизни. И пѣлъ онъ эту думу подъ звуки бандуры, которую называлъ „дружною виною“, а передъ смертію положилъ онъ ее на степной могилѣ, чтобы буйный вѣтеръ, по степямъ летая, извлекалъ изъ струнъ ея смутныя и жалобныя звуки¹⁾...

Малорусскія вирши историческаго содержанія.

Отзывалась-ли старинная южно-русская школа на текуція явленія жизни?

На этотъ вопросъ отвѣчаетъ намъ множество виршей историческаго содержанія, написанныхъ подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ минуты.

Изъ первой половины XVII в. особеннаго вниманія заслуживаетъ острожскій *Ляментъ*, написанный по поводу несчастнаго событія, случившагося въ г. Острогѣ въ 1636 г. Содержаніе *Ляменту* обозначается въ его заглавіи: „Ляментъ о прыгодѣ нещанаго... мешча острѣка, що ся и влане придало на днь урочайного свята и матчы встанія пѣла спайтеля нашего в понеделю в процесии идучи пѣ приндъ ей милости пѣен воеводиной виленской“. Воеводиной виленской была въ то время владѣлица г. Острога, внучка знаменитаго князя Константина Константиновича Острожскаго, вдова воеводы виленскаго и великаго

¹⁾ Мелнискій. Народныя южно-рус. пѣсни, 445. Вместе съ г. Сумцовымъ (Кіеве. Старина, 1889 г., Сентябрь) мы считаемъ думу о прощаніи казака съ бандурой по основному мотиву и многимъ подробностямъ въ развитіи его воплоти народной.

гетмана литовскаго, Анна-Алоиза Ходкевичъ, въ послѣдствіи іезуитская праведница. По наущенію іезуитовъ она приказала своимъ слугамъ украсть изъ замковой Богоявленской церкви гробъ съ тѣломъ ея отца, князя Александра Константиновича Острожскаго († 1603), и перенести его въ построенный ею костель при острожскомъ іезуитскомъ коллегіумѣ. Похищеніе совершено было ночью, въ самый день Пасхи 1636 года, и вызвало глубокое негодованіе среди православныхъ мѣщанъ г. Острога.

«И на щѣ ся ѿ зышло, презацные ѿцеве»,
 обращается сочинитель *Ляментта* къ оо. іезуитамъ,

«Же чѣ в тому привели пощивую матрону,
 Же естъ тѣло порушеное ѿца еи з гробу?
 Снѣ си нынѣ мѣтвы даремне мовляють,
 Бо тѣла лѣтскіе покою в гробѣхъ не маѣ».

На другой день послѣ похищенія произошло кровавое столкновение между мѣщанами и слугами воеводиной виленской. Дѣло было такъ. Изъ Богоявленской замковой церкви вышелъ народъ съ духовенствомъ для совершенія крестнаго хода. Въ это самое время возвращалась изъ костела Анна-Алоиза въ каретѣ, съ длиннымъ цугомъ, окруженная своими дворянами и слугами. Ей нужно было проѣхать въ замокъ чрезъ мостъ, почти у самой паперти церковной, гдѣ стояла густая толпа народа. Велѣно было очистить княжнѣ дорогу. Толпа не слушалась. Раздраженная Анна-Алоиза приказала кучеру ѣхать прямо на толпу, причемъ „вѣница почѣ людей бичовати“, замѣчаетъ сочинитель *Ляментта*. Тогда люди, продолжаетъ онъ,

«всѣ ся порвали,
 Кѣи побрали».

Въ свою очередь

«Слузи и всѣ дворяне,
 Видячи, же не жѣтъ, кинулися на нѣ едностаѣ,
 Шабель добывшы».

Началась свалка. Народъ окружилъ поѣздъ княжны и хотѣлъ было сбросить ее вмѣстѣ съ каретой съ моста, о чемъ, впрочемъ, сочинитель *Лялента* не упоминаетъ. За то онъ рассказываетъ о томъ, что многіе

«с перестраха въ вѣз мосту падали,
Шны замали».

Почтительно называя княжну *матроной* и стараясь „на обѣ сторонѣ правду признаты“, онъ, однако же, не безъ ироніи замѣчаетъ, что княжна

«На звича пѣсьмѣ на цвитарь утѣкаетъ,
Бѣва си размножаѣ».

Возстаніе усмирено было только тогда, когда старосты ближайшихъ селеній прибыли въ городъ съ свѣжими подерѣпленіями. На другой день утромъ начался судъ надъ бунтовщиками.

«Мещѣ зацны в колоду посажано,
А наубогшы в темницу загнано,
Абы ропрывы до часу чекалы и голо дали.
Нѣмашъ ся, ѿ розмовити з сосѣды,
Бо потаемнои зрады поно завсѣгды:
Тѣ по окнами и в ночи слушають,
що розмовляють.
Подъ чѣ ирѣмаку нѣвгды славного,
А теи, реку, южъ занедбалого,
На самую взгарду звети ѿ казано,
іжебы стпнано.

Тамъ килку мещѣ мечемъ прыкро стято,
Четвертому уши и носа утыто,
А оные трупы ховать заказали,
Псомъ торгати дали».

Признавая схизматическихъ поповъ подустителями черни, трибуналь, судившій это дѣло, опредѣлилъ изгнать ихъ въ числѣ 46 человекъ изъ предѣловъ острожскихъ имѣній.

Такъ окончилась эта печальная исторія, у современниковъ известная подъ именемъ „острожской трагедіи“.

«О ты, Острогу, мѣсто справедливое,
заканчиваетъ рассказъ свой сочинитель *Ляменты*,

Въ тобѣ бывали мѣшканцы цѣлотливые,—
Ты было хлѣбомъ зѣжде приходныи,
Ты убогому маткою было студитони,—
В тобѣ хто мешкал, нѣгды не шкодова, хто си шанова.
Терѣ не стѹтежь! На щѣ южь приходыть!
Снаги си южь на тое, подобно, заводыть,
Жебы южь было и нѣвечь оберънено,
Зѣ грунту знищено! 1).

Въ основѣ *Ляменты* польская рѣчь и даже польская рифма, не вездѣ удачно переложенная на славяно-русскую фонетику, но мысли и чувства въ немъ русскіи 2). Написанъ *Ляментъ* спустя не болѣе двухъ мѣсяцевъ послѣ острожскаго событія (14 іюля) и посвященъ Петру Могилѣ. Замѣчательно, что сочинитель, скрывшій свое имя подъ инициалами Н. М. и называющій себя „найнышшимъ служебныкомъ з служебныковъ“ знаменитаго митрополита, писалъ свои вирши въ г. Ровно „з наубогшей школы“. За исключеніемъ „Ляменты“, мы не знаемъ другихъ виршей, которыя написаны были бы въ „найубогшей“ школѣ. Какъ и вездѣ, политикою въ южной Руси занимались преимущественно люди, вкушившіе высшаго знанія. И нашъ

1) Подлинная рукопись, современная самому событію, получена нами изъ сѣдлецкой губерніи отъ почтеннаго собирателя устныхъ и письменныхъ произведеній южно-русской старины М. П. Андриенскаго.

2) Таковы, напр., слѣдующія рифмы:

„Еды мешаши обрѣдѣ зухвалѣ,
А для одного вишки вини зѣстали,
Же ся на пѣла нѣ-ск-го замѣрилъ
Снѣ го ударилъ“.

Въ славянской транскрипціи нарушена рифма: очевидно, въ польскомъ подлинникѣ послѣдній стихъ читался такъ: Snadź go uderzył.

являющій авторъ, судя по складу его стиха, обнаружилъ значительное знакомство съ польскою литературой.

Думаемъ, однако же, что и народная малорусская школа по условіямъ того времени, когда въ борьбѣ за существованіе народъ напрягалъ всѣ свои силы, какъ физическія, такъ и нравственныя, должна была воспринимать и такъ или иначе перерабатывать впечатлѣнія политическихъ событій, которыя оказывали неотразимое вліяніе на ея благоденствіе и злодѣнствіе. Педагоги того времени, повидимому, давали этимъ впечатлѣніямъ извѣстное направленіе посредствомъ виршей и кантовъ. Такъ, въ драмѣ „Милость Божія, Украинну чрезъ Богдана Хмельницкаго... свободившая“ (1728), „дѣти украинскія, во училищахъ кіевскихъ учащихся“, привѣтствуютъ виршами Хмельницкаго при вѣздѣ его въ Кіевъ послѣ блестящихъ побѣдъ надъ Поляками¹⁾. Тѣмъ не менѣе, пересматривая школьные сборники прошлаго вѣка, предназначавшіеся для походнаго употребленія, мы находимъ въ нихъ сравнительно мало виршей, проникнутыхъ, такъ сказать, злобой дня, которой не мало было въ жизни. По всему видно, что странствующие школьники предпочитали имъ такія вирши, которыя могли бы служить безобиднымъ матеріаломъ во всякое время и на всякомъ мѣстѣ, вирши нравоучительнаго и правоописательнаго содержанія.

Слѣдуетъ-ли отсюда, что низшіе ряды школьной братіи не принимали никакого участія въ сочиненіи и распространеніи виршевыхъ сказаній о событіяхъ и лицахъ, болѣе или менѣе значительныхъ въ историческомъ отношеніи? Мы знаемъ навѣрное, что обитатели старинной малорусской школы, какъ высшей, такъ и низшей, были вовсе неравнодушны къ тому, что происходило за стѣнами ея.

«Збунтовалась Украина, поны и дяки».

говорится въ одной гайдамацкой пѣснѣ.

«Погынули въ Украини жылы й полякы»²⁾.

¹⁾ Собраніе сочиненій Максимовича, т. I.

²⁾ Украинскія народныя пѣсни, Мак и овчар., 1834 г., 125

Хотя и сказано давно, что *inter arma silent Musae*, но слова эти ни въ какомъ случаѣ не могутъ относиться къ тѣмъ музамъ, которыя въ кровавыхъ зрѣлищахъ войны находятъ свое вдохновеніе, которыя изображаютъ героевъ „подъ трубами повитыхъ, подъ шеломи взлелеянныхъ, конецъ копія вскормленныхъ“. Не мало было такихъ героевъ въ старинной Украинѣ, поэтому и муза народная долго не умолкала, воспѣвая дѣянія и подвиги этихъ героевъ. Они были представителями народной самодѣятельности, которая, какъ извѣстно, составляетъ одно изъ главныхъ условий для народнаго пѣснотворчества. Замѣчательно, что и школьная муза оживлялась въ эти именно моменты подъема народнаго духа. Мы остановимся на школьныхъ виршахъ, созвучныхъ съ народною музою въ изображеніи наиболѣе выдающихся моментовъ въ исторіи Украины. Мы разумѣемъ хмельницину и гайдамачнину—двѣ эпохи сходныя между собою во многихъ отношеніяхъ. „Такія-же побужденія, такія-же страсти, говоритъ Костомаровъ, какія отличали хмельницину, дѣйствуютъ и въ гайдамачнинѣ: та-же отъявленная ненависть къ панамъ, шляхтѣ, католическому духовенству и іудеямъ, тѣ-же кровавыя, часто грязныя сцены убійствъ, грабежей, мучительствъ, разореній панскихъ усадебъ и востеловъ,—тѣ-же ужасныя казни, слѣдовавшія, какъ репрессаліи отъ поляковъ, въ случаяхъ укрощенія мятежей,—то-же упорство со стороны южноруссовъ“¹⁾.

Вирши о Хмельницкомъ встрѣчаются большею частію въ лѣтописяхъ, именно у Ерлича и Грабянки. Обычная тема этихъ виршей—прославленіе Хмельницкаго за то, что онъ „искоренилъ Унію, гонилъ ляхи зъ жида и прочіи народи подѣ такими видѣ“²⁾. Нѣкоторыя изъ этихъ виршей напоминаютъ искренностію тона народныя думы:

«И ты, Чагирине, мѣсто Украинне, не меншую славу
Теперь въ собѣ маешь, коли оглдаешь въ рукахъ булаву

¹⁾ Костомаровъ, Исторія козачества въ памятникахъ южнор. народнаго творчества, отдѣльный оттискъ, стр. 140.

²⁾ Лѣтопись Грабянки: похвала виршами Хмельницкому отъ народа малороссійскаго.

Зацного Богдана, мудрого гетмана, доброго молодця,
Хмельницького чигиринського, давного запорожця¹⁾».

Такое-же изобиліе эпитетовъ, приложенныхъ къ имени
Хмельницкаго, встрѣчаемъ и въ думѣ:

«Та хоти жъ бувъ панъ Хмельницький,
Житель чигиринський,
Козакъ лейстровый,
Писарь вийсковый,
Лицарь добрый,
Та померъ,—
А тильки его слава козацька—малодецька
Не вмере, не поляже»...²⁾.

Есть и другія въ виршахъ о Хмельницкомъ точки сопри-
косновенія съ народными думами. Какъ въ виршахъ, такъ и
въ думахъ, изъ прозвища Хмельницкаго извлекается извѣстная
поэтическая аналогія для изображенія душевнаго состоянія враговъ:

«Высыпали хмель изъ мѣха
И наробивъ лихамъ лиха,
До жовтои водицѣ
Наклавъ имъ дуже хмелницѣ,
Не могли на ногахъ стати,
Волпно утѣкати»³⁾.

Въ думѣ о Корсунской битвѣ враждующія стороны варятъ
вмѣстѣ пиво:

«Не вербы жъ то шумили и не галки закричали:
То жъ козаки зъ ляхами пиво варять зачиналы»⁴⁾.

Но это пиво не по вкусу пришлось ляхамъ: они начали
уходить отъ козаковъ:

«Чомъ вы не дождаете»,

¹⁾ Лѣтон. Ерлича, 312.

²⁾ Историч. пѣсни малорус. народа, Ант. и Дрогом. т. 2, в. 1, 29.

³⁾ Костомаровъ, Исторія козачества въ памятникахъ южнов. народнаго твор-
чества, отд. оттискъ, 279.

⁴⁾ Загравскій, Старосв. бандуриста, 81.

говорятъ имъ козаки,

«Нашого пива не допиваете?»¹⁾

Какъ въ думахъ, такъ и въ виршахъ, весьма замѣтна склонность торжествующихъ козаковъ къ глумленію надъ побѣжденнымъ врагомъ. Въ одной виршѣ ляхи называются *куркоидами*²⁾,—въ другой говорится объ этомъ расположеніи ихъ къ куриному мясу слѣдующимъ образомъ:

«Нехай христіане, ваши подоляне, поросиложують куры,
Що выловили и выносили ваши дзюры.

А вы въ татарахъ, въ тижкихъ кайлапахъ, до смерти сидите,
Якъ мы одь насъ, такъ вы одь насъ, теперъ потерните»³⁾.

Въ думѣ о корсунской битвѣ Хмельницкій говоритъ плѣннику своему, гетману Потоцкому:

«Гей, пане Потоцькій,

Чомъ у тебе й доси розумъ жиноцькій?

Не вмивъ ты еси въ Кампеськимъ Подилицю пробувати,

Печеного поросаты, курици съ перцемъ та съ шапраномъ
уживати,

А теперъ не зумнешъ ты зъ нами, козаками, воювати,

И жытнѣи соломахи зъ туслукомъ улитати.

Хиба велю тебе до рукъ крымському хану дати,

Щобъ навчыли тебе крымськи наган сырою кобылицю жовати»⁴⁾.

Какъ объяснить это согласіе въ тонѣ и даже въ словесныхъ образахъ между думами и виршами? Трудно отвѣчать на этотъ вопросъ по недостатку хронологическихъ данныхъ о происхожденіи той или другой думы, той или другой вирши. Можно предполагать, конечно, обоюдное вліяніе однихъ произведеній на другія, не менѣе вѣроятно и то, что одно общее настроеніе было причиной этого согласія.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ была сдѣлана счастливая находка одной вирши, несомнѣнно составленной современникомъ Хмель-

¹⁾ Записки о Южной Руси, Кулиша, I, 23.

²⁾ Та-же статья Костомарова, отдѣльный оттискъ, 279.

³⁾ Лѣтоп. Ерлича, 313.

⁴⁾ Зап. о. Юж. Руси, Кулиша, I, 223.

нидкаго. Мы разумѣемъ виршу, которая открыта была А. Петровымъ и напечатана въ Archiv für Slavische Filologie, въ нашей транскрипціи¹⁾. Въ подлинникѣ вирша эта носитъ слѣдующее заглавіе: „Duma kozackaia o woyni s kozakamy nad rikoiu Styru na te nute ou postył bym ia sim ponediłkow osmiiu neditenku w roku 1651“. Рѣчь идетъ въ этой виршѣ о пораженіи козаковъ подъ Берестечкомъ. Скоро-ли написана была она послѣ событія, изъ самого текста вирши этого не видно, но, безъ сомнѣнія, написана она была участникомъ въ берестечской битвѣ, что явствуетъ, на примѣръ, изъ такихъ выражений: „вельмы ж мы дыво да на Осолинського, що нас воюеть“, — „Аж бачат Лихы, що на нас страхы“ и т. п. Къ тому же заключенію приводитъ и множество подробностей въ разсказѣ о ходѣ битвы, съ обозначеніемъ изо дня въ день всего того, что происходило предъ глазами сочинителя, съ наименованіемъ дѣйствующихъ лицъ, съ точной передачей разговоровъ между ними.

Вирша начинается не совсемъ яснымъ по смыслу обращеніемъ къ р. Стырю, затѣмъ рѣчь идетъ о замыслѣ Хмельницкаго „на перевозі, чи пакъ въ дорозі короля погромыты“.

«Хан згоду радит, а не порадыт, козаки войну любят:
Ой Коземиру, юж тобі миру с козакамы не будет».

Но вотъ

«Середа прыйшла, вся орда прыйшла, Хан и Хміль с козакамы».

Съ польской стороны начали битву Конецпольскій и Любомирскій. Кончилась она нерѣшительно. Таборъ козацкій остался цѣлъ, но козаки должны были отступить къ табору.

«Четвер надходит, войско выходит, Хан и Хміль с козакамы».

Поляки обнаружили мужество

«Не як під Шлявцями,
Не утікают, кров проливають, и на Татар не дбають».

¹⁾ 1877 г., Zweit. Band. Вирша открыта была въ книгѣ, напечатанной въ Брюсселѣ въ 1627 — 1630 гг. подъ заглавіемъ: „De Militia Equestri, antiquâ et novâ à P. Hermanno Hugone“. На пустыхъ страницахъ этой книги написана была вирша латинскими буквами.

Пало въ этотъ день много богатырей польскихъ: палъ Казановскій „для обороны польскоі корони“, палъ Осолинскій, „якъ ляхъ давній и юнакъ славный“,—едва спасся Сапѣга, благодаря Вишневецкому и Любомирскому, подоспѣвшимъ на выручку. Въ этотъ-же день „пав страхъ на Хана, слалъ онъ до Гетмана“ съ извѣстіемъ, что онъ уйдетъ съ поля битвы. Хмельницкій едва упросилъ его остаться.

«Въ пятницю рано ушковано войско до бою было,
Лихамъ выгода, а намъ пегода: небо солнце закрыло».
Когда приготовились уже къ бою.
«Довго стоялы, почать боялы, з Лихамы ся не былы,
Аж бачат Лихы, що на насъ страхы. и до насъ скочылы».

Рассказывается далѣе, какъ Вишневецкій, заклятый врагъ козаковъ, врѣзался въ самую средину козацкаго войска. Завязалась ожесточенная битва:

«Крыкъ трубъ повстанетъ, гукъ за тымъ встанетъ, дымъ день
исный тмылы,
Стрѣльці-личаре, а з ділъ пожары непрестанно світылы».

Въ самый разгаръ битвы

«Ханъ утікаетъ,
Лихы гонылы, татаровъ былы, Ханъ ся не оглядетъ.
Тутъ зась козаки, хоти й знавы, ой різко утікалы,
Лихы гонылы и йіхъ стынали, ажъ табур розорвали.
И гды бы ночи тьма на помочи козакови не была,
Не одна б маты, гды б кто далъ знаты, козацкая завыла».

О приключеніяхъ Хмельницкаго, который поручилъ командованіе войскомъ полковнику Джеджалыку, а самъ отправился вслѣдъ за Ханомъ, чтобы воротить его назадъ, въ виршѣ ничего не говорится. Заканчивается она изображеніемъ трагическаго положенія козаковъ, которыхъ ляхи „обточылы“. Три раза просили они короля о мирѣ на условіяхъ зборовскаго договора.

«Мовить не даетъ, з очу зганяетъ: «выдайте мы гетмана,
Пановъ слухайте, старшыну знайте, а идіть быты хана».

На все согласны козаки, только не согласны они от старшины своей „отступыты“. Въ отчаяніи рѣшились они загатить болото, которое было въ тылу у нихъ, чтобы вырваться изъ осады. Въ ночь съ воскресенья на понедѣльникъ они устроили гати не изъ хворосту, котораго подъ рукой не было, а изъ вольвовъ, кожуховъ, войлоковъ и т. п.

«Ляхы позналы, всі в шыку стали и на нас пыльновалы,
Козаки же «понеділка ждали,
А в понеділок одбігли ділок и борошна усего,
Перебывайім да погубайім, щасливъ, що выйшов с того.
Тыйі плывають, до тых стріляють, ставыще залывають,
А других в нетрі, в лісі, як веррів дикых, забывають ..

На этихъ словахъ обрывается вирша. Все въ ней до крайности просто и реально. Разсказъ идетъ бойко и живо. безъ излишнихъ словъ, безъ всякихъ риторическихъ возгласовъ. Въ языкѣ нѣтъ тяжеловѣсныхъ формъ и оборотовъ славянскихъ. Хотя и встрѣчаются по мѣстамъ полонизмы, но они не коснулись фонетическихъ особенностей малорусской рѣчи. Вообще же по языку и стилю эта вирша близка къ народнымъ пѣснямъ. Авторъ ея, очевидно, подражалъ стихотворному размѣру одной изъ этихъ пѣсень, имѣя въ виду даже мотивъ ея. Размѣръ этотъ (5+5+7). Чрезвычайно важно для насъ это обстоятельство. Мы видимъ передъ собою сліяніе виршеваго творчества съ народнымъ, причемъ въ отношеніи къ формѣ центръ тяжести перемѣщается изъ книжной среды въ народную. Мы присутствуемъ какъ бы при самомъ зарожденіи тѣхъ произведеній виршеваго искусства, которыя съ теченіемъ времени превратились въ народныя пѣсни. Судя по наличному факту, не всякая вирша могла быть усвоена народомъ: для этого нужно было, чтобы составитель вирши самъ сдѣлалъ шагъ по направленію къ стихотворному размѣру народной пѣсни. Мы не нашли нашей вирши въ народной переработкѣ, но, безъ всякаго сомнѣнія, не мало есть пѣсень историческаго содержанія, въ которыхъ проглядываетъ виршевая основа. Такова, на примѣръ, изъ эпохи Хмельницкаго извѣстная пѣсня о Перемийносѣ: „Не двуйтеся, добриі люде, що на Украини повстало“. По размѣру

она близка къ виршѣ о берестечской битвѣ (5+5+8), но дѣло не въ томъ: въ нѣкоторыхъ вариантахъ ея встрѣчаются такія формы, какъ *злякнешъ, спаднешъ*¹⁾,—въ другихъ—такія слова, какъ *жызность, юникъ*²⁾. Нужно замѣтить при этомъ, что это послѣднее слово составляетъ исключительную принадлежность виршей. Въ разобранный нами виршѣ о берестечской битвѣ оно одинаково прикладывается къ полякамъ и козакамъ. Всѣ эти слова и формы ясно указываютъ на виршевое происхождение этой нѣкогда популярной въ народѣ пѣсни³⁾.

Любопытно, что авторъ вирши о берестечской битвѣ самъ назвалъ свое произведеніе *думой*. Извѣстно, что первое упоминаніе о думахъ встрѣчается въ *Анналахъ польскаго историка Сарницкаго* подъ 1506 годомъ. Особенности думъ по Сарницкому слѣдующія: 1) общественное содержаніе ихъ (тѣ думы, о которыхъ говоритъ онъ, сложены были по поводу смерти двухъ воинственныхъ братьевъ-юношей въ борьбѣ съ Волохами); 2) элегическій характеръ и 3) печальный мотивъ ихъ; 4) жестуляція при исполненіи думъ. Самое названіе этого рода произведеній Сарницкій считаетъ туземнымъ: *elegiae, quae dumas Russi vocant*⁴⁾. Тотъ же нѣжный элегическій характеръ напѣва приписываютъ думамъ и болѣе поздніе писатели польскіе: таковы были въ XVI и XVII вв. подольскія думы, о которыхъ говоритъ въ переводѣ Аристотелевой политики польскій

¹⁾ Зап. о Юж. Руси, Кулиша, I, 272.

²⁾ Лисенко, Збір. украинс. пісень, I, 28.

³⁾ Считаю необходимымъ высказаться здѣсь по поводу вопроса о поддѣльности нѣкоторыхъ думъ и пѣсень, затронутого издателями Историческихъ пѣсень малорусскаго народа еще въ 1874—1875 гг. Предполагали они въ концѣ изданія помѣстить эти думы и пѣсни съ примѣчаніями о томъ, почему они считаютъ ихъ поддѣльными. Но такъ какъ изданіе не окончено, то заподозрѣнныя думы и пѣсни до настоящаго времени состоятъ подъ судомъ и слѣдствіемъ въ ожиданіи окончательнаго приговора. Судъ, во всякомъ случаѣ, не скорый и не совсѣмъ милостивый. Мы тоже не сомнѣваемся въ поддѣльности нѣкоторыхъ думъ и пѣсень, но для всесторонней оцѣнки ихъ въ неопредѣленномъ будущемъ, позволимъ себѣ выразить съ своей стороны желаніе, чтобы ученые, которые когда нибудь займутся этимъ вопросомъ, имѣли въ виду высказанныя нами въ изслѣдованіи нашемъ соображенія о старинныхъ книжныхъ вліяніяхъ на пѣснотворчество народное.

⁴⁾ См. нашъ Очеркъ звуковой исторіи малор. нарѣчія, 289.

философъ Ретгусу¹⁾. Въ одномъ польскомъ стихотвореніи (Геронима Морштина 1606 г.) *дума* входила въ обиходъ козацкой жизни, какъ ея необходимая принадлежность, при чемъ она игралась на трубахъ. Въ томъ же стихотвореніи думы называются военными псалмами²⁾. Какъ видно, думы слагались еще при жизни воспѣваемыхъ героевъ: такъ, по свидѣтельству „Краткой исторіи о бунтахъ Хмельницкаго“, невѣста Тимофея Хмельницкаго наканунѣ свиданія съ нимъ велѣла пѣть о немъ *думу козацкую*³⁾. Вообще же въ польскомъ языкѣ *дума*, по объясненію Линде, основанному на значеніи этого слова у старинныхъ писателей польскихъ, есть *elegia gycerska, пібу замуслона піесіи*⁴⁾. Основываясь на всѣхъ этихъ данныхъ, можно полагать, что 1) родиной думъ была земля подольско-галицкая: и теперь народъ различаетъ въ Галиціи *думы* отъ *думокъ*; „дума, говоритъ Головацкій, это, по мнѣнію народа, *довга, поважна пісня*; напѣвъ ея тоже важнѣе, протяжнѣе“⁵⁾; 2) думы въ старину, какъ и теперь въ Галиціи, были пѣсни эпическаго содержанія, растворенныя однако же лирическимъ настроеніемъ, свойственнымъ элегии; 3) въ козацкую эпоху народной жизни явились думы *войсковыя, козацкія*; 4) отъ южноруссовъ эта форма поэзіи перешла въ польскую литературу, гдѣ тоже явилась *дума*—конечно, не въ видѣ народнаго произведенія, а въ видѣ пѣсни меланхолическаго характера, сочиненной личнымъ авторомъ. Подъ вліяніемъ установившагося въ польской литературѣ понятія о думѣ и названа думой вирша о битвѣ берестечской.

У старинныхъ малорусскихъ писателей дума существеннымъ образомъ отличается отъ вирши. Въ лѣтописяхъ Гра-

¹⁾ Słownik języka polskiego, Linde, 1807 г., I, 549.

²⁾ Jagić, Grada za Historiju slovinske narod. poesije, 76.

³⁾ Записки о Южн. Руси, Кулиша, I, 44.

⁴⁾ Słownik, Linde, 1807, I, 549. Раковскій, писатель польскій, жившій при Сигизмундѣ III, называлъ свою пѣснь о татарскихъ разореніяхъ въ землѣ польской, съ воззваніемъ къ мести, думой. См. Encyklopedia powszechna, Osgelbranda, т. VII, 591.

⁵⁾ Народныя пѣсни Галиц. и Угорской Руси, Головацкаго, ч. III, отд. П. Послѣсловіе, 10.

бляки и Величка собрано не мало виршей, которыя такъ и называются *вѣршами*,—думой же у Велички называются вирши пѣсеннаго размѣра, предназначенныя для пѣнія. Такъ, онъ говоритъ, что епископъ львовскій, Іосифъ Шумлянскій „новій унѣять и похлѣбца людскій“, состоявшій при королѣ Собѣскомъ во время похода его на турокъ подъ Вѣну, „на досаду гетману Самойловичу зложилъ собою *думу* альбо *пѣснь* такую“. Вотъ нѣсколько стиховъ изъ этой *думы*—*пѣсни*:

«Жался, Боже, жался, Боже, на гетмана,
Самойловича Ивана!
Що заказалъ христїаномъ,
Пойти противъ бѣсурманомъ!
О тожь бачишь, о тожь бачишь, що си стало:
И безъ тебе ся надало
Королевѣ и Полякомъ,
Кавалеромъ и юнакомъ»...

и прочая, долго тоей *пѣсни* альбо *думи*“, не безъ досады прибавляетъ лѣтописецъ ¹⁾).

Въ такомъ родѣ *думы-пѣсни* нерѣдко встрѣчаются въ старинныхъ рукописяхъ XVII и особенно XVIII в. Къ этому разряду произведеній полубнижнаго, полународнаго характера можно причислить извѣстную пѣсню Мазепы, а также стихотворенія А. Марковича, Н. Ханенка, священника Неврашевича и многихъ другихъ большею частію безыменныхъ авторовъ. Нѣкоторыя изъ этихъ произведеній отличаются глубоко-народнымъ колоритомъ мысли и рѣчи, хотя и не вошли они во все-народное употребленіе.

Мы остановимся на пѣняхъ этого переходнаго типа изъ эпохи Гайдамаччины.

Вотъ предъ нами страдальческій образъ млѣвскаго ктитора Данила Кушнира, казненнаго въ м. Ольшаной за то, что при отобраніи въ м. Млѣвѣ одной изъ церквей подъ Унію онъ своимъ непосвященными руками снялъ съ жертвенника св. чашу и спряталъ ее у себя въ коморѣ, чтобы не досталась эта свя-

¹⁾ Лѣтоп. Велички, т. II, 535.

тыня уніатамъ. 29 іюня 1766 г. согнали множество людей въ обозъ regimentаря польскихъ войскъ Воронича для созерцанія этой ужаснѣйшей казни. Въ сказаніи о мученіяхъ его говорится, что преступнику сперва обвертѣли руки пенькою, осмолили смолою и зажгли, и когда обгорѣли руки, то отсѣли ему голову и вбили на коль для устрашенія упрямыхъ схизматиковъ¹⁾. Тотчасъ послѣ событія сложена была пѣсня, глубоко искренняя по тону, но съ ясными признаками авторской руки²⁾.

«Учынылы вражи ляхы у Вильшани славу
 Да отгылы Данылу Млиенському главу.
 Тило его повелыли огнемъ пспалыты,
 Главу его а до пали пль гвоздемъ прыбыты.
 Вражи сыны жыдыченкы тоди пзрадылы,
 Якъ ктытора Даныла на пали узрылы.
 А у той часъ страхъ великый людымъ завдавалы,
 Усыхъ людей до едности на впу наверталы.
 Сподывалысь на йгомена, що винъ зарытуе,
 А винъ тилькы издичы по Украини да ляхивъ дратуе.
 Заплакалы стари люде и малыи диты:
 Горе, горе намъ на свити, що нигде прожыты!»

Игумень, упоминаемый въ пѣснѣ, есть никто иной, какъ извѣстный архимандритъ Мелхисидекъ Значко-Яворскій, который завѣдывалъ православными церквами на правой сторонѣ Днѣпра по порученію переяславскаго епископа Гервасія, подвластнаго Россіи. Заступничество Мелхисидека въ Петербургѣ и Варшавѣ за православныхъ, подвластныхъ Польшѣ, только дразнило ляховъ, какъ говорится въ пѣснѣ. Да и что могъ сдѣлать Мелхисидекъ, когда могущественная Екатерина II въ вопросѣ о диссидентахъ встрѣтила со стороны польской шляхты рѣшительное противодѣйствіе? Въ 1667 году она провела въ Варшавскомъ сеймѣ актъ въ пользу диссидентовъ: въ отвѣтъ на это сформировалась въ томъ же году барская конфедерація, поставившая задачей своей вооруженное сопротивленіе вмѣша-

¹⁾ Руководство для сельскихъ пастырей. 1860 г., кн. 2.

²⁾ Пѣсня эта открыта въ рукописномъ сборникѣ П. А. Лукашевича, съ отмѣткой, что она списана съ сборника 1767 г. Киев. Старица, 1836 г., Январь.

тельству русскаго правительства во внутреннія дѣла Польши, которая, по мнѣнію конфедератовъ, не должна была дѣлать постыдныхъ уступокъ иновѣрцамъ. Противъ конфедератовъ двинуты были русскія войска,—и мы имѣемъ пѣсню виршеваго склада объ осадѣ ими г. Станиславова, защищаемаго конфедератами. По обстоятельности и документальности разсказа пѣсня эта напоминаетъ думу о берестечской битвѣ.

Приступили, говорятся въ пѣснѣ, москали къ осадѣ Станиславова во вторникъ.

«У середу рано стали си сходити
 Всѣ ляхи до купп: «що будемъ робити?»
 Единиъ мовить: «биймо!» десять: «утѣкаймо!»
 А сто каже: «всѣ до духа москалимъ поддаймо!»
 Москалѣ волають, абы виходили
 Всѣ ляхи изъ града, которіе тамъ били;
 Панъ староста Блонскій сердца добувне,
 Староста Снитинскій отъ страху влѣвне.
 Почали стрѣляти, на пляцъ виходити,
 А не единый мислитъ, якъ бы добре втекти.
 Мусѣли си бити увесь день доволѣ,
 А въ вечеръ zostали москалямъ въ неволѣ.
 Любилисте, ляхи, добре людей грабовати,
 Любите жъ въ неволѣ у насъ zostавати.
 Любилисте исти гуси, курп много,
 Днесъ сидѣть въ неволѣ, не пажте николи»¹⁾).

Въ послѣднихъ словахъ пѣсни звучитъ также язвительная нота укорины ляхамъ за насиліе и чревоугодіе, которая подробно развита въ думахъ и пѣсняхъ о Богданѣ Хмельницкомъ и сподвижникахъ его.

Наконецъ, въ 1768 году наступила кровавая расправа. известная въ исторіи подъ именемъ *уманской рѣзни*. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ этого событія сочинена была пѣсня, не успѣвшая еще отшлифоваться въ народномъ употребленіи, но за то вполне свободная отъ преувеличеній, свойственныхъ часто народной пѣснѣ. Въ этой послѣдней говорится, напри-

¹⁾ Рукописи. сборн. Кибальнич, № 77.

мѣръ, что Максимъ Желѣзнякъ „зібравъ вийська сорокъ ты-сячь“¹⁾,—тогда какъ въ виршевой пѣснѣ ватага Желѣзняка ограничена всего тысячью человекъ. Рассказывается въ ней далѣе, что послѣ нѣкотораго раздумья, куда идти, гайдамаки направились въ Умань.

«Въ Умань же мы пішли,
Тай почали штурмовати,
Тамъ багато панівъ найшли,
Та давай имъ нижки розсравляти».

Хотя слова „мы пішли“ даютъ нѣкоторое основаніе считать автора участникомъ этого похода, однако же изъ даль-нѣйшаго разказа видно, что пѣсня сложена по слуху, такъ какъ въ ней предводители отдѣльныхъ гайдамацкихъ ватагъ, дѣй-ствовавшихъ въ разныхъ мѣстахъ, сведены подъ Умань вмѣстѣ съ Желѣзнякомъ и Гонтой.

«Ой пишовъ Швачка голкою шыты,
Лихивъ, жидивъ по Умані лупаты;
А нашъ Неживый цокоче,
Ажъ Умань зубами скрыгоче.
А Курба ходичы зажурывси,
Що, головко бидна, Умань загоривси.
Та въ бандуру мицно грає,
Себе, козака, писнею розважає».

Впрочемъ, неточныя показанія пѣсни о совмѣстномъ дѣй-ствіи Швачки, Неживаго и другихъ подъ Уманью находятся во внутреннемъ согласіи съ тѣмъ несомнѣннымъ фактомъ, что въ этотъ періодъ времени отдѣльныя *ватажки* дѣйствовали по общему плану и взаимному соглашенію.

Есть еще одинъ эпизодъ въ этой пѣснѣ о какомъ-то сот-никѣ Метлицѣ, который, повидимому, готовъ былъ противодѣй-ствовать гайдамакамъ, и за это убитъ былъ Желѣзнякомъ и Швачкой. Передъ смертію Метлица говорить предводителямъ гайдамацкимъ:

¹⁾ Лисенко, Збірникъ писень. I, 23.

«Слухай, Максиме, Швачко й. Неживий,
Бодай же кнєць вашъ бувъ нудный та гиркий! ¹⁾».

На этотъ эпизодъ намекаетъ другая пѣсня, сочиненная отъ лица одного изъ предводителей, названныхъ Метлицей. Она изображаетъ этого предводителя въ неволѣ, въ оковахъ:

«Литавъ же и на стенахъ,
говорить онъ,

Якъ орелъ крылатый,
А теперъ же и въ цепяхъ,
Якъ медвидь мордатый».

Ждетъ опъ неминуемой смерти, и вспомнились ему зловѣщія слова Метлицы... Съ нѣмымъ укоромъ одинъ за другимъ встаютъ предъ нимъ образы невозвратнаго прошлаго. Мелькаетъ въ его воображеніи широкій, вольный Днѣпръ, къ которому обращается онъ съ страстною мольбою:

«Ой, ричка—Днипръ широка,
Течешъ ты въ Чорнее море...
Охъ, визьмы мене зъ собою,
Бо горе жъ тутъ, горе!»

Жалѣеть онъ, что оставилъ крутые пороги днѣпровскіе:

«Въ тыхъ крутыхъ порогахъ
Вода съ камнями воюе,
Въ тыхъ зеленыхъ дѣровахъ
Сыва зозуленька кукуе...
Охъ, кукувала вона, кукувала.
Та щыру правду мени казала,
Що тамъ було мени жыты
И щастя свое мигъ тамъ зловыты,
Не хтивъ ин знаты,
Та полетпвъ на родину...
Теперъ же мени не спийматы
Тую щасливую годину»...

¹⁾ Сказковскій, Набѣды гайдамакъ, 147—152. Киев. Стар., 1882 г., Сентябрь.

Вотъ за это бурное участіе въ судьбѣ близкихъ своихъ, рода-племени своего, и приходится дорого расплачиваться узнику. Онъ долженъ разстаться съ мечтою о счастьи, долженъ подумать о смертномъ часѣ:

«Годи мени козакуваты, говорить онъ,
 Годи птахомъ въ поли литаты,
 Пора себе въ желиза заковаты,
 Пора въ Бога прощени заробляты,
 Кола бѣ дали прощени заробыты,
 Бога молитвами вмольты,
 А тоди хоть умираты:
 Не страшно въ домовину съ покутою лягаты»¹⁾).

Эта задушевная пѣсня показываетъ намъ, на какую высоту могла подняться виршевая поэзія, проникаясь народнымъ настроеніемъ и затрогивая жизненные вопросы, волновавшіе на родную массу. Конечно, по поводу этихъ вопросовъ сочинялись вирши людьми неодинаковаго литературнаго ценза, но, за немногими исключеніями, высокій литературный цензъ находился въ обратно пропорціональномъ отношеніи къ достоинству самихъ виршей. Поэтическія краски даетъ не школьная наука сама по себѣ, въ ея отвлеченіи отъ жизни, а именно эта самая жизнь, воспроизведенная въ чарующихъ звукахъ роднаго слова, которое стоитъ въ неразрывной связи съ естественнымъ методомъ народной мысли и народнаго чувства. Только тотъ могъ написать виршу, не оскорбляющую поэтическаго чувства, кто зналъ народную жизнь не по наслышкѣ, кто чувствовалъ ея трепетаніе въ своемъ собственномъ сердцѣ. Мы думаемъ, что къ этому болѣе всего способны были грамотные люди, входившіе, такъ сказать, во вкусъ народной жизни. Это были именно тѣ самые странствующие школьники и имъ подобные просвѣтители народа, о которыхъ мы говорили выше... При всѣхъ своихъ недостаткахъ они принимали живое участіе въ тревогахъ и радостяхъ народной жизни. Сохраняя въ большей или меньшей степени нѣкоторыя культурныя привычки мысли и слова, они не теряли чувства

¹⁾ Кіевская Старина, 1882, Сентябрь

народности, которое постоянно поддерживалось живымъ общеніемъ съ народомъ. На почвѣ этого общенія они вдохновлялись иногда сюжетами исторической важности, хотя произведенія свои, написанныя на историческія темы, они предназначали, повидимому, не столько для школьнаго, сколько для всенароднаго употребленія. Думать надобно, что и составлялись эти произведенія внѣ школьной обстановки, въ тотъ періодъ личной жизни авторовъ, когда они выступали, какъ говорилося въ старину, „збройно и оружно“. Такъ объясняемъ мы сравнительную скудость въ старинныхъ школьныхъ сборникахъ виршей военно-бытоваго содержанія. Слѣды ихъ существованія можно, однако же, какъ мы видѣли, открыть иногда въ нѣкоторыхъ народныхъ пѣсняхъ. Но особенно ощутительно отраженіе виршеваго искусства на языкѣ и стилѣ народныхъ малорусскихъ думъ. Положительно можно сказать, что это искусство, взятое во всемъ его объемѣ виршей правоучительныхъ, правоописательныхъ и историческихъ, оказало рѣшительное вліяніе на выработку своеобразной поэтической формы думъ.

Откуда же эта форма?

IV.

Отраженіе пѣсенныхъ мотивовъ въ народныхъ малорусскихъ думахъ.

Мы видѣли въ предыдущихъ очеркахъ болѣе или менѣе ясное отраженіе виршевыхъ мотивовъ въ народныхъ малорусскихъ думахъ. Но прежде чѣмъ перейдемъ къ рѣшенію вопроса о происхожденіи поэтической формы думъ, считаемъ необходимымъ всмотрѣться въ техническіе приемы, которыми руководствовались творцы думъ при самомъ построеніи ихъ.

Для распознаванія этихъ приемовъ мы должны остановиться на нѣкоторыхъ думахъ, сходныхъ по содержанію съ пѣснями.

Наиболѣе удобный матеріалъ для этого сравненія представляютъ думы болѣе ранняго сложенія—изъ эпохи, предшествовавшей войнамъ Богдана Хмельницкаго.

Предъ нами—цѣлый рядъ картинъ, изображающихъ борьбу козаковъ съ татарами и турками на морѣ и на сушѣ. Собственно говоря, въ этихъ картинахъ боевыхъ сценъ мало—преобладаютъ сцены, въ которыхъ дѣйствующія лица испытываютъ на себѣ тяжелыя послѣдствія разореній и погромовъ татарскихъ или же стремятся къ освобожденію себя отъ этихъ послѣдствій. Однимъ изъ нихъ была неволя татарская, та самая неволя, которая хорошо извѣстна была всей средневѣковой Европѣ въ борьбѣ ея съ мусульманскимъ міромъ. Не наше дѣло рассказывать здѣсь объ этой неволѣ по историческимъ документамъ, касающимся южной Руси¹⁾. Довольно для насъ простой ссылки на общезвѣстный фактъ, что татары уводили въ плѣнъ цѣлыя десятки

¹⁾ См. объ этомъ Историч. пѣсни малорус. народа Антоновича и Драгоманова, т. I. 73—74.

тысячъ людей обоого пола изъ городовъ и сель южно-русскихъ. Нерѣдко и козакамъ удавалось производить такія же опустошенія въ Крыму. Такъ, въ 1675 г. знаменитый кошевой запорожскій Иванъ Сирко вторгнулся въ Крымъ съ 20 тысячами войска и захватилъ въ плѣнъ 13 тысячъ человѣкъ. Любопытно, что въ составѣ этихъ плѣнниковъ большинство (7 тысячъ) было христіанъ, которые раньше попали въ неволю татарскую. Не менѣе любопытно и то, что 3 тысячи изъ этихъ христіанскихъ плѣнниковъ не пожелали возвращаться на родину, потому что „тамъ, въ Крыму, говорили они, мѣютъ уже свои осѣдлица и господарства, и для того тамъ лутше себѣ желаютъ жыти, нежели въ Русѣ, ничего своего не имущи“¹⁾. Происходило, по видимому, этническое смѣшеніе элементовъ самыхъ разнородныхъ. Какъ извѣстно, въ данномъ случаѣ Сирко приказалъ безпощадно истребить всѣхъ тѣхъ плѣнниковъ, которые заявили желаніе возвратиться въ Крымъ. Онъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на ренегатовъ, какъ на враговъ своей родины. Когда кровавая расправа была окончена, онъ „до мертвыхъ труповъ, говоритъ лѣтописецъ, вымывилъ такія слова: „спѣте тутъ до страшного суду Господня, нежели бысте мѣли въ Криму между бесурманами размножаться на наши христіанскіи молодецкіи головы“²⁾. Вотъ на этой почвѣ глубокихъ нравственныхъ потрясеній, сопровождаемыхъ физическими страданіями, и развивалось поэтическое творчество народное, выдвигая однородныя темы, какъ въ пѣсняхъ, такъ и въ думахъ. И тамъ, и здѣсь мы видимъ предъ собою цѣлыя ряды плѣнниковъ и плѣнницъ неодинаковыхъ нравственныхъ качествъ, неодинаковой душевной силы. Но то, что въ пѣсняхъ является въ видѣ намека, въ видѣ отдѣльныхъ указаній на тѣ или другія состоянія страдающихъ людей, выступаетъ въ думахъ, какъ цѣльная картина, пропитанная, такъ сказать, влагою невысохшихъ слезъ или же поднятая на высоту для всенароднаго созерцанія козацкой славы. Послѣдній мотивъ явственно слышится въ думѣ о побѣгѣ невольниковъ то изъ тем-

¹⁾ Лѣтопись Величка, т. II. 376.

²⁾ Ibidem, 377.

ницъ, то изъ ваторги турецкой, напримѣръ, въ думѣ о Самойлѣ Бяшкѣ или же въ думѣ объ Иванѣ Богуславцѣ по варианту Котляревскаго. Но такъ какъ для этихъ думъ почти невозможно подобрать соответствующихъ параллелей въ пѣсняхъ, то мы должны изъ цѣлаго ряда невольничьихъ думъ выбрать думу, болѣе элегическаго, чѣмъ торжествующаго характера.

Остановимся на думѣ о Марусѣ Богуславкѣ.

Немало есть народныхъ пѣсенъ о плѣнницахъ, которыя помирились съ своимъ положеніемъ. Конечно, это были тѣ изъ нихъ, которыя красотой своей могли расположить къ себѣ суровыхъ похитителей своихъ. Нѣкоторыя изъ нихъ достигали въ новой средѣ выдающагося положенія. Такова, напримѣръ, была Расса или Роксолана, жена Сулеймана I, имѣвшая большое вліяніе на султана¹⁾. Для уясненія поэтическаго образа „дивкы-бранки, Маруся поповны Богуславкы“, не лишено нѣкотораго значенія то обстоятельство, что эта Роксолана по своему происхожденію тоже была поповна, только не изъ Богуслава, а изъ Рогатина. Реализмъ этого образа поддерживается и пѣсней народной, въ которой сохранилось воспоминаніе о томъ, какъ

«Турки воювали,
Билу Челидь забиралы,
И въ нашомъ попаденыи
Взялы войны три дивонькы»²⁾.

Но дѣло не въ этихъ болѣе или менѣе случайныхъ сближеніяхъ. Гораздо важнѣе тѣ пѣсни, въ которыхъ плѣнницы, подобно Марусѣ Богуславкѣ, отказываются отъ своего рода-племени. Въ одной изъ нихъ рѣчь идетъ о „дивкѣ-бранкѣ, Марианкѣ“, которую татары уводятъ въ плѣнъ. Съ дороги она пишетъ къ отцу своему письмо, въ которомъ проситъ его, чтобы онъ не тосковалъ:

«Нехай тато не сумує,
Най ми посагъ не готує...»

¹⁾ О другихъ султаншахъ изъ малороссіянокъ см. Антоновича и Драгоманова Историческія пѣсни малорус. народа, Т. I. 236—237.

²⁾ Головац. Народныя пѣсни галицкой и угорской Руси, I, 49.

Ой бо вже я плу полемъ,
 Та вже лисомъ зелененькимъ,
 Та й зъ Турчиномъ молоденькимъ,
 Чы зъ Турчиномъ, Арабыномъ,
 Чы зъ неvirнымъ Татарыномъ¹⁾.

Пѣсня эта только намекаетъ на поворотъ симпатій, вызванный неволею въ душѣ плѣнницы. Есть другая пѣсня, въ которой настроеніе это мотивируется болѣе опредѣленнымъ образомъ. Рассказывается въ ней о встрѣчѣ матери съ дочерью въ плѣну у татаръ. Въ одинъ изъ набѣговъ татаринъ захватилъ мать своей жены, не подозрѣвая того, что это была его теща. Приѣзжаетъ онъ домой и отдаетъ женѣ своей „невильныцю, ажъ до смерти робитныцю“. Заказано было ей:

«Оченьками стадо пасты,
 Рученьками вужиль присты,
 Ноженьками колысаты».

И вотъ плѣнница-мать поетъ надъ колыбелью своего внука:

«Люю, люю, Татарчатко,
 По доньци унучатко,
 Бодай стадо выздыкало,
 Бодай вужиль спощелпало,
 Бодай дыти скаменило!»

Докладываетъ объ этомъ слуга своей хозяйкѣ: прибѣжала она „боса, безъ пояса“,

«Та вдарыла по личеньку
 Свою ридну матусеньку».

Не била я тебя, говоритъ мать дочери, когда кормила тебя своею грудью.

«Маты мой ридненькая!
 Скидай зъ себе свои латы,
 Вбирай дороги шаты,
 Будешъ зъ нами пануваты».

¹⁾ Гоголец. Народныя пѣсни галиц. и угорс. Руси, I. 22.

говорить ей дочь.

«Липши вбоги моп латы,
 Нижъ дороги твои шаты:
 Волю дома бидоваты,
 Якъ въ чужыни пановаты»,

отвѣчаетъ мать.

Пѣсня забанчивается обращеніемъ дочери къ слугамъ, чтобы они отвезли мать въ родные края ¹⁾).

Глубокою стариною вѣетъ отъ этой пѣсни, хотя бы уже потому, что она встрѣчается не только въ малорусской, но въ великорусской и даже бѣлорусской редакціи ²⁾). Оставляя въ сторонѣ вопросъ о мѣстѣ первоначальнаго сложенія ея, замѣтимъ только, что неволя татарская знакома была всему русскому міру, поэтому и пѣсня о двухъ плѣнницахъ, матери и дочери, могла проникнуть въ самые отдаленные углы его. Что касается до малорусской редакціи ея, то она представляетъ особенный интересъ по своему отраженію въ думѣ о Марусѣ Богуславкѣ. Намъ рисуется эта дума ту-же плѣнницу, которая не можетъ разстаться съ обстановкой своей неволи, но глубже и шире развиваетъ драматическій мотивъ, лежащій въ основѣ пѣсни, а главное—переноситъ этотъ мотивъ съ семейной почвы на общественную.

Семь-сотъ козаковъ, говорить дума, сидятъ въ каменной темницѣ, сидятъ они уже тридцать лѣтъ, солнца праведнаго не видятъ. Приходитъ къ нимъ „дивка-бранка, Маруся попивна Богуславка“, и спрашиваетъ ихъ: отгадайте,

«Що въ нашей земли хрыстиянскій за день тепера?»

Не могутъ отгадать козаки-невольники, и говоритъ имъ „дивка-бранка, Маруся попивна Богуславка“:

«Що сегодни у нашей земли хрыстиянскій Велькодная субота,
 А завтра свитый праздыкъ роковый день Велькъ-день».

«То теби ти козакы тее зачуваны,

¹⁾ Пѣсен. I, 42—43

²⁾ Библиографію этой пѣсни см. Историч. пѣсни малорус. народа, Антоновича и Драгоманова, т. I, 286—296.

Бплымъ лыцемъ до сырой земли прыпадады,
 Дивку-бранку,
 Марусю-попивну Богуславку,
 Клялы-проклялы!»

за то, что она извѣстіемъ этимъ дала еще болѣе почувствовать имъ горечь неволи. Тогда Маруся утѣшаетъ ихъ обѣщаніемъ освободить ихъ изъ неволи,—когда „панъ турецькій“ поѣдетъ въ мечеть и отдастъ ей, Марусѣ, ключи отъ темницы. И вотъ въ самый день праздника, „въ роковой день Великъ-день“, она

«Темницу вддымае,
 Всихъ козакывъ, бидныхъ невольныкывъ, на волю выпускае
 И словами промовляе:
 «Ой, козаки, вы бидни невольныкы!
 Кажу я вамъ, добре дбайте,
 Въ города хрыстьянськыи утывайте,
 Тилькы прошу я васъ одного города Богуслава не мыняйте,
 Моему батьку я матерп знаты давайте:
 Та нехай мий батько добре дбае,
 Гуртивъ, великыхъ маекывъ нехай не збувае,
 Великыхъ скарбявъ не збырае,
 Та нехай мене, дивку-бранку, зъ неволи не выкупае,
 Бо вже я потурчылась.
 Побусурменилась
 Для роскоши турецькыи,
 Для лакомства нещасного»¹⁾...

Все сдѣлала Маруся, что могла, для своей далекой родины, возвратила ей семь-сотъ защитниковъ ея, но убѣжать съ ними не могла. Грустно сознаетъ она свое пристрастіе къ „лакомству нещасному“, и мы невольно поддаемся обаянію ея словъ, въ которыхъ слышится мольба о состраданіи къ ея немощи.

Что же представляетъ эта трогательная дума сравнительно съ пѣснями о плѣнницахъ?

Ничто иное, какъ поэтическую композицію болѣе сложную, чѣмъ пѣсни,—эти же послѣднія ничто иное, какъ матеріаль

¹⁾ Кулашъ, Записки о великой Руси, Т. I, 210.

для самой композиціи. Само собою разумѣется, что матеріалъ долженъ былъ существовать раньше композиціи, поэтому мы имѣемъ нѣкоторое основаніе предполагать, что творцы думъ пользовались готовымъ уже пѣсеннымъ матеріаломъ для своихъ произведеній.

То же нужно сказать и о думахъ, изображающихъ боевыя столкновенія козаковъ съ татарами и турками.

Излюбленный образъ пѣсенъ, сюда относящихся, это одинокая смерть козака въ степи, вдали отъ родныхъ и родины. Безъ сомнѣнія, это тоже одинъ изъ древнѣйшихъ мотивовъ народной поэзіи. Встрѣчается онъ у сербовъ и даже у грековъ, но въ редакціяхъ русскихъ онъ разработанъ, такъ сказать, топографически. примѣнительно къ степному раздолью, на которомъ происходили роковыя встрѣчи русскихъ наѣздниковъ съ татарскими и турецкими. Характерная принадлежность этого раздолья по малорусскимъ пѣснямъ—степныя могилы, на которыя любуются хищныя птицы въ ожиданіи новыхъ жертвъ боя, надъ которыми насыпаны будутъ свѣжія могилы:

«Сокль зъ орломъ та й злитається,
Сокль орла та й пытається:
Чымъ же той свить закрашається?
Чы горами, чы долинами,
Чы великымы та могылами?»¹⁾

Вслѣдъ за этой прелюдіей начинается сама пѣсня объ умирающемъ козакѣ на одной изъ этихъ могилъ. Такихъ пѣсенъ въ народной малорусской поэзіи чрезвычайное множество. Это пѣсни о *рубаныхъ козакахъ*. Обыкновенно изображаются въ нихъ предсмертныя минуты этихъ степныхъ рыцарей. Последнею заботою ихъ въ эти минуты бываетъ передача отцу и матери печальной вѣсти о смерти сына ихъ. Вѣстниками бываетъ воронъ, орелъ и соколъ, но чаще всего является вѣстникомъ добрый конь козака, который спрашиваетъ своего хозяина:

«Кому мене уручаешъ,
Кому кони покыдаешъ?»

¹⁾ Чубинскій. Труды этногр.-статистической экспедиціи, V, 243.

Чы турчыну, чы татарыну?»

«Тебе турчыны, отвѣчаетъ ему хозяипъ, не пиймае,
А татарыны не всидлае,
Бижы, коню, все лугамы,
Та все бытыи шляхамы»,

прибѣги на дворъ къ моеи матерп, будетъ она спрашивать тебя
обо мнѣ, скажи ей, что я

«женывси,
Та понявъ соби наняночку,
Въ чыстимъ поли земляночку:
Що куды витерь не вие,
А сонечко не грпе,
Безъ виконецъ, безъ дверецъ,
Тамъ спыть твий сынъ молодець»¹⁾.

Вотъ обычная схема этихъ пѣсенъ, но бывають иногда легкiя отступленiя отъ нея. На вопросъ матери о сынѣ конь отвѣчаетъ зловѣщимъ предложенiемъ посѣять песокъ на камнѣ: когда взойдетъ желтый песокъ и расцвѣтетъ зеленымъ барвинкомъ, тогда и сынъ ея воротится домой²⁾. Этотъ послѣднiй мотивъ встрѣчается иногда въ пѣсняхъ и думахъ объ отъѣздѣ козака изъ родины. Обыкновенно въ этихъ пѣсняхъ младшая сестра спрашиваетъ брата—козака, когда его въ гости ждять: онъ отвѣчаетъ загадкой о пескѣ, посѣянномъ на камнѣ³⁾, или же о млиновомъ камнѣ и павиныхъ перьяхъ: когда млиновый камень начнетъ плавать, а павиныя перья начнутъ тонуть, тогда онъ воротится домой⁴⁾. Тотъ же мотивъ широко развитъ въ думахъ объ отъѣздѣ козака изъ родины, съ тѣмъ же симпатичнымъ образомъ младшей сестры и съ тѣми же загадочными отвѣтами козака⁵⁾.

¹⁾ Чубинскiй, Труды экспедици, 94¹.

²⁾ Ibidem, 941, 942, 943, 953; Головацкiй, Народ. пѣснп галиц. и угорс. Руся I, 97—98; III, 45—46.

³⁾ Чубинс. Труды экспедици, V, 890; Загревс. Старосвѣтскiй бандуриста, 62-63.

⁴⁾ Чубинс. Труды экспедици, 881; Головац. Народ. пѣснп галиц. и угорс. Руся, ч. III, 12.

⁵⁾ Максимовичъ, Украинс. народныя пѣснп, 1834, 62. Лукашевичъ, Малорос. и червогорс. думы и пѣснп, 59. Кулишъ, Записки о южн. Руся. I. 14.

Но какъ пѣсни, такъ и названныя сейчасъ думы вращаются исключительно въ сферѣ семейныхъ отношеній. Не выходятъ изъ этой сферы и нѣкоторыя думы о смерти одного или нѣсколькихъ козаковъ въ степи (большею частію трехъ, иногда двухъ братьевъ). Есть, однакоже, одна прекрасная дума, въ которой тотъ же образъ умирающаго козака всецѣло проникнуть суровою поэзіею козацкой жизни. Мы разумѣемъ думу о Федорѣ Безродномъ. Только одинъ вариантъ этой думы (А. А. Котляревскаго) связываетъ героя ея съ отцемъ-матерью, и то въ видѣ напоминанія объ нихъ, сдѣланнаго слугою умирающаго козака:

«Ты въ мене, говоритъ онъ своему слугѣ,
Отецъ и маты ридненьки, и братья и сестрыца вирненьки»¹⁾.

Въ остальныхъ вариантахъ мы видимъ обстановку козацкой смерти строго козацкую, войсковую.

«Надъ сагою днiproвою лежать Федоръ Безродный,
Безилемный,
Постреляный,
Порубаный,
На раны смертельныя знемагающий»²⁾.

Онъ отдаетъ на память о себѣ джурѣ своему коню, оружіе и все свое имущество козацкое, но при этомъ онъ хочетъ убѣдиться, будетъ-ли джура имѣть видъ настоящаго, браваго козака. Онъ приказываетъ ему сѣсть на коня и проѣхать передъ нимъ, и когда джура исполнилъ его желаніе, тогда только онъ рѣшилъ, что счеты его съ міромъ окончены.

«Ой благодарю тебе, Госнода мылосерднаго, говоритъ онъ,
А що не ледай—бому моя худоба буде доставати!»³⁾

Затѣмъ проситъ онъ джуру посмотрѣть, не ѣдутъ-ли козаки Днiproмъ-Славутою, и даетъ ему отеческое наставленіе, какъ онъ долженъ встрѣтить козаковъ *по козацкому звичаю*:

¹⁾ См. ниже эту думу въ гл. VI.

²⁾ Метлинс. Народ. южнор. пѣсни, 440.

³⁾ Записки юго зап. отдѣла географ. общества, I, 19.

«Шлычокъ на копню пскладай,
А самъ вызько уклоний,
Напередъ Господу Богу
И батькови кошовому,
Отаману вийськовому,
И всему товариству кривному и сердешному»¹⁾.

Джура передаетъ козакамъ просьбу умирающаго товарища, чтобы они

«Тило козацьке, молодецьке въ чыстимъ поли поховалы,
Звиру-птици на погалу не подалы»²⁾.

Дальше слѣдуетъ трогательная картина козацкихъ похоронъ. Одинъ изъ вариантовъ думы заканчивается характернымъ обобщеніемъ въ козацкомъ духѣ:

«То ще добре козацька голова знала,
Що безъ вийська козацького не випрала!»³⁾

Такимъ образомъ, и въ этой думѣ мы видимъ однородные поэтическіе мотивы, разбросанные во многихъ пѣсняхъ.

Перейдемъ теперь къ думѣ, болѣе массивной по содержанію, чѣмъ двѣ разобранныя нами думы, и въ то же время однородной съ ними по архитектурному построению. Мы разумеѣмъ думу объ Ивасѣ Коновченкѣ⁴⁾.

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Максимовичъ, Украинскія народ. пѣсни, 1834, 4.

⁴⁾ Событіе, о которомъ разсказывается въ этой думѣ, М. А. Максимовичъ относитъ къ 1634 году, «когда задніпровскіе козаки ходили въ Бѣлгородщину на татаръ и разбила ихъ подъ Тягиномъ». По его предположенію, курсунскій полковникъ Филопенко былъ сыномъ Филона Чагала (Украинск. народныя пѣсни, 1834 г., 51). Но въ 1634 г., замѣчаетъ Костомаровъ, край праваго берега Днѣпра представлялъ безлюдную пустыню, между гѣмъ «обстановка жизни, представленная въ этой думѣ, скорѣе можетъ указывать на времена, предшествовавшія эпохѣ Хмельницкаго: спокойное пребываніе іудеевъ въ краѣ—это черта времени до жестокаго избіенія жидовъ при Хмельницкомъ». (Исторія козачества въ памятникахъ южнорус. пѣснотворчества, отд. оттискъ. 67). Разматривая думу въ стилистическомъ отношеніи, мы тоже готовы отнести ее скорѣе къ первой. чѣмъ ко второй половинѣ XVII в.

Нужно сказать прежде всего, что это самая живучая дума. Сохранилась она во множествѣ вариантовъ и поютъ ее даже на правой сторонѣ Днѣпра, гдѣ, вообще говоря, думы встрѣчаются рѣдко ¹⁾. По словамъ одного лирника, думу эту заставляютъ пѣть родители некоренныхъ дѣтей и „парубки“, которымъ очередь идти въ солдаты ²⁾. Сущность думы заключается въ изображеніи столкновения между матерью и сыномъ, между семейнымъ строемъ жизни и общественнымъ. Старая Коновчиха—это не та мать, о которой поется въ пѣснѣ:

«Ой мала вдова сына сокола,
Выгововала, въ вицьско оддала» ³⁾.

Только въ одномъ вариантѣ думы о Коновченкѣ она благословляетъ сына въ походъ противъ турокъ, но и то—скрѣпя сердце ⁴⁾. Въ остальныхъ вариантахъ она, какъ представительница семейнаго начала, страстно желаетъ, чтобы сынъ ея оставался при ней. Такая мать чаще всего встрѣчается въ пѣсняхъ. Нерѣдко она проклинаетъ своего сына за то, что онъ хочетъ промѣнять домашній очагъ на опасности боевой жизни ⁵⁾. То же дѣлаетъ и Коновчиха. Въ думѣ этому проклятію пред-

¹⁾ Галицкій вариантъ этой думы представляетъ уже историческую пѣсню съ обыкновеннымъ стихотворнымъ ритмомъ, который выдерживается довольно правильно сначала до конца, и для котораго иногда конецъ предыдущаго стиха повторяется въ началѣ слѣдующаго:

„Ой рано, ранесенько и коника сидлає,
И коника сидлає, и на Бога не гадає“.

Историческая дѣйствительность въ этомъ вариантѣ едва замѣтна. Вмѣсто полковника Хвилоненка является гетманъ. Событіе представлено въ идеальномъ отдаленіи. (См. Головац. Народныя пѣсни галиц. и угорск. Руси, ч. I, 9—12).

²⁾ Какъ въ народной поэзіи прилагается старое къ новому, можно видѣть изъ варианта, записаннаго въ к. подольской губерніи:

„А якъ же я буду, говорить Коновченко, *охмыцерьскою*, *лынарською*, *козацькою* славы—гаинты пошматы,

То буду я отъ *государя* чести й славы надняты“.

(„Кіевск. Стар.“ 1889 г. Сент. 676).

³⁾ Чубис. Труды экспедиціи, V, 882.

⁴⁾ Максимовичъ, Украинскія народныя пѣсни, 1834, 53.

⁵⁾ Головац. Народн. пѣсни галиц. и угорской Руси, ч. I. 100.

посланъ цѣлый рядъ подробностей, не существующихъ въ народныхъ пѣсняхъ;—именно характерный разговоръ матери съ сыномъ послѣ того, какъ этотъ послѣдній горячо откликнулся на призывъ полковника Хвилоненка въ „охотне вийсько“.—Есть у насъ хозяйство, есть у насъ чѣмъ жить, говоритъ мать сыну. Но юноша пренебрегаетъ скромной долей „хлѣбороба“; онъ боится, что будутъ козаки „на пидпытку“ его „зневажаты“,—будутъ его „полежаемъ, домотуромъ, гречкосиемъ узываты“¹⁾. Онъ проситъ свою мать, чтобы она купила ему коня. Коновчиха отказала ему въ этомъ и отправилась въ церковь, а всю козацкую зброю заперла, оставила только „шаблю булатну, та пыщаль семпйадну“. Взялъ это оружіе Ивасъ и отправился „пихотою у вохотне вийсько“. Въ воротахъ встрѣчается онъ съ матерью:

«Эй, говорить онъ, не подобало бѣ тобі козаку молодому и дороги переходыты,
Подобало-бѣ тобі въ кутку сыдныты,
Та хоть чужую дытynu малую колыхаты,
А бы-явъ зъ упокоемъ хлѣба-солы ужмыаты».

Вотъ уже послѣ этого мать разразилась проклятіемъ. Но мать—какъ мать: на третій день она одумалась:

«Руки до Бога здпймае,
Господа зъ небесъ благае:
Дай мени, Боже, си слова передъ собою маты,
А свого сына Ивася Вдовыченка хоть разъ у вичи повидаты».

Купила она коня и послала съ нарочнымъ, чтобы онъ Ивася догналъ и коня ему отдалъ. Глубоко тронутъ былъ юноша этою всепрощающею любовью матери.

«Я жъ думавъ, говорить онъ, що мене маты у доми
клене-проблынае;
Ажъ вона обо мни великое старанне мае,

¹⁾ Метлиц. Народныя вжпорус. пѣснн. 415. Въ изложеніи думы мы будемъ держаться этого варианта: онъ совмѣщаетъ въ себѣ подробности, сближающія его

Дай мени, Боже, сей походъ сходьты,
Знавъ бы я, якъ свою матюръ у доми споважаты!»

Но это дѣло далекаго будущаго, когда утихнутъ молодыя страсти. Впереди Ивасю предстоитъ доказать свою козацкую отвагу. Вызываетъ полковникъ охотниковъ „у первому рази на герци погуляты“. На этотъ вызовъ откликается Ивась:

«Ты дыти молоде, отвѣчаетъ ему полковникъ,
Розумомъ не дийшле,
У походахъ не бувало,
Крови хрыстьянской не выдало».
«Возьмы ты, отвѣчаетъ ему Ивась, утя старее,
А друге младее,
Пусты ты на воду:
Чы не равно буде плысты младе,
Якъ бы старе?»

Выѣзжаетъ Ивась на герць:

«Турокъ ишатдесять индъ мпчъ узивъ,
Девятеро живцемъ извѣзавъ,
Черель Хвылона, Корсуньского полковника, въ наметъ
прывставивъ».

Этотъ успѣхъ вскружилъ голову отважному юношѣ. Пьетъ онъ вмѣстѣ съ полковникомъ „медъ та оковыту горилку“.

«Якъ ставъ у соби нещасный хмель зачуваты,
Ставъ у другой разъ у Хвылона, Корсуньского полковника,
благословення прохаты».

Не совѣтуетъ ему полковникъ

«Хмельному на герци гуляты».

Невольно припоминается при этомъ совѣтъ матери сыну изъ пѣсни:

«Ой, ты сыну мий, ты дьтыно мол,

съ остальными. при этомъ лучшія картины. разбросанныя въ другихъ вариантахъ,
въ немъ соединены, какъ бы въ фокусѣ.

Не пий, не пий та горючкы, бо зведе зъ ума .
 «Я горючки напьюсь, отвѣчаетъ ей сынъ, и ума наберусь» .

Въ думѣ этотъ семейный мотивъ переведенъ въ бытовую обстановку козацкой жизни. Почти то же отвѣчаетъ полковнику Ивась, что и сынъ матери въ пѣснѣ.

«Сталы его туркы въ хмелю познаваты,
 Сталы по камышахъ засидаты,
 Сталы его зъ коня збываты» ,

Отправляетъ полковникъ козаковъ на выручку Ивася, но они застали его едва живымъ. Это былъ уже *рубаный* козакъ:

«Вже жъ винъ и очыла не глине,
 И рукамы не здыме,
 И ногамы не пийде,
 Тилько стыха словами промовляе:
 По малу, братци! Не вразьте моихъ смертельныхъ ранъ:
 Не булатными шаблями мене рубалы,
 Не ордынськыми стрилами зъ коня сбывалы,
 Се мене отцева молитва, та матерыни слезы побылы» .

Привезли Ивася въ таборъ козацкій. Последней просьбой его было не посылать тѣла его на родину, не сокрушать сердца матери, и безъ того горемъ убитой, но тамъ же на полѣ битвы, „по козацкы поховаты“. Слѣдуетъ затѣмъ уже извѣстная намъ картина похоронъ козацкихъ. Дума заканчивается рассказомъ о томъ, какъ старая Коновчиха встрѣтила войско козацкое, возвращавшееся изъ похода, какъ она съ боязливымъ предчувствіемъ своего горя спрашивала козаковъ о своемъ сынѣ, какъ они отвѣчали зловѣщими намеками о женитьбѣ козака на „препышной паннѣ“—степной могилѣ. Этотъ щемящій сердце образъ „препышной панны“, знакомый намъ изъ пѣсенъ о *рубаныхъ* козакахъ, поставленъ въ непосредственную связь съ пиромъ, который устроила мать погибшаго героя для его товарищей по оружію: пиръ этотъ въ одно и то же время былъ „похоронъ и веселя“ .

Ярко взошла и быстро закатилась звѣзда молодого Ивася. Во всѣ времена и у всѣхъ народовъ это былъ самый симпа-

тичный образъ громадной силы, которая въ разцвѣтѣ молодости гибнетъ безплодно для общаго блага. А все же, какъ говорить дума, „слава его не вмре, не поляже“. Это и есть задушевная мысль творца думы, который имѣетъ въ запасѣ поэтическую формулу для соединенія въ одномъ лицѣ „козацкой славы“ съ грѣхомъ Ивася, сознающаго въ предсмертную минуту, что „материни слезы его побылы“. Глубоко мотивированъ въ думѣ этотъ контрастъ психическимъ анализомъ дѣйствующихъ лицъ, которые расходятся въ своемъ настроеніи не по эгоизму личныхъ страстей, а только по роковой необходимости, вытекающей изъ разности положенія и возраста. Въ концѣ концовъ—мать Ивася не переставала любить его ни на минуту, даже и тогда, когда проклинала,—въ свою очередь Ивась умѣлъ цѣнить свою мать и отвѣчать на любовь ея любовью. Творецъ думы въ глубинѣ картины поставилъ мать, какъ живую душу семьи, а на переднемъ планѣ изобразилъ козацкое товариство „кремене и сердешне“, и всю эту толпу привелъ въ дивное согласіе высоко поднятыхъ человѣческихъ стремленій.

Сложный это процессъ творчества. И въ этой думѣ, какъ въ двухъ предыдущихъ, онъ повторяется съ правильностью строго выдержаннаго метода. Можно различать въ немъ два предшествующіе момента: поэтическое настроеніе, почерпаемое изъ пѣсенъ, и впечатлѣніе отъ событія, сходнаго съ содержаниемъ пѣсенъ. Оба эти момента сливаются въ одинъ цѣльный актъ поэческаго вдохновенія, который въ отличіе отъ амплификации пѣсеннаго матеріала мы называемъ концентраціей или же, такъ сказать, сгущеніемъ его.

Теперь вопросъ въ томъ, что преобладаетъ здѣсь—пѣсенные мотивы или же событіе, изображаемое въ думахъ?

Мы думаемъ, что во всѣхъ думахъ историческаго содержания исходной точкой творчества было событіе, но въ однихъ оно располагало къ воссозданію извѣстныхъ уже поэтическихъ образовъ, въ другихъ—нѣтъ. Если это событіе не выходило изъ ряда обыкновенныхъ явленій жизни, много разъ воспроизведенныхъ въ народныхъ пѣсняхъ, то поэтическіе мотивы этихъ послѣднихъ какъ бы сами собою напрашивались въ думу, со-

ставляя, такъ сказать, декоративную отдѣлку ея, разработанную иногда со всею тонкостью психическаго анализа, свойственнаго думамъ. Отмѣченная именемъ лица, затронутаго событіемъ или же принимавшаго въ ходѣ его личное участіе, дума снабжалась реальными подробностями козацкаго быта и являлась такимъ образомъ дальнѣйшимъ развитіемъ пѣсни. Если же событіе было совсѣмъ не заурядное или же слишкомъ извѣстное поэту, который могъ быть очевидцемъ и даже непосредственнымъ участникомъ его, то пѣсни теряли свое импонирующее значеніе. Могли быть такіе случаи, что по поводу громкаго и притомъ свѣжаго событія не успѣли еще сложиться и самыя пѣсни. Тогда творецъ думы предоставленъ былъ самому себѣ и долженъ былъ искать вдохновляющаго настроенія въ самомъ событіи. Таковы, напримѣръ, думы, изображающія эпоху Богдана Хмельницкаго: онѣ отличаются сухимъ реализмомъ, въ которомъ слышится безпощадно жесткій смѣхъ надъ побѣжденнымъ врагомъ. Нѣтъ въ нихъ почти ничего, что напоминало бы тонкій и нѣжный рисунокъ народныхъ пѣсенъ. Совсѣмъ не то представляютъ думы болѣе ранней эпохи: онѣ извлекаютъ изъ народныхъ пѣсенъ самыя задушевные лирическіе звуки,—событіе же, о которомъ идетъ рѣчь въ этихъ думахъ, представляется обыкновенно въ какомъ-то полусвѣтѣ.

Но, какъ бы рѣзко ни отличались эти два типа думъ по своему внутреннему строю, мы должны сказать, что во всѣхъ думахъ неизмѣнной остается поэтическая форма ихъ, не имѣющая ничего подобнаго въ поэзіи иныхъ славянскихъ народовъ.

Снова ставимъ вопросъ: откуда эта форма?

Намъ кажется, что происхожденіе ея до нѣкоторой степени опредѣляется психическимъ строемъ самихъ думъ, въ которомъ отчасти можно разгадать индивидуальный образъ поэтовъ, слагавшихъ думы.

Въ дополненіе къ тому, что сказали мы объ этомъ предметѣ въ первой главѣ нашего изслѣдованія. считаемъ нужнымъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній.

Строй этотъ глубоко народный. Нѣтъ въ немъ ни одной ноты, которая чужда была бы народному міровоззрѣнію, на-

роднымъ симпатіямъ и убѣжденіямъ. Главная нота въ думахъ— это идея свободы отъ насилій всякаго рода надъ личностью человѣка. Представителемъ и защитникомъ этой свободы былъ козакъ, и въ этомъ словѣ заключается основной нервъ поэтическаго настроенія, господствующаго въ думахъ. Какъ извѣстно, и послѣ паденія козачества, слово это осталось въ народныхъ пѣсняхъ въ значеніи не столько война, сколько удалаго добраго молодца и вообще любезнаго народному сердцу человѣка. Въ думахъ воспроизводится именно тотъ моментъ въ жизни козачества, когда оно не превратилось еще въ привилегированное сословіе, когда послѣдній человѣкъ изъ народной массы легко могъ сдѣлаться козакомъ, т. е. свободнымъ человѣкомъ. Только одна дума о Ганжѣ Андыберѣ изображаетъ сословную разницу въ средѣ самаго козачества, но всѣ симпатіи ея на сторонѣ большинства, презираемаго „дуками-серебряниками“, и самъ Ганжа Андыберъ есть беспощадный врагъ привилегій козацкихъ. Однимъ словомъ, думы въ этомъ отношеніи поютъ то же, что и позднѣйшая гайдамацкая пѣсня:

«Вызовь же насъ, мыйы Боже, та изъ той неволы,
Та дай ще разъ заспаты козацькон волы» ¹⁾.

Но идея свободы является въ думѣ не въ видѣ безграничныхъ пожеланій, а въ видѣ опредѣленныхъ и ясныхъ стремленій къ сословной равноправности и экономической полноправности. Это и есть чисто народная или же, точнѣе говоря, крестьянская струя, которая сообщаетъ козацкимъ представленіямъ о свободѣ демократическую окраску. Точкой соприкосновенія между крестьянскими и козацкими интересами была религія, но она уже представляетъ нѣчто болѣе сложное въ культурномъ отношеніи, чѣмъ соціально-экономическіе интересы крестьянской массы. Что касается до козацкихъ представленій о свободѣ, то они, совмѣщая въ себѣ все предыдущее, стояли уже на ступени національнаго самосознанія. Здѣсь уже ясно выдвигалась болѣе широкая идея о народѣ, который имѣетъ

¹⁾ Гловац. Народн. пѣсни галиц. и угорс. Руси. т. I, 17.

свои порядки жизни, отличающие его от других народов, и который живет на известной территории. Дума раздвигает эти предѣлы до самой Вислы:

«Эй, Лихы жъ вы, Лихы, мостывыи паны...
 Колись наши дяды надъ сею ричкою козаковалы,
 Да въ снй ричци скарбы поховалы»... ¹⁾).

Пѣсня ограничивается теченіемъ Случи:

«Ой чы бачъ, Лише, що по Случъ наше,
 По востаную могылу»... ²⁾).

Но дѣло не въ тѣхъ или другихъ границахъ, а въ проснувшейся національной потребности поставить эти границы. Это было уже дѣломъ козацкаго режима, который далъ организацію разрозненнымъ движеніямъ народной массы и съ успѣхомъ направилъ эти движенія къ опредѣленнымъ цѣлямъ. Если же въ думахъ выражается не только народное, но и національное настроеніе, то очевидно, что и творцы думъ были люди, проникнутые тѣмъ и другимъ настроеніемъ, т. е. совмѣщали въ себѣ элементы крестьянскій—простонародный и козацкій культурно-народный или же національный.

Къ тому же выводу мы должны придти, если припомнимъ данныя, указанные нами выше и относящіяся къ техникѣ поэтического выраженія въ думахъ. Не говоря уже о томъ, что творцы думъ, какъ мы видѣли, охотно черпали матеріалъ изъ обширной области народнаго пѣснотворчества въ видѣ тѣхъ или другихъ поэтическихъ образовъ и цѣлыхъ картинъ, они вносили въ свои произведенія самый методъ народно-поэтического представленія, вытекающій изъ индивидуальныхъ особенностей малорусскаго племени. Мы разумѣемъ тотъ душевный складъ, свойственный малороссіянамъ, который заключается въ лирическомъ отношеніи къ явленіямъ жизни и выражается то въ элегическомъ, то въ сатирическомъ настроеніи, то въ соединеніи одного съ другимъ. На этой почвѣ народнаго темпера-

¹⁾ Кулишъ, Зап. о Южн. Руси. I, 56.

²⁾ Лысенко, Збирникъ украинс. писень, I, 28.

мента только и могли возникнуть думы, которые самым названіем своимъ указываютъ на психическія свойства народа, среди котораго онѣ появились. Очевидно, творцы думъ выходили изъ народа или же, во всякомъ случаѣ, принадлежали ему. Но, всматриваясь пристальнѣе и глубже въ эту народную психическую ткань, лежащую въ основѣ думъ, мы должны сказать, что она въ значительной степени культивирована. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ данномъ случаѣ мы изучаемъ явленіе этнографическое, на которомъ лежатъ свѣжіе еще культурные слои. Правда, это не есть свѣжесть современной культуры, въ движеніи которой народъ не принимаетъ активнаго участія. Это — старомодная культура, но въ ней есть одно любопытное качество, которое дастъ ей право на вниманіе и уваженіе: она была создана инициативой и силами самого народа не ради пустой прихоти, а ради высокихъ интересовъ нравственныхъ, не лишенныхъ общечеловѣческаго значенія. Вотъ почему мы не видимъ разлада между рефлексивными свойствами мысли, которыми обладали творцы думъ, и народно-поэтическими образами, въ которые они облекали эту мысль. Напротивъ того, въ поэтическомъ стилѣ думъ мы смѣло можемъ отмѣтить, какъ выдающуюся особенность ихъ, полную гармонію между природой и искусствомъ. Самый языкъ думъ представляетъ удивительное приспособленіе книжныхъ стихій рѣчи къ народнымъ, книжнаго строя къ народному. Не могло все это случиться само собою, въ бессознательномъ порывѣ наивнаго творчества. Думы — не простыя пѣсни, навѣяныя мимолетными впечатлѣніями жизни, пропѣтыя для того, чтобы выразить приливъ или отливъ субъективныхъ ощущеній въ данную минуту. Думы предназначались для широкаго круга слушателей, которые искали въ нихъ серьезнаго отвѣта на вопросы жизни семейной и общественной. Знали это творцы думъ и, конечно, должны были приготовиться къ этимъ отвѣтамъ надлежащимъ образомъ, — должны были найти для своихъ мыслей болѣе или менѣе широкое основаніе въ культурной обстановкѣ своего времени, должны были согласовать эту обста-

новку съ міровозрѣніемъ народнымъ. А это уже дѣло болѣе или менѣе сознательнаго искусства... ¹⁾).

Высказанныя нами соображенія проливаютъ тусклый свѣтъ на безыменныхъ представителей этого искусства. Попытаемся подойти къ нимъ еще ближе.

¹⁾ Убѣжденіе, что дума не простая мысль, что въ ней нельзя употребить всякое заурядное слово, перешло и къ позднѣйшимъ исполнителямъ думъ. См. объ этомъ Запис. о Южной Руси, Кулиша. I. 179.

У.

Творцы и пѣвцы думъ.

Есть одна идея, въ которой, какъ въ фокусѣ, сходятся нити, соединяющія въ одно цѣлое народныя малорусскія пѣсни и думы съ полународными и чисто книжными виршами: это идея матери, и притомъ въ симпатично-печальномъ образѣ матери-вдовы. Давняя это идея въ южнорусской землѣ. Еще въ начальной лѣтописи мы видимъ эту умную, глубоко озабоченную судьбою своего сына вдову, которая говорила ему: „азъ, сыну, Бога познахъ и радуюся; аще и ты познаеши Бога, то радоватися начнеши“. Онъ же не внимаше того, глаголя: „вако азъ хоцю инъ законъ одинъ принять? А дружина моя сему смѣятися начнуть“... и не послуша матери, и творяше норовы поганьскыя, не вѣдый, аще кто матери не слушаетъ, въ бѣду впадае. Се же тому гнѣвашеся на мать. Но обаче любяше Олга сына своего Святослава, ркущи: „воля Божия да будетъ; аще Богъ въсхоцетъ помиловати роду моего и земли рускыя, да възложить имъ на сердце обратитися къ Богу, яко же и мяѣ Богъ дарова“. И се рекши, моляшеся за сына и за люди по вся дни и нощи, кормячи сына своего до мужьства его и до възъраста его“ ¹⁾).

Эти послѣднія строки неволью напоминають слова малорусской думы о матери-вдовѣ, которая сына своего

¹⁾ Лѣтопись по Шватс. списку, 41.

«Изъ малыхъ лять годовала, лепяла,
 До зросту въ наймы не пускала,
 Пры старости лять славы да намбаты прожыты сподывала» ¹⁾.

Не исполнились желанія матери-козачки, какъ не исполнились и желанія княгини Ольги. Конечно, причины размолвки обѣихъ матерей съ сыновьями и тамъ и здѣсь были инныя, но и лѣтописной матери-княгинѣ не чуждо было простое желаніе материнскаго сердца видѣть сына дома въ печальную пору безпомощной старости: «И рече ему (Святославу) мати: „видиши ли мя болну сущю, камо хоцещи (идти) отъ мене?“ Бѣ бо разболѣлася уже. Рече же ему: „погребѣ мя, иди амо же хоцещи“ ²⁾.

Всѣ эти сопоставленія мы дѣлаемъ вовсе не для того, чтобы протянуть непрерывную линію между формами жизни княжеской и козацкой Руси. Извѣстно, что въ быту простыхъ людей того отдаленнаго времени, когда жила княгиня Ольга, родители имѣли большую власть надъ дѣтьми. Почти то же мы видимъ и позже—въ козацкій періодъ южнорусской исторіи. Такъ, въ XVI вѣкѣ, говоритъ одинъ почтенный изслѣдователь южнорусской старины, „родители могли закладывать своихъ дѣтей съ правомъ перезалога для кредитора; эта власть принадлежала не только отцу и обоимъ родителямъ вмѣстѣ, но и матери-вдовѣ въ отношеніи къ дочерямъ“ ³⁾. Что же могло вызвать апотеозу матери въ думахъ, совпадающую съ настроеніемъ всѣхъ слоевъ малорусскаго народа—книжныхъ и некнижныхъ?

Намъ кажется, что въ XVI в. положеніе матери-вдовы сдѣлалось сравнительно болѣе тигостнымъ, чѣмъ было оно прежде. И по обычному праву власть ея не распространилась на взрослыхъ сыновей, теперь же, когда явилась для всѣхъ полная возможность поступать въ „охотне вийсько“, власть эта еще болѣе сѣзилась. То было время, когда для борьбы внут-

¹⁾ Лукашевичъ, Малорус. в червопоруц. думы и пѣсни. 36.

²⁾ Лѣтопись по Ипатьев. списку. 44.

³⁾ Будаповъ, „Чарты семейнаго права запад. Россіи въ половинѣ XVI в.“ (Чтенія въ исторіи общества Нестора лѣтописца, кн. 4, 77).

ренней и вѣшной многіе отказывались отъ всякихъ семейныхъ узъ, какъ это мы видимъ въ Запорожьѣ,—время, когда „зѣ день годины“, какъ говоритъ дума, „счыналыся велики войны на Вкраини“. Много было тогда злополучныхъ женъ, которыя потеряли мужей своихъ въ этихъ войнахъ,—злополучныхъ вдовъ-матерей, которыя не могли удержать взрослыхъ сыновей своихъ отъ страстнаго желанія „съ козаками погуляты, щобъ отцевскои славы не втерять“. И вотъ, въ виду беззащитнаго положенія матери-вдовы, творцы думъ поднимаютъ свой голосъ для возстановленія нравственныхъ правъ ея на вниманіе къ ней со стороны дѣтей ея. Во имя христіанской правды они напоминаютъ имъ о всемогуществѣ материнской молитвы, материнскихъ слезъ, и на разные лады повторяютъ слова лѣтописца: „аще кто матери не слушаетъ, въ бѣду впадае“. Мотивъ этотъ, очевидно, чисто христіанскій, и такъ какъ онъ съ особенною настойчивостью развитъ въ древнѣйшихъ, такъ называемыхъ, невольницкихъ думахъ, то мы не можемъ отказаться отъ мысли, что первые творцы думъ принадлежали къ сословію каліевъ убогихъ, искреннихъ проводниковъ въ народныя массы гуманныхъ идей христіанства. Сохраняя основныя черты своего типа, эти каліики убогіе съ теченіемъ времени, въ XVII и XVIII вв., значительно измѣнялись подъ вліяніемъ новыхъ условій жизни, такъ что въ ближайшее къ намъ время они дошли до простыхъ исполнителей пародныхъ думъ. Можно думать, однакоже, что въ старину между ними были и выдающіеся люди, одаренные творческими силами.

Высказывая это положеніе, мы повторяемъ, повидимому, общезвѣстную истину. Но именно то, что кажется общезвѣстнымъ, нерѣдко требуетъ всякаго рода объясненій, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о произведеніяхъ народнаго творчества, составленныхъ безъименными авторами. Здѣсь прежде всего является вопросъ, какъ могла возникнуть стихотворная форма думъ въ средѣ каліевъ убогихъ, которыхъ въ Малороссіи называютъ обыкновенно *старіямы* или *дидамы*?

Обратимся къ спеціальному репертуару всей этой „нищей братіи“, которая и доннынѣ распѣваетъ свои *псалмы* на сборищахъ народныхъ.

Въ *псалмахъ* этихъ съ ясно обозначенною книжною стихіей рѣчи мы встрѣчаемъ прежде всего глагольную рифму. Вотъ нѣсколько образцовъ изъ самой популярной *псалмы* объ убогомъ Лазарѣ:

«Де ся мени трафить смерть, то *откуплюся*,
А не откуплюся, то *одобйуся*,
До царства небесного самъ *доберуся*,
Господевн найвышому не *помолюся*,
А всмѣ святымъ его не *покорюся*» ¹⁾.

Или:

«Чы не мигъ бы ты мени то *вчиныты*,
Же я тебе буду вирне *просыты*,
Свий мызельный палець въ море *вмочыты*,
Мои смажуци уста та *захолдыты*,
Той некельный вогонь *примасыты*,
Мой спаленый языкъ *закропыты*» ²⁾.

Или:

«Нехай бы я промежъ нымы хоть *пропроковавъ*,
Отъ Господа Бога пророчество *извещавъ*,
Уже бъ я свое серебро, злото на церквы *дававъ*,
Еже празникъ и педили молебни *наймавъ*,
Тебе, брате Лазаре, всегда *помынавъ*,
И ныщихъ, убогихъ добромъ *надилывъ*,
Души своий царства вже бъ я *вготовавъ*» ³⁾.

Благодаря рѣшительному преобладанію глагольной рифмы, на первый планъ выдвигается въ *псалмахъ* цѣлое предложеніе или же самостоятельная часть слитнаго предложенія, какъ логическая основа стиха, которая не всегда можетъ совпадать съ одинаковымъ количествомъ слоговъ въ стихахъ. Отсюда не-

¹⁾ Головац. Народ. пѣсни галиц. и угорской Руси, ч. III, 264.

²⁾ Ibidem, 266.

³⁾ Ibidem, 270.

избѣжное послѣдствіе—неравенство стиховъ, что и находимъ мы во многихъ псалмахъ. Отсюда же и другое послѣдствіе—речитативный оттѣнокъ въ исполненіи псалмъ. Особенно рѣзко выступаютъ всѣ эти особенности стихотворнаго размѣра въ „просьбуванняхъ“, или же, такъ называемыхъ, „жебранкахъ“. Приведемъ одну изъ нихъ для примѣра:

«Сынъ единый,
Исусъ Хрыстосъ правдивый!
Зошли, Господы, Ангела-хранителя у сей домъ
благочестивый!

Прошу тебе, отець-маты,
Нызьнымъ уклономъ,
Покирнымъ словомъ,
Даруй мени единую рубашечку, або убраннычко,
На гршнее мое тило прыкрываннычко,
Прыкройте жъ, отець-маты,
Мое гршнее тило,
Щобъ одъ буйного витру воно не марнило,
И одъ праведного сонечка не вгоряло,
Одъ морозу не вымерзало,
Одъ дощу не вымокало,
То такъ и васъ прыкрые Митиръ Божия честнымъ
своимъ омофоромъ¹⁾»).

Мы имѣемъ предъ собою ту же конструкцію стиховъ, что и въ думахъ. Очевидно, что возникла она на почвѣ псалмъ виршеваго происхожденія, но проведена со всею послѣдовательностью въ думахъ, которыя дальше стояли отъ книжныхъ вліяній, чѣмъ псалмы.

Далѣе слѣдуютъ вопросы: давняя ли это конструкція? Не создана ли она позднѣйшими исполнителями думъ?

Въ послѣднія 20—30 лѣтъ въ этнографическихъ изданіяхъ не мало появилось всякаго рода сообщеній о пѣвцахъ, отъ которыхъ записаны были думы. Много симпатичнаго заключаетъ

¹⁾ Записана нами въ Кобеляц. у. полт. губ.

въ себѣ этотъ вымирающій уже типъ слѣпца-рапсода. Смотритъ онъ на свое ремесло, какъ на дѣло богоугодное, завѣщанное ему самимъ Иисусомъ Христомъ, который по вознесеніи своемъ предназначилъ для проповѣди своего ученія не однихъ Апостоловъ, но также хромыхъ и слѣпыхъ ¹⁾. Глубоко вѣритъ онъ въ дѣйствительность всего того, о чемъ поетъ въ своихъ псалмахъ и думахъ ²⁾. Самъ онъ бываетъ сильно растроганъ содержаніемъ думъ, прерывая иногда исполненіе ихъ всякаго рода замѣчаніями и поясненіями ³⁾. „Боже, твоя воля, хто его по-выгадувавъ, що не можна выдумать бы такъ никому въ свити!“ говорилъ одинъ изъ нихъ во время исполненія думы о бѣгствѣ трехъ братьевъ изъ Азова ⁴⁾. Въ этомъ наивномъ замѣчаніи пѣвецъ выразилъ не одно удивленіе свое къ невѣдомымъ ему творцамъ думъ, но и сознаніе полного безсилія своего выдумать что-нибудь похожее на думы. И дѣйствительно, въ текстѣ думъ мы не видимъ слѣдовъ творчества, современнаго самимъ записамъ, зато въ большемъ изобиліи встрѣчаемъ слѣды искаженія и забвенія стариннаго текста. Сами пѣвцы иногда съ огорченіемъ сознаютъ, что многое забыли они, пересказывая думу „черезъ десяти въ двадцати слово“ ⁵⁾ или же, какъ говорилъ одинъ изъ нихъ: „стыхъ зъ одними, да зъ другим, да й извяжешъ такъ“ ⁶⁾. „Мали старци настали“ ⁷⁾, говорятъ они, а когда-то, по словамъ ихъ, живали „старечи короли“ ⁸⁾, или же „старечи цехмыстри“, которые заводили у себя цѣлыя школы учениковъ-пѣвцевъ, собиравшихъ для своихъ учителей по городамъ и селамъ милостыню ⁹⁾. Собственно говоря, въ разныхъ концахъ Молороссіи и теперь существуютъ эти школы,

¹⁾ Кіевская Старина, 1889 г., Сентябрь, 663, 672.

²⁾ Записки о Юж. Руси, Кулиша, I, 45.

³⁾ Записки о Юж. Руси, Кулиша, I, 15—42.

⁴⁾ Ibidem, 3°.

⁵⁾ Кіевс. Старина, 1882 г., Док., 24.

⁶⁾ Историч. пѣсни Антон. и Драгом, I, 332

⁷⁾ Записки о Юж. Руси, Кулиша, I, 13.

⁸⁾ Ibidem, 2.

⁹⁾ Кіевскій Телеграфъ, 1873 г., № 59.

или, лучше сказать, учителя, имѣющіе двухъ-трехъ учениковъ, но въ репертуарѣ современныхъ „старцевъ“ очень рѣдко попадаются думы ¹⁾. Какъ извѣстно, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе забывается эта поэтическая старина, поэтому напрасно стали бы мы искать въ пѣвцахъ думъ, отъ которыхъ онѣ записаны, создателей вольнаго стихотворнаго размѣра, состоящаго въ неразрывной связи съ внутреннимъ строемъ думъ, въ чемъ собственно и заключается поэтическая форма ихъ. Надобно полагать, что и въ XVIII вѣкѣ пѣвцы думъ не обладали уже самодѣятельною творческою силой, изъ которой возникла эта форма, ибо ни одно событіе XVIII вѣка не воспѣто въ думахъ ²⁾. Такимъ образомъ мы должны отодвинуть появленіе этой формы къ болѣе давнему времени. Съ приблизительною точностью оно опредѣляется хронологическою линіею событій, выше которой не поднимаются думы. Мы разумѣемъ событія XVII и XVI вв. Но, въ виду того, что думы сливаются съ пѣснями, изображающими черты народнаго быта, возникшія раньше XVI вѣка, линія эта незамѣтно теряется въ туманѣ предшествующихъ вѣковъ и совершенно уходитъ изъ нашихъ глазъ. Проникнуть далѣе, за предѣлы XVI вѣка, можно только съ помощью гипотезы. Но мы предпочитаемъ стоять на почвѣ фактовъ, доступныхъ нашему зрѣнію, поэтому, въ заключеніе нашего изслѣдованія, считаемъ необходимымъ высказать нѣсколько соображеній о той обстановкѣ, въ которой могли появиться творцы думъ, а равно о перемѣнахъ въ этой обстановкѣ, которыя неизбѣжно должны были отразиться на самихъ думахъ.

Мы должны поставить на видъ прежде всего то обстоятельство, что въ старину, какъ на югѣ, такъ и на сѣверѣ Россіи, нищая братія стояла подъ непосредственнымъ покровомъ церкви, которая давала ей организованную помощь въ видѣ

¹⁾ См. объ этомъ интересную статью В. Боржковскаго подъ заглавіемъ „Лирники“ въ Киевс. Старинѣ, 1889 г., Сентябрь.

²⁾ Изъ первыхъ годовъ XVIII в. мы имѣемъ полу-пѣсню, полу-думу о популярнѣйшемъ героѣ старинной Малороссіи Семенѣ Палѣѣ. (См. у Максимовича въ изд. пѣсенъ народныхъ 1849 г.). Въ самомъ смѣненіи двухъ разныхъ стилей выразилось паденіе творчества думъ.

страннопріимныхъ домовъ, больницъ и всякаго рода пріютовъ¹⁾. Понятно поэтому громадное значеніе нищей братіи въ формировкѣ народно-поэтическихъ представленій о жизни въ направленіи христіанскомъ. Серединное положеніе ея между церковью и народомъ давало ей полную возможность вносить въ міровоззрѣніе народа широкія основы христіанской мысли, не отрываясь при этомъ отъ родныхъ мотивовъ поэтической старины, которая опиралась на языческія преданія. Отсюда произошло такъ называемое двоевѣріе, и донныпѣ сохранившееся въ народной поэзіи, но уже съ преобладаніемъ христіанскаго настроенія—особенно въ пониманіи нравственныхъ задачъ жизни. Положительно можно сказать, что въ лицѣ нищей братіи церковь нашла самыхъ усердныхъ миссіонеровъ христіанства, которые съ теченіемъ вѣковъ подорвали въ народной жизни роль старинныхъ скомороховъ и другихъ представителей языческаго веселья.

Но это времена давнія.

Обращаясь къ эпохѣ пробужденія умственной жизни въ южной Руси, т. е. къ XVI вѣку южнорусской исторіи, мы встрѣчаемъ въ положеніи нищей братіи нѣчто новое. Она тоже стоитъ подъ защитою церкви, но эта церковь въ католическомъ государствѣ не пользуется покровительствомъ властей. Напротивъ того, со временъ брестской уніи она составляетъ предметъ систематическаго преслѣдованія со стороны государства. Самъ народъ долженъ былъ защищать церковь и въ ней искать опорной точки для борьбы съ врагами. Появились братства, которыя внесли въ организацію церковной жизни сознаніе народныхъ нуждъ и интересовъ. Въ числѣ этихъ интересовъ выдающееся положеніе заняла филантропія—главнымъ образомъ въ видѣ устройства „шпиталей“ для нищей братіи. Это были не больницы, но богадѣльни, въ которыхъ жили увѣчные старики, преимущественно слѣпые. Пользуясь пособіями отъ прихожанъ той церкви, при которой были шпитали, они промыш-

¹⁾ См. объ этомъ обстоятельную статью Ефименка: „Шпитали въ Малоросіи“. (Кіевс. Старина, 1883 г., Апрель).

ляли и на сторонѣ посредствомъ испрошенія подаваній. Каждый шпиталь входилъ въ составъ „старечого“ братства или цеха, слагавшагося изъ нѣсколькихъ шпиталей одного и того же города или деревни. Цехъ имѣлъ свое имущество, свои права и обязанности—главнымъ образомъ по отношенію къ церкви. Почти не было церкви безъ шпиталя. Въ первой половинѣ прошлаго вѣка въ трехъ полкахъ лѣвобережной Украины было 589 шпиталей ¹⁾. Мы не имѣемъ статистическихъ свѣдѣній о количествѣ шпиталей въ болѣе раннее время, но упоминанія о шпиталяхъ встрѣчаются очень часто, начиная съ XVI вѣка, и, что въ особенности замѣчательно, въ самомъ началѣ XVII вѣка появляются шпитали военныя—въ 1601 году въ Трехтемировѣ, а въ 1629 г. въ Кіевѣ „для людей рыцерскихъ, отъ непріятелей въ разныхъ битвахъ покалѣченныхъ“ ²⁾.

Теперь обратимъ вниманіе на обстоятельство чрезвычайной важности, именно на то, что одна и та же церковь простирала свои заботы и попеченія о шпиталяхъ и о школахъ. Оба эти учрежденія отъ нея получали свою нравственную и матеріальную поддержку и, конечно, состояли между собою въ постоянномъ и живомъ общеніи. Намъ уже извѣстны обитатели школъ съ ихъ „ораціями“ на разные случаи, съ ихъ „кунштами“ и „виршами“, „шпаргалами“ и „партесами“. Исполняли они при церкви, какъ и шпитальные „старцы“, низшія обязанности. Отъ нихъ-то и получали „старцы“ произведенія школьной мудрости, которыя и разносили въ народѣ. Усваивая эти произведенія, многое они измѣняли въ духѣ народномъ, ибо обязаны были примѣняться къ народному пониманію, къ народному складу рѣчи. Но странствующіе школьники требовались не въ однихъ школахъ. На нихъ былъ спросъ и въ войскѣ, гдѣ нужны были люди грамотные для войсковыхъ капцелирій. Не разъ случалось, что они мѣняли перо на саблю, участвуя въ разныхъ баталіяхъ. Они были свидѣтелями народныхъ движеній и нерѣдко

¹⁾ Основа, 1862 г., Ст. А. М. Лазаревскаго: „Статистическія свѣдѣнія объ украинскихъ народныхъ школахъ и госпиталяхъ въ XVIII в.“

²⁾ Кіевская Старица, 1883 г., Апрель, 715—716.

играли въ этихъ движеніяхъ не послѣднюю роль. Впечатлѣнія свои они выражали тоже въ виршахъ, которыя проникали въ школы и шпитали. Здѣсь эти вирши перерабатывались тѣми же „старцами“ для народнаго обихода. Такимъ образомъ, въ школахъ и шпиталяхъ старинной Малороссіи сосредоточивалась та полународная, полувнижная среда, которая объединяла умственные интересы духовенства, козаковъ и посполитаго люда. Вотъ изъ этой именно среды и могли выходить творцы думъ. Знали они изъ народныхъ пѣсенъ о безыменныхъ герояхъ, погибшихъ въ борьбѣ съ татарами и турками, а между тѣмъ жизнь выдвигала новыхъ героевъ, о которыхъ гласила народная молва. Нужно было прославить этихъ героевъ, поэтому „старцы“ создаютъ въ честь ихъ пѣснопѣнія особеннаго рода, въ которыхъ изъ старинныхъ обрядныхъ величаній, подновленныхъ школьными бантами, берутъ элементъ славленія, а изъ народныхъ пѣсенъ яркіе и излюбленные народомъ поэтическіе образы. Знали также „старцы“, чего стоила народу эта безконечная борьба его съ невѣрными, какія опустошенія производила она въ мирной жизни земледѣльца, поэтому они пользуются нравоучительно-религіозною философіей псалмъ для того, чтобы внести примиряющее начало въ сознаніе своихъ слушателей. Много утѣшенія проливали они въ душу осиротѣлой матери, потерявшей сына своего въ борьбѣ съ врагами, много добрыхъ чувствъ пробуждали они въ народной толпѣ напоминаніемъ о плѣнныхъ герояхъ, которые съ нетерпѣніемъ ожидаютъ выкупа изъ неволи.

Такъ сама собою, подъ неотразимымъ впечатлѣніемъ бытовыхъ условій жизни, явилась поэтическая форма думъ, какъ плодъ взаимодѣйствія вліяній школьныхъ и народныхъ.

Когда началось это взаимодѣйствіе?

Къ сожалѣнію, мы не можемъ отвѣчать на этотъ вопросъ съ документальной точностью. Знаемъ только, что въ XVI вѣкѣ, предъ самымъ началомъ широкой просвѣтительной дѣятельности, съ которою выступили южнорусскіи центральныя братства львовское и кievское, существовали уже въ наличности всѣ элементы, изъ которыхъ слагалось умственное общеніе между школой и народомъ. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно любопытно замѣчаніе Василія

Загоровскаго, каштеляна брацлавскаго, написанное имъ въ турецкой неволѣ, гдѣ онъ и умеръ въ 1580 г. Онъ проситъ, чтобы къ дѣтямъ его, двумъ сыновьямъ, когда исполнится имъ по семи лѣтъ, пригласили „дьяка добре учоного“, который долженъ научить ихъ „русское науки въ писме святомъ.... въ своемъ языку рускомъ“. Въ другомъ мѣстѣ завѣщанія онъ назначаетъ дьяку ббльшее денежное вознагражденіе, чѣмъ дякону и даже священнику, „абы въ той белой избе противъ шпиталное чорное избы мешкаючи, дѣти, которые на науку будутъ ему давати, вдячне училъ“, а также, чтобы „книги, якихъ церковь пилне потребуеть, зъ добраго зводу уставичне писалъ“. Тутъ есть все: и дьякъ, списывающій книги и обучающій дѣтей въ школѣ, и два шпитала, которые по завѣщанію должны быть устроены при церквахъ—одинъ во Владимірѣ, другой въ Суходолахъ, каждый „для 12 особъ убогихъ а здоровья неспособнаго людей“. Есть даже бакаляръ статечный, котораго завѣщатель желаетъ пригласить въ домъ свой для обученія дѣтей его „науки латинского писма“¹⁾. Мы не имѣемъ только псалмъ и виршей, которыя тогда уже могли появиться въ школьномъ употребленіи, за то имѣемъ такія оригинальныя произведенія второй половины XVI вѣка, какъ переводы книгъ св. Писанія на народный языкъ, свидѣтельствующіе о стремленіи книжныхъ людей приблизить „русскую науку въ писме святомъ“ къ народному пониманію. Поэтому мы не видимъ достаточныхъ основаній ограничивать началомъ XVII вѣка школьныя вліянія на народную мысль, слѣдовательно, и на поэтическое народное творчество. Но, конечно, вполне окрѣпли эти вліянія въ XVII вѣкѣ, когда въ большемъ изобиліи появился въ школахъ извѣстный уже намъ литературный матеріалъ. По мѣрѣ накопленія этого матеріала, крѣпче стягивался узелъ, соединявшій народное иѣснотворчество съ книжными вліяніями, завязанъ же былъ этотъ узелъ, безъ сомнѣнія, раньше XVII вѣка.

Полагать надобно, что въ средѣ тѣхъ же „старцевъ“, и тоже не позже XVI вѣка, установилась и заунывная мелодія

¹⁾ Архивъ Югозапад. Россіи, т. I, ч. 1, № 16.

думъ ¹⁾. Въ старину, какъ и въ позднѣйшее время, когда записывались думы, пѣвецъ вносилъ въ эту мелодію особенную выразительность посредствомъ речитативныхъ вставокъ и музыкальной декламации, которая сопровождалась подыгриваньемъ на кобзѣ или на бандурѣ. Оба эти инструмента теперь уже вышли изъ употребленія, но въ прежнее время они составляли обычную принадлежность козацкаго быта. Особенно это нужно сказать о кобзѣ—инструментѣ болѣе простомъ и популярномъ, чѣмъ бандура ²⁾.

¹⁾ Не отрицая вліянія Востока на эту мелодію, г. Фаминцынъ допускаетъ возможность заимствованія ея у сербскихъ пѣвцевъ, которые, по свидѣтельству польскихъ писателей XVII в., доходили въ концѣ XVI и въ началѣ XVII в. до Польши и Малороссіи (Домра и сродные ей музыкальные инструмента, 152). Справедливо замѣчаетъ объ этомъ мѣтивъ рецензентъ сочиненія Фаминцына: „дума, говоритъ онъ, создавалась подъ такимъ напльвомъ чисто народнаго возбужденія, что трудно принять здѣсь воздѣйствіе какихъ-нибудь вѣдшихъ, случайныхъ вліяній, что нужно искать происхожденія этой музыки въ самыхъ бытовыхъ условіяхъ—въ культурномъ вліяніи черноморскихъ Турковъ“. (Вѣстникъ Европы, 1891, Августъ).

²⁾ *Кобза*—венгер. *Koboz*, турец. *qorûz* (Miklosich, Die Freund. Wörter in den Slav. Sprachen, 1867 г.) музыкальный инструментъ, сдѣланный изъ дереневаго дерева, о трехъ струнахъ. Это любимый инструментъ украинской молодежи; перешелъ онъ къ козакамъ отъ татарскихъ народовъ (Encyklopedia powszechna, Orgelbranda, 1860 г. т. XIV, 954). „Названіе *кобза*, говоритъ г. Фаминцынъ, можетъ быть прослѣжено въ старинныхъ памятникахъ славянскихъ и неславянскихъ до 1250 г. Извѣстно оно было Половцамъ, которые принесли, какъ названіе, такъ и инструментъ изъ азіатской своей родины“. (Домра и сродные ей инструмента рус. народа, 91).

Бандура—италианс. *bandóru* и *mandola*, испанс. *bandurria* и *bandóla*, португальск. *bandurra*, француз. *bandore* и *mandole* отъ *bandura*, *bandurium*, гречес. *κινδοβρα* (Diez, Etymolog. Wörterbuch der romanisch. Spr., 1870 г., I, 302; болѣе подробную этимологию слова см. у А. Н. Веселовскаго: „Разысканія въ области рус. духовнаго стиха, Прилож. къ XIV т. Записокъ Академіи наукъ, № 1. 159—161)—музыкальный инструментъ въ родѣ люти со струнами изъ желтой яшды, съ короткой шейкой или грифомъ, иѣкогда былъ въ большомъ употребленіи у козаковъ на Украинѣ, откуда перешелъ къ Польшу и въ Русь (въ Галицію). (См. Encyklopedia powszechna, Orgelbranda, 1860 г., т. II, 798—799). Въ послѣднее время высказано было иное мнѣніе о происхожденіи малорусской бандуры: г. Фаминцынъ ведетъ ея исторію изъ Англіи, гдѣ она изобрѣтена была въ четвертомъ году царствованія королевы Елисаветы, т. е. въ 1561 году, оттуда распространилась она по всей Европѣ и чрезъ Польшу въ концѣ XVI в. проникла въ Малую Русь, гдѣ и сдѣлалась національнымъ инструментомъ, вытѣснивъ изъ употребленія лобу и получивъ

Съ кобзою въ рукахъ козакъ шелъ на любовное свиданіе:

«Не боишься козаченько ни грому, ни тучи,
Хорошенько въ кобзу грае, до дивчины йдучы»¹⁾.

Пѣніемъ и игрой на кобзѣ онъ выражалъ буйный разгулъ молодости:

«Ой далеко чуты козака Ворна, що иде съ кобзыною,
На кобзоньци грае, ще краще свиває,
Та жъ бо его ненька, та его старенька
Изъ жалю омливае»²⁾.

О бандурѣ мы рѣдко встрѣчаемъ упоминанія въ бытовыхъ малорусскихъ пѣсняхъ. Какъ инструментъ болѣе сложный, онъ требовалъ, повидимому, болѣе опытныхъ и искусныхъ рукъ, хотя и бандура употреблялась не для однихъ пѣсенъ общественнаго содержанія³⁾. Въ виршахъ и думахъ есть упоминанія о бандурѣ. Сюда относится извѣстная уже намъ вирша, подписываемая подъ изображеніемъ запорожца, играющаго на бандурѣ, и дума о смерти козака-бандуриста, который называлъ свою бандуру *подорожною*. Есть указанія въ думахъ, что въ самыя трудныя минуты жизни козакъ не разлучался съ своею бандурою. Такъ, въ думѣ о Семелѣ Палѣѣ говорится, что и въ Сл-

отъ нея названіе (Домра и сродные ей музыкальные инструменты рус. народа, 111—123). Но если названіе этого инструмента находится въ очевидной этимологической связи съ инструментомъ балканскихъ славянъ *randura*, а этотъ послѣдній, по мнѣнію г. Фаминцина, могъ быть заимствованъ славянами чрезъ посредство Византіи изъ арабско-персидскаго Востока, то не могла ли этимъ путемъ появиться бандура и въ Южной Руси гораздо ранѣе XVI вѣка, — тѣмъ болѣе, что самъ г. Фаминцинъ для подтвержденія своего мнѣнія о роли Византіи въ передачѣ этого инструмента славянамъ ссылается на одну изъ фресокъ Кіево-Софійскаго собора, изображающую музыканта съ пятиструннымъ инструментомъ, похожимъ на бандуру? (*Ibidem*, 41).

¹⁾ Головац. Народныя пѣсни галиц. и угорс. Руси. I, 252.

²⁾ *Ibidem*, 272. Чубинс., Труды экспедиціи, V, 110. Папроцкій, польскій писатель конца XVI в., говоритъ: „Козаки съ большой радостью показывали невообразимыя штуки, стрѣляли, пѣли и на кобзахъ играли“. (Encyklop. powszechna Orgelbranda, 1860 г., т. XIV, 254).

³⁾ Козаковъ, которые играли на бандурѣ, танцевали и пѣли, называли бандуристами. При Станиславѣ Августѣ вошло въ моду не только на Украинѣ и на

бири искалъ онъ въ пѣніи и въ игрѣ на бандурѣ душевнаго успокоенія:

«Прійшовъ нанъ Палий додому та й сивъ у намити,
 На бандурци выгравае: «Лыхо жыты въ свити!
 Той, душу заклавшы, свыту, бачъ, гаптуе,
 А той по Сибяру мовъ у лузи дубуе!»¹⁾

Всѣ эти данныя не позволяютъ сомнѣваться въ томъ, что не одни „старци“ играли въ старину на кобзѣ и на бандурѣ, хотя отсюда вовсе не слѣдуетъ, что они не принимали участія въ созданіи народныхъ малорусскихъ думъ. Говоримъ это въ виду мнѣнія, давно высказаннаго, что „воинскія думы сложены самими дѣйствующими лицами кровавыхъ трагедій старины, а не безоружными слѣпцами“²⁾. Дѣйствительно, по мѣрѣ успѣховъ козацкаго оружія въ борьбѣ съ поляками въ эпоху Богдана Хмельницкаго, думы становятся ближе къ текущей дѣйствительности, которая отражается въ нихъ со всѣми подробностями бытовой и воинской обстановки. Въ то же время онѣ стоятъ вполне независимо отъ вліянія лирическихъ пѣсень соотвѣтствующаго содержанія, чего нельзя сказать о думахъ болѣе ранней эпохи. По всему видно, что творцы думъ сами были непосредственными свидѣтелями событій. Мы думаемъ, однако же, что типическія особенности думъ не могли выработаться и установиться на полѣ битвы, вдали отъ культурныхъ вліяній школы, поэтому инициатива въ созданіи думъ всегда принадлежала „старцамъ“, изъ среды которыхъ съ теченіемъ времени выдѣлился особый типъ войсковыхъ кобзарей или бандуристовъ. Ютились эти бандуристы въ козацкихъ отрядахъ и знали о происшествіяхъ своего времени не по наслышкѣ. Это

Волини, но и въ самой Варшавѣ, держалъ исправныхъ и разряженныхъ козаковъ-бандуристовъ для угощя гостей посредствомъ пѣнія и танцевъ. Впрочемъ, однообразіе того и другаго не всѣмъ приходилось по вкусу. (Encyklop. powszechna Orgelbranda, 1860 г., т. II, 799).

¹⁾ Максимовичъ, Украинск. народн. пѣсни, 1849 г.

²⁾ Записки о Южной Руси, Куляша, I, 193. Это давнее мнѣніе недавно было высказано и г. Фамининымъ, который, впрочемъ, не приводитъ въ пользу его

были постарѣвшіе воины-казаки, которые по старости и другимъ причинамъ не владѣли оружіемъ и входили въ составъ полковой „музыки“. Они развлекали своимъ искусствомъ козакъ въ промежутки боевыхъ часовъ, а по окончаніи похода разносили славу о герояхъ по всей Украинѣ. При всеобщей заинтересованности ходомъ событій, непосредственнымъ участникомъ которыхъ былъ самъ народъ, думы, распѣваемая бандуристами на ярмаркахъ и въ другихъ людныхъ мѣстахъ, доставляли ему не только поэтическое наслажденіе, но и удовлетворяли потребностямъ политическаго знанія. Такъ же популярны были думы и въ средѣ козацкой старшины, въ составъ которой входило много людей *письменныхъ*, требовавшихъ отъ народной поэзіи книжной приправы. Въ одной думѣ мы встрѣчаемъ прямое указаніе на то, что онѣ распѣвались предъ слушателями изъ этого круга людей, которые называются „народными головами“ ¹⁾. Здѣсь уже мы видимъ молодыхъ бандуристовъ, которые изучали думы для развлечения „народныхъ головъ“. По свидѣтельству историка Новой Сѣчи, „почти всякій старшина имѣлъ у себя хлопца-торбаниста“ ²⁾. Мода на бандуристовъ въ XVIII в. отъ козацкой старшины перешла ко двору, а отсюда къ русскимъ вельможамъ ³⁾. Любопытны по-

никакихъ новыхъ соображеній и доказательствъ. (Домра и срѣднее ей музыкальные, инструм. рус. народа, 145—157).

¹⁾ Метлиц., Южнорус. народ. пѣсн., 441.

²⁾ Смальковскій, Исторія Новой Сѣчи, 1846 г., 331.

³⁾ Въ дневникѣ Н. Хавенко подъ 1732 годомъ упоминается бандуристъ, бывшій при Петрѣ II (не названъ по имени). (См. Кіевская Старина, 1884 г., Сентябрь, Приложенія, 81). Подъ тѣмъ же годомъ упоминается какой-то другой дворцовый бандуристъ, Ермолай Санкевичъ. (Ibidem, Августъ, Приложенія, 71). При дворѣ Елисаветы Петровны состояли бандуристами слѣпецъ Григорій Михайловичъ Любостогъ. Въ 1742 году онъ женился, въ 1743 году пожалованъ дворянствомъ, а потомъ произведенъ въ полковника. (См. Дневныя Записки И. Марковича, 1859 г., ч. II, 182, 191). Официальный титулъ этого бандуриста былъ такой: „Двора Ея Императорскаго Величества сивальской музыки тепористъ и російскій дворянинъ Г. М. Л.“. Вообще въ дневникахъ XVIII вѣка довольно часто встрѣчаются закончешіе свѣдѣнія о бандуристахъ, которые за трудъ свой получали добротныя даянія. Даже въ началѣ XIX в. не прекратился среди малорусскаго дворянства обычай держать въ составѣ домашней прислуги козачковъ, которые съ инструментомъ въ рукахъ отличо танцевали, аккомпанируя сами себя.

хожденія одного изъ этихъ расцодовъ, который состоялъ сперва бандуристомъ при вѣвскомъ генераль-губернаторѣ Леонтьевѣ, а по смерти его отправился въ Сѣчь, гдѣ и „находился чрезъ 6 годъ, упражняясь при охотныхъ козакахъ бандурною игрою“, и „получалъ одежду и деньги за играніе имъ на бандурѣ“. Изъ Сѣчи онъ перешелъ къ гайдамакамъ,—какъ зрячій, сторожилъ гайдамацкое добро и получалъ отъ нихъ свою долю добычи. Подлинная фамилія его была Рыхлѣвскій, по уличному Бандурка ¹⁾). Коденскій судъ надъ гайдамаками смотрѣлъ на этихъ бандуристовъ, какъ на подстрекателей народнаго возстанія: трехъ изъ нихъ онъ приговорилъ къ смертной казни ²⁾).

Такимъ образомъ, въ XVIII вѣкѣ мы видимъ бандуристовъ въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ: являются они то въ народѣ, то въ домахъ малорусской и великорусской знати. Изъ одного и того же инструмента они должны были извлекать разные звуки во вкусѣ своихъ слушателей, а это не могло, во всякомъ случаѣ, благопріятствовать самобытности поэтическаго вдохновенія. Да и вкусы эти въ козацкой старшинѣ были уже не тѣ, что прежде. Довольно поспѣшно превращалась она въ малороссійское шляхетство, которое гордилось славою предковъ только лишь въ расчетахъ на сословныя привилегіи. Снова водворялись въ странѣ крѣпостные порядки, отъ которыхъ отбилась она въ эпоху Богдана Хмельницкаго, поэтому гармонія интересовъ крестьянскихъ и козацкихъ, которою проникнуты думы, давно уже исчезла. Послѣ Палія почти не было уже всенародныхъ героевъ, о которыхъ можно было бы сказать съ положительнымъ убѣжденіемъ, какъ это обыкновенно говорилось въ думахъ, что

«Слава ихъ не вьре, не поляже,
Буде вона славна помижъ козаками,
Помижъ друзими,

(См. объ этомъ Записки доктора де-ля-Флиза, Русская Старина, 1892 г., Февраль, 345).

¹⁾ Киевская Старина, 1886 г., Октябрь, 379—388.

²⁾ Ibidem, 1882 г., Апрель, 164—165.

Помощь рыцарямъ,
Помощь добрымъ молодцамъ¹⁾.

Одни козаки превращались въ пановъ, другіе въ подданныхъ, друзья расходились въ разныя стороны, не стало рыцарей, не стало добрыхъ молодцевъ. Какъ же могло устоять противъ теченія поэтическое творчество думъ, которое изображало всѣхъ этихъ людей на высотѣ героическаго увлеченія всенароднымъ благомъ?

Таковъ былъ общій строй жизни въ Гетманщинѣ. На правой сторонѣ Днѣпра было еще хуже. Здѣсь по старой памяти къ сословнымъ угнетеніямъ присоединялись религіозныя. Не могло уже Запорожье серьезно помочь гайдамакамъ, какъ оно помогло когда-то Хмельницкому. Славное нѣкогда съचेвое братство само доживало послѣдніе годы свои и уже давно не распоряжалось самостоятельно своими военными предпріятіями. Въ 1775 году оно пало, а вмѣстѣ съ нимъ разлетѣлась въ прахъ послѣдняя опора козачества. Отъ старой Сѣчи остались только скорбныя пѣсни о разореніи ея, а не думы о рыцаряхъ войска запорожскаго. А между тѣмъ, въ польской Украинѣ было совсѣмъ не до думъ. Тамъ происходила нѣкоторымъ образомъ агонія польскаго государства, которое въ послѣднія минуты своего существованія представляло патологическую картину поздняго горюизма, смѣшаннаго съ старою болѣзнію нетерпимости и ожесточенія противъ народа, котораго въ свое время оно не умѣло понять и оцѣнить. Съ народомъ этимъ сводились старыя счеты, вызвавшіе уманскую бойню, за которою въ видѣ возмездія послѣдовала еще болѣе ужасная, продолжительная и хладнокровно обдуманная коденская бойня. Не угасло и въ это тяжелое время поэтическое творчество народа, но оно выразилось не въ думамъ, а въ пѣсняхъ. Быстрый натискъ кровавыхъ событій, повидимому, поставилъ пѣвцевъ въ необходимость воспользоваться болѣе подвижной формой поэзіи, чѣмъ думы. Да и въ сознаніи самихъ гайдамаковъ помутились уже старыя

¹⁾ Лукшавичъ, Малорус. и червопорус. думы и пѣсни, 47.

идеалы козачества, поэтому и дѣянiя ихъ не могли быть воспроизведены въ думахъ съ обычнымъ окончанiемъ ихъ—прославленiемъ героевъ. Вдали передъ собою народъ не видѣлъ свѣтлаго будущаго, а отъ ужасовъ настоящаго онъ уходилъ вмѣстѣ съ своими бандуристами въ гетманщину, гдѣ думы и нашли послѣднее свое успокоенiе. Здѣсь, въ средѣ сельскаго люда, особенно въ средѣ незакрѣпощенныхъ еще козаковъ, сидѣвшихъ на своемъ грунтѣ, а также въ средѣ мелкаго хуторскаго панства, не утратившаго симпатiй къ народу, сохранились еще привычки мысли и чувства къ поэтическимъ преданiямъ козацкой старины, воспѣтой въ думахъ. Привычки эти въ теченiе XVIII вѣка поддерживались старинными учрежденiями въ родѣ сельскихъ школъ и шпиталей съ ихъ обычной обстановкой, съ мандрованными дьяками и странствующими школярами. Подъ сѣнiю этой старины и прiютились пѣвцы народныхъ думъ. Но это было уже новое поколѣнiе пѣвцевъ, которые называли себя не бандуристами, а кобзарями. Такъ, вѣроятно, назывались и старинные бандуристы въ средѣ посполства, ибо кобза въ старину была инструментомъ болѣе простонароднымъ, чѣмъ бандура. Съ паденiемъ козачества на трехструнную кобзу было перенесено представленiе о многострунной бандурѣ,—кобза же въ смыслѣ трехструннаго инструмента совсѣмъ вышла изъ употребленiя. Въ связи съ этимъ смѣшенiемъ инструментовъ находится и смѣшенiе понятiй о самой думѣ. Названiе этого рода поэзи думой кой-гдѣ уцѣлѣло почти до нашихъ дней ¹⁾, но болшею частью сами кобзари называютъ думы или *псалмами* ²⁾, или же *пѣснями про старовину* ³⁾. По всей вѣроятности, въ то давнее время, когда писалъ свои *Анналы Сарницкiй*, слово *дума*, сохраняя свое старинное значенiе, въ какомъ оно и донинѣ употребляется въ Галицiи, начало уже служить для названiя пѣсенъ особаго рода, именно пѣсенъ вольнаго размѣра, исполняемыхъ подъ

¹⁾ Киевская Старина, 1882 г. Декабрь, 28.

²⁾ Историчес. пѣсни малорус. народа, Антоновича и Драгомацова, I, Предисловіе, XV.

³⁾ Записки юго-запал. отдѣла географичес. общества, II, 113.

звуки бандуры или кобзы. Нельзя, конечно, допускать для тѣхъ отдаленныхъ временъ строгой классификаціи родовъ и видовъ въ области народной поэзіи: дума, называясь думой, въ то же время была и пѣсней, поэтому и тогда было уже возможно смѣшеніе этихъ понятій. Но мало по малу, по мѣрѣ того, какъ дума, не подновляемая новымъ приливомъ поэтическаго творчества, начала опускаться изъ козацкой среды въ простонародную, самое слово *дума* начало выходить изъ употребленія между пѣвцами думъ. Въ Галиціи оно сохранилось въ своемъ древнемъ южнорусскомъ значеніи, потому что *галицкая дума* не претерпѣвала тѣхъ измѣненій, какимъ подвергалась *украинская дума* въ теченіе измѣпчивыхъ судебъ козацкой жизни. Зато въ Галиціи нѣтъ и думъ въ украинскомъ смыслѣ этого слова, ибо дума есть произведеніе по преимуществу козацкое, а козачество въ Галиціи никогда не процвѣтало.

Настало новое время. Надъ народомъ тяготѣютъ новые интересы жизни. Подъ давленіемъ этихъ интересовъ онъ ни на минуту не можетъ оторваться отъ угнетающихъ его заботъ о завтрашнемъ днѣ. Собственное прошлое его кажется ему сказкой. Онъ не понимаетъ его, онъ равнодушенъ къ нему. Поэзія думъ не трогаетъ его сердца. „Теперь молодіи все позабывали, жалуются кобзарни, старыхъ писень не слушаютъ: ему спивай про старовину, а винь и не знае, що воно таке е“¹⁾. Мало того. Архаическая фразеологія думъ послужила матеріаломъ для одной юмористической пѣсни, которая есть ничто иное, какъ пародія на думы. Вотъ эта пѣсня:

«На синому мори,
 Пиць привычкомъ доли,
 Да тамъ куча собака обметицю пла:
 Де не влялася съ помыйницы супротывна хвыля,
 Тому кучоному собацци хвистъ одкрутыла.
 А и сильне злякався,
 На темни луга,

¹⁾ Киевская Старина, 1882 г. Декабрь, 5.

На густы лѣса,
 На дыкы степа,
 На ничъ у куточокъ сховався,
 Черезъ коминъ поглядаю,
 Тамъ вуренныкы-невпильныкы въ сметани потопаютъ,
 А я на ныхъ вельке мылосердне маю,
 Въ бездонный глечыкъ скидаю²⁾.

Такъ изъ вѣка въ вѣкъ однѣ формы жизни смѣняются другими, а за ними слѣдуютъ и формы поэзіи. Но, если народъ, создающій тѣ и другія, способенъ къ самонализу, хотя бы въ видѣ безпощадной прони падъ своими собственными произведеніями, то мы не можемъ отказаться отъ убѣжденія, что онъ подлежитъ не столько стихійному насилію слѣпой эволюціи, сколько разумному и жизнеупорному закону человѣческаго прогресса.

²⁾ Чудьбис. Труды экспедиціи, V, 1170.

VI.

Старинная запись народных малорусских думъ съ обзоромъ варіантовъ къ нимъ.

Тѣтъ пятнадцать тому назадъ мы познакомились въ первый разъ съ старинною записью народныхъ малорусскихъ думъ, принадлежавшей покойному А. А. Котляревскому. Тогда же явилось у насъ желаніе заняться изученіемъ думъ, но, подготавливая матеріалъ для этого изученія, мы упустили изъ виду самую рукопись, и только благодаря любезности Н. А. Котляревскаго, прелоставившаго ее въ распоряженіе редакціи „Кіевской Старины“, рѣшили мы привести наши мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ въ систематическій порядокъ.

Отрывки изъ девяти думъ, заключающихся въ рукописи, напечатаны были Н. И. Костомаровымъ въ извѣстномъ трудѣ его, помѣщенномъ въ „Русской Мысли“ за 1880 и 1883 гг. подъ заглавіемъ „Исторія козачества въ памятникахъ южнорусскаго народнаго ибсеннаго творчества“. Въ видѣ дополненія къ нашему труду издаемъ полный текстъ всѣхъ тринадцати думъ, находящихся въ рукописи, освободивъ его отъ своеобразной транскрипціи, которую сообщилъ ему Н. И. Костомаровъ, и сохранивъ всѣ орфографическія особенности подлинника.

Рукопись, въ самомъ дѣлѣ, заслуживаетъ такого изданія, потому что она представляетъ едва-ли не самую давнюю запись малорусскихъ думъ прямо изъ устъ народныхъ. На заглавномъ листѣ ея стоятъ слѣдующія любопытныя строки, написанныя, судя по почерку, рукою самого составителя рукописи: „Повѣсти

малороссійскія числомъ 16¹⁾). Списаны изъ усть слѣпца Ивана, лучшаго рапсодія, котораго засталъ я въ Малороссіи въ началѣ XIX вѣка“. Кто былъ этотъ писатель, не видно изъ рукописи, но слова его находятся въ полномъ согласіи съ водяными знаками бумаги, на которой написана вся рукопись: на синихъ листахъ ея, на которыхъ помѣщены самыя „Повѣсти малороссійскія“, водяные знаки относятся къ 1808 году, а на бѣломъ заглавномъ листѣ, который пришитъ къ рукописи, повидимому, послѣ того, какъ она была написана, водяные знаки указываютъ на 1827 годъ. Принимая во вниманіе эти данныя, можно полагать, что рукопись современна первому (цертелевскому) изданію малорусскихъ думъ (1819 г.), а можетъ быть, и древнѣе его.

Всѣхъ листовъ въ рукописи включительно съ заглавнымъ, составляющимъ обертку ея, восемь съ половиною, полулистовъ семнадцать. Пагинаціи листовъ нѣтъ, но каждая пѣса отмѣчена числомъ. Думы и пѣсни расположены въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Три брата въ плѣну въ Азовѣ, 2) Козакъ Иванъ Коновченко изъ города Черкассы, 3) Пирятинскій поповичъ Алексѣй, 4) Федоръ Безродной, 5) Три брата Самарскіе, 6) Атаманъ Матяшъ старый, 7) Козакъ прощается съ сестрами, 8) Братъ да сестра, 9) Книшка Самыло, 10) Иванецъ богославецъ гет: Запорож., 11) Вдова въ городѣ Чечельницѣ (въ Польшѣ), 12) Дворянская жена, 13) Чечотка, 14) Попадья, 15) Разговоръ Дя́пра съ Дунаемъ, 16) Вдова Сирка Ивана. Послѣ этой послѣдней думы стоитъ непонятное для насъ слово: *Сабардакъ*. Отъ предшествующаго текста оно отдѣлено чертой и само подчеркнуто. Едва-ли, впрочемъ, это есть заглавіе новой, не записанной пѣсы, потому что передъ нимъ нѣтъ обычной нумераціи.

За включеніемъ перваго полулиста, всѣ остальные пѣсы писаны въ сплошную строку, безъ раздѣленія на стихи. Нерѣдко встрѣчаются сокращенія обычныхъ, часто повторяющихся фразъ и собственныхъ именъ. Вообще же письмо четкое и до-

¹⁾ Есть въ рукописи, кромѣ думъ, три повѣстныхъ пѣсни—тоже изъ кобзарскаго репертуара: „Дворянская жена“, „Чечотка“ и „Попадья“.

вольно разборчивое. Только буквы *е* и *я* въ окончаніяхъ словъ пишутся однообразно и сбивчиво. Что касается до правописанія рукописи, то въ этомъ отношеніи она представляетъ немало любопытныхъ данныхъ, для объясненія которыхъ мы должны сдѣлать нѣкоторыя историческія справки.

Извѣстно, что во второй половинѣ прошлаго вѣка литературная русская рѣчь, регулированная Ломоносовымъ, начала проникать въ кievскую академію, которая въ то время была еще всесловнымъ учебнымъ заведеніемъ и, вмѣстѣ съ коллегіумомъ харьковскимъ и семинаріями переяславской и черниговской, служила разсадникомъ просвѣщенія для всего юга Россіи. Этому много содѣйствовали митрополиты кievскіе, заканчивавшіе свое образованіе на сѣверѣ или же являвшіеся отсюда на митрополию. Таковъ былъ Гавріиль Кременецкій (1770—1783), при которомъ началась реформа въ положеніи малорусскаго духовенства, и особенно Самуиль Миславскій (1783—1796), при которомъ послѣдовало приведеніе кievской епархіи въ штатное положеніе. Оба они всѣми мѣрами старались поставить кievскую академію въ такое положеніе, чтобы она могла удовлетворять общимъ требованіямъ просвѣщенія, обязательнымъ во всемъ государствѣ, поэтому они стремились уравнивать ее съ великорусскими учебными заведеніями и со стороны языка. Какъ смотрѣлъ Кременецкій на старинную малорусскую рѣчь, видно изъ доклада его св. Синоду, что „въ каѳедральной библіотекѣ кievской оказался между прочими лѣтописцами одинъ лѣтописный въ семидесяти четырехъ листахъ хрониконъ, существомъ матеріи до російской исторіи касающійся, но къ изданію въ печать, развѣ за переводомъ на чистой російской слогъ изъ нарѣчія, которое больше походитъ на простонародное старинное здѣшнее съ польскимъ и славенскимъ смѣшанное, годнымъ быть могъ“¹⁾. Синодъ приказалъ кievскому митрополиту послать эту хронику къ архіепископу Платону. Самуиль Миславскій былъ членомъ російской академіи, которая, какъ извѣстно, учреждена была для разработки русскаго языка. Новиковъ

¹⁾ О лѣтописяхъ, издаваемыхъ отъ св. Синода, Д. Полюнова. 7.

считалъ его писателемъ „изобильнымъ въ знаніи російскаго слова“¹⁾. Неудивительно поэтому, что Самуилъ обращалъ особенное вниманіе на преподаваніе въ кievской академіи русскаго языка. Онъ требовалъ отъ воспитанниковъ ея, чтобы они учили оды Ломоносова наизусть, при чемъ сами они должны были упражняться въ сочиненіи стиховъ, наблюдая „остроту въ эпиграммахъ, нѣжность въ мадригалахъ, простоту въ басняхъ, удовольствіе въ пѣсняхъ, страданіе въ элегіи, искренность въ сатирѣ, восторгъ въ одѣ, ужасъ и жалость въ трагедіи, смѣхъ и обманы въ комедіи“²⁾. Въ 1784 году онъ приказалъ студенту богословія Дмитрію Сигаревичу, уроженцу московской губерніи, „быть учителемъ російской поэзіи и элоквенціи по правиламъ поэзіи, напечатаннымъ въ Москвѣ, ораторіи-же—по правиламъ господина Ломоносова“³⁾. „Вмѣстѣ съ тѣмъ, говорить исторію кievской академіи Аскоченскій, на счетъ академіи отправлены были три студента (Никита Соколовскій, Павелъ Логиновскій и Даниилъ Домонтовичъ) въ московскій университетъ съ крѣпкимъ наказомъ, чтобы они какъ можно старались изучить великорусскій говоръ и произношеніе. По окончаніи курса наукъ они обязаны были возвратиться въ Кіевъ для занятія учительскихъ должностей. Наличные учителя также въ свою очередь получили отъ митрополита предписаніе наблюдать, сколько возможно, чтобы въ ихъ урокахъ не страдалъ русскій языкъ. Иеродіакону Анатолію, назначенному преподавателемъ исторіи и географіи, строго указано было изъяснять оныя на російскомъ языкѣ съ наблюденіемъ выговора, какой наблюдается въ Великороссіи. Такой же приказъ получилъ учитель французскаго языка Лапкевичъ. Самые дѣти не оставлены были безъ вниманія ревнительнымъ архипастыремъ. Онъ учредилъ особаго ренетитора въ сиротскомъ домѣ (бурсѣ) для обученія живущихъ тамъ мальчиковъ російской грамотѣ, подтвердивъ и ему, какъ можно болѣе, стараться о правильномъ выговорѣ. Настойчивость Са-

¹⁾ Исторія російской академіи, Сухомлинова, 186.

²⁾ Ibidem, 189.

³⁾ Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ академію, Аскоченскаго, т. II, 342.

муила была такъ велика, что нѣкоторые наставники откровенно отнеслись въ нему съ представленіемъ о своей неспособности исполнять его волю, извиняясь тѣмъ, что они никакъ не въ состояніи переимѣнить своего малороссійскаго выговора¹⁾.

Въ такомъ же духѣ и направленіи составлялись грамматическіе учебники и руководства для малороссіянъ.

Мы имѣемъ подъ руками любопытную въ этомъ отношеніи книгу подъ заглавіемъ: „Правила о произношеніи Россійскихъ буквъ и о исправномъ тѣхъ же въ новѣйшемъ гражданскомъ письмѣ употребленіи или о правописаніи, собранныя изъ Россійскихъ грамматикъ въ 1772 г.“. Составитель этихъ правилъ заботливо отмѣчаетъ погрѣшности правописанія, происходящія отъ малороссійскаго выговора, напримѣръ, отъ произношенія во всѣхъ словахъ, безъ разбору, *и* какъ *ы* (стр. 11), отъ смѣшенія твердаго и мягкаго *л* (*похва́лный, мольба*) (стр. 13), отъ произношенія *ь* какъ *и*—„что весьма слуху противно“ (стр. 12). Отмѣчены также особенности великорусскаго выговора, напримѣръ, превращеніе въ концѣ словъ звучныхъ согласныхъ въ отзвучные (*берекъ, дорокъ, вмѣсто берегъ, дорогъ*) (стр. 11),—въ родит. падежѣ именъ прилагат. мужес. и сред. р. *во* вмѣсто *ю* (*ibid.*), произношеніе *о* безъ ударенія, какъ *а* (стр. 9). Къ послѣдней особенности авторъ относится снисходительно. „Иногда говоритъ онъ, пишуть въ именит. падежѣ именъ прилагат. вмѣсто *ы* или *і* буквы *о* или *е*. Это происходитъ отъ единого подражанія простому выговору, почему московской нѣжной выговоръ необходимо произносить *о* какъ *а*“ (стр. 42).

Другой подобнаго рода учебникъ правописанія изданъ былъ въ Харьковѣ въ 1782 году подъ заглавіемъ: „Краткія правила Россійскаго правописанія, изъ разныхъ грамматикъ выбранныя и по свойству украинскаго діалекта для употребленія малороссіянъ дополненныя“²⁾. Составитель его, Переверзевъ, въ отдѣлахъ о склоненіи и спряженіи ограничивается

¹⁾ Ibid. м. 343.

²⁾ Второе изданіе было въ 1787 г. Есть въ библиотекѣ Академіи наукъ. Мы пользовались этимъ послѣднимъ изданіемъ.

ссылками на соответствующие параграфы въ грамматикѣ Ломоносова (стр. 36, 38). Онъ указываетъ нѣкоторыя малорусскія формы, отступающія отъ великорусскихъ (напр: *бере, ѣдемо, писаѡъ* вмѣсто *береть, ѣдемъ, писаь*, будущее сложное отъ *имаь*, „въ книгахъ не употребительное“), но главное вниманіе свое онъ сосредоточиваетъ на звукахъ. Онъ предостерегаетъ отъ смѣшенія *и* съ *ы*: „Крайнѣ (sic) осторожно малороссіянамъ надлежитъ примѣчать, какъ изъ правилъ, такъ и изъ употребленія въ произношеніи, дабы по неосторожности не написатъ: *купыь мило; онъ ѡъ небытность вашу меня быь предъ всьмы; противъ нашей мисы и воы; чьь битъ, тьь и слить*“ (стр. 15). „Различіе, говоритъ онъ, должно примѣчать между слѣдующими реченіями: *никто, нькто; никакой, нькакой; нидь, ньдь; никогда, нькогда*, повеже малороссіяне, слѣдуя выговору, сіи реченія одно вмѣсто другаго безъ разбору иногда употребляютъ“ (стр. 18). „Предлогъ *съ* малороссіяне часто употребляютъ неправильно вмѣсто *изъ*, притомъ перемѣнивъ *с* въ *з*, наприм. говорятъ, а пѣкоторые и пишутъ: *здыаю зъ* дерева, пришли *зъ* города, *выьхали зъ* лѣсу, *выволокли зъ* ямы, вмѣсто *здыаю* (sic) *изъ* дерева“ и т. д. (стр. 28).

Есть одна замѣтка, касающаяся синтаксиса: „Малороссіяне неправильно употребляютъ: *купыь работіе воы, юнитъ дойныя овы* и проч. вмѣсто *волоьъ, овець*“ (стр. 37). Въ заключеніе сочинитель говоритъ: „ревностный чистоты слова любитель не постыдится исправлять таковыя и смѣь подобныя поползновенія въ себѣ самомъ и въ другихъ, прилагая къ правиламъ дѣйствительнаго наставника употребленіе“.

Конечно, составитель нашей рукописи, записывая малорусскія думы изъ устъ лучшаго народнаго *рансови* своего времени, не могъ вполне исправить въ себѣ самомъ *поползновенія* къ малорусской рѣчи. Конечно, знать онъ, повидимому, съ дѣтства, поэтому во всей рукописи преобладаютъ звуки и формы малорусскія. Тѣмъ не менѣе есть въ ней нѣчто чуждое малорусскому нарѣчію.

Больше всего бросается въ глаза употребленіе буквы *ь*, посредствомъ которой изображается звукъ *е*, поэтому *ь* стоитъ

на мѣстѣ *е*, и обратно—*е* на мѣстѣ *ъ*: *хмѣль* и *хмель*, *сѣдла* и *сѣдла*, *слъзами* и *слезами*, *наимѣньшій* и *наименьшому*, *тоненькъ* (покрывало) и даже *поглядѣть* рифмуется съ глаголомъ *не мае*,—*кроме*, *выбежали* и проч.

Основные *о* и *е* большею частію замѣняются позднѣйшимъ *и* и даже *ы*, но встрѣчаются и такія начертанія, какъ *соль*, *пойди*, *на чужой* (сторонѣ), *только*, *дробными* (слезами).

Основное *и* выдерживается правильно, но попадаетъ и *ы* вмѣсто *и*, напр. *милы* (имен множ. отъ *милой*).

Въ словахъ отъ корня *бы* безразлично употребляются то *ы*, то *у*, впрочемъ, съ преобладаніемъ этого послѣдняго звука: *была*, *не бывала*, *прибывати* и *була*, *бывала*, *прибывати*.

Въ правописаніи согласныхъ звуковъ отмѣтимъ *л* вмѣсто *в*: *желтый*, *жилъ*, *выполнялъ*, *скаралъ*,—твердое *ц*: *отецъ*, *отца*, *сердцу*,—отзвучные согласные вмѣсто звучныхъ: *свалился*, *отцурался*, *не сбудиши*, *отгадати*.

Но если всѣ эти фонетическія особенности правописанія (за исключеніемъ употребленія буквы *ь*) могли появляться и въ книжной малорусской рѣчи XVII вѣка, и въ письменности малорусской первой половины XVIII вѣка, то нельзя того же сказать о словахъ и многихъ формахъ словъ, усвоенныхъ составителемъ рукописи не отъ народнаго *расходія*, который заинтересовалъ его своими *новшествами*. Совсѣмъ не помалорусски звучатъ, напримѣръ, слова: *идь*, *что*, *чтобы*, *какъ*, *недалече*, *понедѣльникъ*, *человѣкъ*, *чоловъ*, *отвѣчаетъ*. Сюда же относятся формы именъ существительныхъ: *маткь*, *въ пыли*, *въ степи*, *братцы* (есть и *братця*), *братъевъ*, *небывальцовъ* (есть и *братывъ*, *небывальчивъ*), формы именъ прилагательныхъ: *великое*, *божьей* (церкви), *божью* (есть и *божою*), *славнаго*, даже *друлова*,—мѣстоименныя формы: *миль*, *тебѣ*, *себѣ* (есть и *мени*, *мики*, *тоби*, *собѣ*), *меня*, *тебя*, *себя* (есть и *мене*, *тебе*), *онъ* (есть и *винъ*).

Все это формы великорусскія. Часто стоятъ онѣ, какъ видно изъ предыдущихъ примѣровъ, рядомъ съ малорусскими, особенно въ рифмахъ съ глагольными окончаніями: *догоняе*—*сѣдаеть*, *збудовавъ*—*скаралъ* и проч. Иногда онѣ оказываютъ

вліаніе одна на другую, и тогда получаютсѣ смѣшанныя комбинаціи—не то великорусскія, не то малорусскія, напр.: *не имѣтъ* (мечь), *втикалъ*, *не малъ*, *скорейше*, *мене*, *тебе* (дат. пад.), *тебѣ* (винит. пад.).

Можно полагать, что составитель рукописи не былъ твердъ и въ русскомъ правописаніи, основанномъ на грамматикѣ Ломоносова: объ этомъ свидѣлствуютъ такія формы, какъ *въ поле*, *на горе*, *на море* вмѣсто *въ полѣ*, *на горѣ*, *на морѣ*, а также начертаніе предлоговъ въ предложныхъ словахъ и сліяніе ихъ съ управляемыми словами, напримѣръ: *втикало*, *безневинно*, *ввойнѣ*, *сплечь*, *вруки*, *справой* (руки) и т. п. Тѣмъ не менѣе онъ усвоилъ нѣкоторые приемы грамматическаго письма, поддержанныя привычкою къ литературной русской рѣчи въ живомъ употребленіи. Это видно, между прочимъ, изъ того, что ему чужды были нѣкоторыя грамматическія формы малорусскихъ словъ. Онъ пишетъ, напр.: „Старшая сестра *выходила* (вмѣсто *выхождила*),

«Кни за поводы *хватили*», —

или же:

«Бодай ты щастя—доли *не имѣль*» (вмѣсто *не мавѣ*),

Что ты намъ объ меньшемъ смнѣ правды *не сказалъ*», —

или же: „*по имѣнню*“ (вмѣсто *по имѣнню*), что совсѣмъ искажаетъ смыслъ рѣчи.

Такимъ образомъ нѣтъ въ нашей рукописи послѣдовательной и опредѣленной системы правописанія. Вотъ это отрицательное качество и сообщаетъ тексту ея внутренній признакъ достовѣрности. Составлена она, очевидно, безъ всякой предвзятой цѣли, подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ поэтическаго матеріала, который передается въ сыромъ видѣ, безъ стилистической подкраски,—составлена при этомъ въ такое время, когда старинное малорусское правописаніе было уже забыто, а новые методы правописанія не были еще предложены, т. е. въ промежутокъ времени между 1808 и 1827 годами, отмѣченный водяными знаками бумаги, о которыхъ мы говорили выше.

Безъ всякаго сомнѣнія, свойствами рукописи въ значительной степени опредѣляется и цѣнность думъ, записанныхъ въ ней. Рукопись надежная и въ то же время давняя, слѣдовательно, мы имѣемъ въ ней твердую точку опоры для сравненія думъ въ разныхъ позднѣйшихъ записяхъ. Несовершенство правописанія не могло, конечно, не отразиться на художественномъ обликѣ нѣкоторыхъ думъ, заключающихся въ рукописи, но, вообще говоря, стоятъ онѣ на значительной высотѣ художественной техники и силы. Ко всему этому нужно прибавить, что, сверхъ десяти вариантовъ извѣстныхъ уже думъ, въ рукописи нашей сохранились три думы, которыя не были извѣстны собирателямъ народныхъ пѣсенъ: 1) Атаманъ Матіашъ, 2) Вдова Сирка Ивана, 3) Разговоръ Днѣпра съ Дунаемъ. Помѣщаемъ сперва думы семейнаго содержанія, всѣ же остальные мы расположимъ по сходству или однородности мотивовъ, которые въ нихъ развиваются.

1.

Вдова въ городъ Чечельницъ (въ Польшѣ)¹⁾.

Содержаніе этой думы въ болѣе архаическомъ видѣ мы встрѣчаемъ въ галицкихъ народныхъ пѣсняхъ, гдѣ говорится о томъ, что безбожный сынъ прогналъ свою мать изъ дому: „будуть, говоритъ онъ, у мене кумы—пообратымы, а ты, маты, въ латапий свитыни“. Вышла бѣдная мать за ворота, некуда дѣваться ей. Встрѣтилась она съ замужней своей дочерью и просить ее, чтобы она приняла её къ себѣ въ домъ, но и здѣсь получаетъ отказъ: „многого я мужа маю, говоритъ дочь, виномъ въ хаты утикаю“. Не успѣла мать разговориться съ своей дочерью, какъ бѣжить за нею сынъ и просить ее вернуться домой,—случилось съ нимъ несчастіе, убило „жижку мыленькую и дымкику маленькую“. Это тебѣ наказываетъ самъ Богъ.

¹⁾ Четыре варианта этой думы помѣщены въ сборникѣ Метлицкаго (Народ. южно-рус. пѣсни, 345—355), пятый записанъ Костомаровымъ (Труды экспедицій, Чубинск., V, 847—849), шестой Кулишемъ (Запис. о Юж. Руси т. I, 19—24), седьмой—Русовичъ (Записки юго-зап. отдѣла кievс. географ. общества, I, 11—14), восьмой—Горленкомъ (Кievс. Старина, 1882 г., Декабрь, 497—199), девятый—печатанный по рукописи А. А. Котляревскаго.

отвѣчаетъ ему мать, за мои кровавыя слезы ¹⁾. Въ думѣ объ изгнаніи матери уже не одинъ сынъ, а три. Послѣ изгнанія живетъ она у „близького сусиды“. Преступныхъ дѣтей ея караетъ не только Богъ, но и общественное мнѣніе. Во всѣхъ вариантахъ этой думы причина изгнанія матери есть семейный разладъ, или ожидаемый, какъ у Кулиша, или же состоявшійся вслѣдствіе женитьбы ея сыновей, какъ въ остальныхъ вариантахъ. Основная мысль думы заключается въ нравоученіи, которымъ она во всѣхъ вариантахъ заканчивается: „щасливый то чоловікъ въ свити буває, который отца и матирь почитае“.

Для выраженія этой мысли, которая въ вариантѣ Котляревскаго высказана сжато, въ другихъ вариантахъ болѣе подробно, совершенно достаточно основныхъ фактовъ, т. е. рассказа объ изгнаніи матери и о несчастіяхъ сыновей ея, которые раскаялись, да поздно. Но въ нѣкоторыхъ вариантахъ рѣчь идетъ еще о томъ, что она сдается на просьбу дѣтей своихъ возвратиться домой, и тогда „ставъ имъ Господь помагаты“. По нашему мнѣнію, это позднѣйшая прибавка, отъ которой основная мысль ничего не выигрываетъ, поэтому думы съ этой прибавкой мы считаемъ болѣе поздними. Есть она въ четвертомъ вариантѣ, помѣщенномъ у Метлинскаго (352—354), а также въ вариантахъ Кулиша и Котляревскаго. Что касается до указанія въ этомъ послѣднемъ вариантѣ на происхожденіе вдовы изъ города Чечельпицы, ²⁾ то оно имѣетъ такое же фиктивное значеніе, какъ и въ вариантѣ Кулиша упоминаніе о томъ, что вдова жила „въ славномъ городи у Крылови“.

- 1) Въ недлю рано пораненько
 Не у бору сосна зашумѣла,
 Не съ буйнымъ вѣтромъ говорила,
 То вдова, старенькая жена, на подворье выходила,
 5) Трехъ сыновъ маленькихъ на рукахъ выносила,

¹⁾ Головацкаго, Нарѣд. пѣсн., т. II, 577, т. III, 158,—196—198.

²⁾ Чечельпицы — мѣст. Чечельники, мѣстечко съгогольскаго уѣзда Подольс. губерніи.

- Що день у насъ сварка буває.
 45) Меньшей (sic) братъ словаи промовлае,
 До сусиди прихожае,
 Матку свою стареньку до себе убогае:
 «Иды ты, мати,
 До нашей хати,
 Далась намъ, мати.
 50) Безъ тебя бѣда знати». .
 Вдова до своихъ сыновъ приходила,
 Ни которой соби отъ нихъ кривды не мала.
 Рано-пораненько на подворье выходила,
 Господа милосерднаго просила:
 55) «Господи милостивый!
 Прости ты мяѣ сін слова, що я своихъ сыновъ проклинала,
 Бо я отъ нихъ великую кривду мала,
 А теперь я у нихъ пробуваю,
 Нѣ которой соби кривды не маю». .
 60) Якъ стала вдова, старая жена, у своихъ сыновъ пробувати,
 Сталъ имъ Господь помогати,
 Стали они господарство собирати,
 Стали одивъ другому словами промовляти:
 «Щастливый то человекъ въ свѣтъ буває,
 65) Который отца и матеръ почитае,
 Тому Господь Богъ помагае».

2.

*Братъ да сестра*¹⁾.

Для уясненія этой думы приводимъ нѣсколько стиховъ изъ народной пѣсни, въ которой нарушение добрыхъ отношеній между братомъ и сестрой считается преступленіемъ, неизбежно вызывающимъ кару небесную:

¹⁾ Намъ извѣстны шесть вариантовъ этой думы: Цергедева (Опытъ собранія народ. малорос. пѣсень 1819 г., 57—58); Максимовича (Украинск. народ. пѣсни 1834 г., 63—64; Сборникъ украинск. пѣсень 1849 г., 9—10); Метлицкаго (Народ. южнорос. пѣсня, 355—357); Куляша (Зап. о Южн. Руси. I, 24—28); Чубинскаго (Труды экспедиціи, V, 468—470); вариантъ, помещенный въ „Кіевской Старинѣ“ 1882 г., Августъ; вариантъ Котляревскаго.

«Тымъ на свити хлибъ не родыть,
 Що братъ до сестрыци не гонорыть,
 Тымъ на свити теряеться,
 Що братъ сестры цураеться,
 Тымъ на свити добра нема,
 Що братъ сестры за ридъ не ма»¹⁾.

Мы считаемъ болѣе поздними тѣ варианты думы о братѣ и сестрѣ, въ которыхъ братъ говорить сестрѣ, что онъ не можетъ навѣстить ее такъ-же, какъ не можетъ „писокъ на билимъ камени схожаты, рпкы о Петру замерзаты, калына о Риздвн процвитаты“. Это очевидная вставка изъ думы объ отъѣздѣ козака изъ родины. Есть она въ вариантахъ Кулиша и Чубинскаго. Болѣе древними мы считаемъ тѣ варианты, которые заканчиваются жалобой сестры на измѣнчивость людскихъ привязанностей. Таковы варианты Максимовича и Котляревскаго.

Встрѣчается эта дума въ пѣсенной переработкѣ²⁾. Слѣды размѣра думы еще видны, но въ угоду пѣсеннаго размѣра вольное теченіе рѣчи ограничено. Особенно это ясно видно изъ послѣдняго четверостишія..

- 1) Въ недѣлю рано-пораненько
 Не сива зозули заковала,
 Якъ сестра до брата съ чужой стороны поклонъ посылала,
 Жалибненько до себе прохала:
- 5) «Братыку мій ридненькій,
 Якъ голубоньку сивенькій!
 Прибуди ты до мене,
 Отвѣдай мене
 На чужой сторонѣ,
- 10) При несчастливой фортувинѣ!
 Братъ тое зачунае,
 Словами промовляе:
 «Сестро моя ридненька!

¹⁾ Чубинскій (Труды экспедиціи, V, 929); см. также Головацкій (Народныя пѣсн., I, 232).

²⁾ Чубинскій... №, 928—929.

Радъ бы я до тебе прибувати,
 Да не знаю, гдѣ тебе шукати:
 Не можно менн, сестро, за темными лугами,
 За быстрыми рѣками,
 За широкими степами .

- Сестра тое зачуває,
 20) До брата словами промовляє,
 Дробными слезами обливає:
 «Братнику мій рідненькій!
 Черезъ луга темные, высокие, яснимъ соколенькомъ перелини,
 Черезъ рѣки быстрые, глубокие, бѣлымъ лебеденькомъ перепливи,
 25) Черезъ степи широкие малымъ — не великимъ перепелонькомъ перебѣжи,
 На мій двирь, брате, синимъ голубонькомъ прилени,
 Жалібненько загуди.
 Тугу сердцу моему раздѣли,
 Що въ нашей, брате, земли христіанскої людямъ Богъ праздныкъ дає,
 30) Люди до церкви идуть,
 Якъ бчелки гудуть,
 Изъ церкви выступають,
 Якъ рожа процвѣтають,
 Одно до одного приступають.
 35) По прилительству на хлѣбъ, на соль до себе зазыває,
 Мене, брате, нещаснои мовъ никто родомъ не знає,—
 Що якъ бувъ у насъ отецъ и мати,
 Тогди могли насъ всѣ люди родомъ знати,
 Якъ померъ отецъ и мати,
 40) Не сталъ насъ никто вже знати,
 Не стало ни кума, ни побратима,
 Пришибла мене, брате, на чужой сторонѣ злая, нещасливая година,
 Отдуралась сердечна названа родина;
 Тylko у мене, брате, сердечнаго роду,
 45) Що выйду я въ божій храмъ, на святые отци подивлюся,
 Господу Богу помолюся:
 Ото у мене, брате, отецъ и матусь!»

Козакъ прощается съ сестрами ¹⁾.

Есть цѣлый рядъ народныхъ пѣсень, изображающихъ отъѣздъ козака изъ родины. Въ разныхъ пѣсняхъ причины отъѣзда разные: или мать-вдова сама снаряжаетъ своего сына на войну ²⁾,—или, скрѣпя сердце, покоряется своей участи и только умоляетъ сына на войнѣ „не забавляться“ ³⁾, или же, наконецъ, прогоняетъ его изъ дому ⁴⁾. Вотъ этотъ послѣдній мотивъ семейныхъ недоразумѣній подробно развитъ въ думахъ съ замѣной матери, какъ главнаго дѣйствующаго лица, отчимомъ. Повидимому, пѣвцы думъ не могли помириться съ представленіемъ безсердечности не только въ матери, но даже и въ отцѣ: такъ, по крайней мѣрѣ, высказался одинъ изъ нихъ ⁵⁾. Во всѣхъ вариантахъ этой думы выступаютъ сестры отъѣзжающаго козака—одна или двѣ, но большею частію три; младшая отличается особенно сердобольностью. Такъ-же точно и въ пѣсняхъ соответствующаго содержанія провожаютъ козака сестры. Онѣ спрашиваютъ его, когда онъ воротится назадъ, а онъ отвѣчаетъ имъ загадками, въ которыхъ звучитъ печальная нота вѣчной разлуки. Намъ кажется, что это и есть первооснова думы, осложненная позднѣйшими прибавками; поэтому мы считаемъ наиболѣе древнимъ вариантомъ думу, помѣщенную въ сборникѣ Метлинскаго, такъ-какъ нѣтъ въ ней ни матери, ни отчима, ни заключительныхъ размышленій пѣвца о тяжелой жизни вдали отъ

¹⁾ Вариантъ этой думы помѣщенъ у Цертелева (Опытъ собранія народ. малорус. пѣсень, 1819 г., 57—58); отсюда перепечатанъ Максимовичемъ (Украинск. народ. пѣсни, 1834 г., 61—62; Сборн. украинск. пѣсень, 1849 г., 7—8). См. также варианты: у Метлинскаго (Народ. южнор. пѣсни, 434—436), у Лукашевича (Малор. и червопор. думы и пѣсни, 59—61), въ Записк. юго-западн. отдѣла геогр. общ., I, 14—16; въ „Кіевской Старинѣ“ за 1882 г., Декабрь. 490—491. Къ этимъ пяти вариантамъ можно присоединить печатаемый нами шестой вариантъ по рукописи Котларевскаго.

²⁾ Чубинскій, Труды... V, 882; 907—908. Максимовичъ, Украинск. народ. пѣсни, 1834 г., 157. Головацкій, Народн. пѣсни..., ч. I, 24—25; ч. III, 12.

³⁾ Чубинскій, Труды... V, 864. Головацкій, Народ. пѣсни... III, 97.

⁴⁾ Чубинскій, Труды... V, 864; 890; 948.

⁵⁾ Записки юго-западн. отдѣла геогр. общ. I, 14.

родины. Въ замѣнъ этихъ размышленій сестра, прощаясь съ братомъ, переживаетъ мыслію своею положеніе его въ чужой сторонѣ. Остальные варианты, не исключая варианта Котляревскаго, представляютъ уже болѣе или менѣе подробную картину всѣхъ семейныхъ отношеній—матери къ сыну и его отчиму, отчима къ молодому козаку, и самаго козака къ роднымъ сестрамъ его.

Есть двѣ пѣсни, передѣланныя изъ этой думы ¹⁾. Одна изъ нихъ, помѣщенная у Закревскаго, явственно образовалась изъ варианта Максимовича. Чтобы выдержать однообразный пѣсенный размѣръ, употреблены слѣдующія средства:

1) Повторены кое-гдѣ тѣ или другія слова думы, напр.: „иды, сыну, *иды, сыну*, мижъ чужии люде“.

2) Въ нѣкоторые стихи вставлены цѣлыя слова, напр.: „чи *вже, брате, тебе ждаты* видъ чыстого поля?“

3) Одинъ разъ вставленъ даже цѣлый стихъ: „*хочъ же довою ею немька очимы провожала*“.

4) Четыре стиха думы соединены въ два:

1) Що найменьшая рыдае, да такъ промовляе:

2) Изъ якои тебе, брате, сторононькы ждаты?

-
- 1) Въ недѣлю рано-пораненько
Не во вси звоны зазвонено,
Якъ у крайнему дому говорено:
Отець и мати сына своего у чужу сторону выпроважае,
5) Словами промовляе:
«Пойди ты, сыну, въ чужую сторононьку межъ чужіе люди,
Чи не лучше тамъ тебе буди» (sic)?
Промолвить сынъ словами:
«Не хотѣлось мни, мати,
10) Въ чужой сторонѣ пробувати,
Что будуть мене пришельцемъ называти».
Якъ сталъ козаче изъ двора исходити,
Стало три сестрицы рыдвенькія его выпровожати.
Старшая сестра выходила,

¹⁾ „Кіев. Стар“ 18 2 г., декабрь, 492. Закревскій, Старосвіт. Бандуриста, 92—63.

- 15) Коня за поводи хватала,
Середуншая сестра выходила,
Опрощенія прохала,
Меньша сестра выходила,
Брата жалибенько пьтала:
- 20) «Брате мій милый,
Якъ голубоньку сивый!
Коли жь ты будешь до насъ въ гости прибувати?
Видкпя тебе, брате, выгядати:
 Чи изь чистого поля,
 Чи оть чорного моря,
- 25) Чи изь славнаго людю—Запорожья?»
 Братъ тое зачувае,
 Словами промовляе:
 «Сестрица моя ридненькая,
30) Якъ зозуленько сивенькая!
- Тогди и буду, сестро, до васъ въ гости прибувати,
Якъ буде на бѣломъ камени желтый несокъ искожати,
 Будеть синимъ цвѣтомъ процвѣтати,
Крещатымъ барвинкомъ въ 4 ряды бѣлый каминь устилати,
- 35) Будеть, сестро, обь Рожествѣ червона калина процвѣтати
Будеть обь Новымъ годѣ, обь святомъ Василю, ягоды
 изрожати,
- Будуть, сестро, о Петрѣ рѣки замерзати:
Тогди и буду, сестро, до васъ въ гости прибувати!
 Сестра тое зачувае,
- 40) До брата словами промовляе:
 «Брате мій милый,
 Якъ голубоньку сивый!
 Яка я на свѣтѣ стала,
 Що я оть старыхъ людей сего не чувала,
- 45) Що уже жолтому песку на бѣломъ камени не вскожати,
 Синимъ цвѣтомъ не процвѣтати,
Крещатымъ барвинкомъ въ 4 ряды не встилати,
Обь Рожествѣ червонной калинѣ не процвѣтати,
Обь Новымъ годѣ ягоду не зрожати:
- 50) Такъ тобі, брате, до насъ въ гости не бувати,
Знагь, тебе, брате, намъ въ очи не видати...

Ты, брате, сего не гнѣвися,
 Назадъ завернися,
 Отцени своему и пани-матцѣ въ ноги уклонися,
 55) Будешъ ты, брате, на чужой сторонѣ пробувати,—
 Будеть тоби, брате, Господь помагати...
 Бо якъ трудно-вудно, тижко та важко недолугому чоловік
 противъ силы важкый камень сняти,
 Такъ же трудно на чужой сторонѣ безъ родины сердечном
 помирати.

4.

Три брата въ плѣну въ Азовъ¹⁾.

По мнѣнію Костомарова, „въ основаніе думы о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова едва-ли легло въ самомъ началѣ опредѣленное, дѣйствительное событіе: скорѣе всего это плодъ народнаго творчества изъ бытовыхъ матеріаловъ“²⁾. Но такъ какъ и въ народѣ изначальная пѣсня сочиняется обыкновенно однимъ лицомъ, то, конечно, было такое *опредѣленное* событіе, которое

¹⁾ Есть довольно значительное количество вариантовъ этой думы: Цертелова (Опыт собранія старинныхъ малорус. пѣсень, 1819, 21—25), Срезневскаго (Заложская старина, 1, 34, перепечатана въ Историч. пѣси малорус. народа, Антоп. и Драг. I, 120—124), Максимовича (Украинск. народ. пѣсни, 1834, 9—14, — Сборн. украинск. пѣсень, его же, 1849, 19—34, — Историч. пѣсни малорус. народа, Антоп. и Драг., I, 124—127); это сводный вариантъ изъ двухъ вариантовъ—Цертелова и Шнигоцкаго: послѣдній помѣщенъ былъ въ Укр. Альм. за 1831 годъ; вариантъ Максимовича напечатанъ былъ также въ Илв. Акад. Наукъ, т. II, Афанасьевымъ съ кой-какими поправками въ лѣткѣ, см. Памятники и образцы народ. яз. 250—251), — Кулиша (Зап. о Юж. Руси, I, 32—42, перепечатанъ въ Историч. пѣси малорус. народа, Антоп. и Драг., I, 114—120), — Русола (Зап. юго-зап. отдѣла кievск. географ. общ., I, 6—11, перепечатанъ тамъ же, I, 127—133), — Судовшикса (Истор. пѣс. малорус. народа, Антоп. и Драг., I, 332—336), — Нѣгвскаго (Ibid. I, 106—113), — Иващенко (Запис. юго-зап. отдѣла кievск. геогр. общ., II, 119—123), — Горленка (Кievск. старина, 1882 года. Декабрь, 499—504), — Костомарова (Исторія козачества отд. оттиска) и, наконецъ, Котларевскаго.

²⁾ Исторія козачества въ памяти южно-рус. народ. пѣсеннаго творчества, отд. оттиска, 95.

побудило пѣвца сочинить пѣсню. Впрочемъ, для насъ важно въ данномъ случаѣ не то или другое событіе, послужившее поводомъ къ созданію этой думы, а первоначальная редакція ея. Костомаровъ считаетъ древнѣйшими вариантами свой и Котляревскаго на основаніи цѣлесообразности правоучительнаго конца думы съ совѣщаніемъ старшихъ братьевъ о томъ, что сказать отцу и матери на вопросъ ихъ о младшемъ братѣ. Но въ думѣ о смерти трехъ братьевъ самъ-же Костомаровъ признаетъ правоучительный элементъ амплификаціей ¹⁾. Какъ-же быть? Нельзя-же, въ самомъ дѣлѣ, однимъ и тѣмъ-же признакомъ опредѣлять древнѣйшее и позднѣйшее время.

Чтобы разобратъ въ вопросѣ о взаимномъ отношеніи различныхъ вариантовъ этой думы, необходимо имѣть въ виду, что всѣ они съ одинаковою подробностію говорятъ о гибели младшаго брата. Это и есть герой думы, неповинная жертва малодушія средняго брата и безсердечія старшаго. Въ любящемъ сердцѣ этого „пишого пишеници“ не было и капли горечи и негодования на братьевъ за то, что они бросили его въ степи на произволь судьбы; напротивъ того, онъ безутѣшно рыдаетъ при мысли, что ихъ настигла турецкая погоня. Симпатичный образъ этого юноши становится еще привлекательнѣе, когда мы узнаемъ объ его одинокой смерти на „Савуръ-могилѣ“, среди волковъ да орловъ, „гостей не милыхъ“. По нашему мнѣнію, этотъ рассказъ о младшемъ братѣ и есть древнѣйшая часть думы. Въ вариантахъ Цертелева, Срезневскаго, Максимовича, Кулиша и Иващенко конные братья гибнутъ, настигнутые турецкой погоней, въ другихъ—они остаются живы, причемъ въ вариантахъ Котляревскаго, Костомарова, Нѣговскаго и Горленка представлена сцена свиданія ихъ съ отцемъ и матерью, а въ вариантахъ Русова и Судовщикова въ замѣнъ этой сцены рассказывается о томъ, что братья по возвращеніи на родину стараются искупить свой грѣхъ милостыней и проклинаютъ турецкую неволю. Вотъ эти послѣдніе варианты мы и считаемъ наиболѣе древними. Въ вариантѣ Русова образъ старшаго брата обрисо-

¹⁾ Ibidem, 80.

ванъ болѣе мягкими чертами, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ вариантахъ: старшій братъ не обнаруживаетъ еще жадности по отношенію къ наслѣдству: онъ только малодушный трусъ, и больше ничего. Отсутствіе рѣзкой жестокости въ природѣ двухъ старшихъ братьевъ находится въ полномъ согласіи съ концемъ думы, гдѣ рассказывается, что по пріѣздѣ домой старшіе братья стали

«На святи церкви наклады».

Такой-же конецъ думы и въ вариантѣ Судовщикова, но здѣсь уже есть указаніе на то, что старшій братъ отказываетъ въ помощи младшему не безъ расчета на отцовское наслѣдство. Это переходный вариантъ, отъ котораго могли пойти всѣ остальные, изображающіе старшаго брата грубымъ эгоистомъ, а средняго безхарактернымъ человѣкомъ. Распадаются эти остальные варианты на двѣ категоріи: въ однихъ братья, не доѣхавши домой, претерпѣваютъ кару Божію:

«Турки набигалы
И тыхъ двоихъ бративъ порубалы,
Тило козацьке карбовалы,
Въ чыстимъ поли росбыдалы,
Головы на шабли здиймалы,
Довго глумовалы»¹⁾).

По объему это варианты средней редакціи. Въ другихъ вариантахъ братья пріѣзжаютъ домой, старшій братъ обманываетъ отца и мать, меньшій съ сердечнымъ сокрушеніемъ рассказываетъ всю правду. Это варианты самой полной редакціи. Если допустить, что изображеніе характеровъ двухъ братьевъ развивалось постепенно, то къ числу позднѣйшихъ нужно отнести варианты второй категоріи. Къ нимъ принадлежитъ и вариантъ Котляревскаго, представляющій въ самомъ концѣ значительную несообразность. Онъ ничего не говоритъ о гибели двухъ старшихъ братьевъ, между тѣмъ въ заключительныхъ стихахъ читаемъ:

¹⁾ Вариантъ Максимовича.

«Померла трехъ братьевъ золова,
Только слава не умреть, не поляжетъ».

Еще одна подробность. Въ одномъ изъ вариантовъ полной редакціи (Нѣговскаго) говорится о появленіи младшаго брата на родинѣ:

«А мевшій сынъ, ипша пишаныця, за гостя прыныкае».

Какъ это могло случиться послѣ подробнаго разсказа въ той-же думѣ о смерти младшаго брата на Савурь-могилѣ? Есть довольно остроумное объясненіе этого темнаго мѣста въ думѣ: „не удалось младшему брату, говоритъ М. Андріевскій, прибыть въ гости къ отцу и матери, чего онъ такъ страстно желалъ живымъ, и вотъ онъ отъ времени до времени изъ дикой степи является къ нимъ въ гости легкимъ призракомъ¹⁾. Можно было бы согласиться съ этимъ объясненіемъ, если-бы стихъ былъ полнѣе и выразительнѣе. Весьма можетъ быть, что этотъ стихъ сохранился изъ неизвѣстнаго намъ затеряннаго варианта, въ которомъ младшій братъ, „пиша-пишаныця“, добрался до родины позже старшихъ, къ изумленію и посрамленію ихъ.

- 1) Изъ города Азова¹⁾ была великая погоня,
Втикалъ полчокъ
Малый-невеличекъ,
Въ тикало (sic) три брата ридненькихъ —
- 5) Власно-ясны голубенки свеньки,
Два брата конныхъ,
Межъ ними третій пѣшій-пѣшаница
За конными братами поспѣшае,
Коней за хвосты хватаетъ,
- 10) На сырое коренья ноги козацкіе побиваетъ,
Кровь христіанская слѣды заливаєтъ,
До братьевъ словами промовляетъ:

¹⁾ Козацкая дума о трехъ Азовскихъ братьяхъ, М. А. Андріевскаго. Одесса, 1884 г., 61.

²⁾ Городъ Азовъ, теперь посадь, на лѣвой сторонѣ устья Дона, занятъ былъ Турками въ 1475 году, а такъ какъ въ думѣ рѣчь идетъ о туркахъ, то есть пѣвческое основаніе думать, что самая дума сложена не раньше конца XV вѣка.

- «Братки мои ридненьки,
Якъ голубоньки сивеньки!
- 15) Добре вы, братця, дбайте,
Станьте вы, кони козацкія попаспте,
А мени, найменьшого брата, полождите,
По-пів-чверти мыли въ города христіанскіе подвезите .
Старшій братъ тое зачувае,
20) Словами промовляе:
«Чи подобно то, брате, дѣло, чтобъ я тебя, ваготу,
на кони бралъ,
Свого коня томилъ?
Будеть изъ города Азова тяжкая великая турецкая погоня,
Мы и сами не утечемъ, и тебя, брате, не вывеземъ,
25) А какъ ты живъ да здоровъ будешъ,
То и самъ въ землю христіанскую дойдешъ» .
Тогда наймѣньшій братъ тое зачувае,
Словами промовляе:
«Браты мои милы,
30) Якъ голубоньки сывы!
Добре вы, братця, уробите,
Миѣ, найменьшему брату, сплечь голову снимите,
Мое тѣло козацкое въ степи на дорози похонайте,
Звѣрю, птицѣ, на поталу не дайте» .
35) Средній братъ тое зачувае,
Словами промовляе:
«Брате мой милый,
Якъ голубоньку сывыи!
Наша рука козацкая на тебя не здыйметя.
40) Сердце наше козацкое на тебя не осмѣлится,
Мечь нашъ булатный твоей шеи неимѣтъ,
На дробень макъ ввесь надетъ» .
Наймѣньшій братъ тое зачувае,
Словами промовляе,
45) Дробными слезами обливаетъ:
«Браты мои милы,
Якъ голубоньки сывыи!
Будете вы до тернывъ, до байраивъ прибувати,
Добре вы, братця, дбайте,
50) Терновое вѣтви истинайте,

Мнѣ, наименьшему брату, на признаку покидайте:

Нехай бы я могъ знати,

Куды въ землю христіанскую до отца и матери прибывати».

Якъ стали братья шестого дня до терновъ, до байракивъ
прибывати,

- 55) Стали терновое вѣтъя истинати,
Своему меньшему брату на признаку козацкую покидати.
Якъ стали изъ терновъ, изъ байракивъ выбѣгати,
Стали на зеленныя травы поглядати,
Ставъ середній братъ до старшаго словами промовляти:
- 60) «Добре мы, брате, дбаймо,
Спидъ своихъ жупанывъ червоную кытайку выдираймо,
Своему меньшему брату признаку козацкую покидаймо,
Чтобъ нашъ могъ братъ знати,
Куды въ землю христіанскую прибывати».
- 65) Старшій братъ тое зачувае,
Словами промовляе:
«Чтобъ я свое добро дорогое марне по шляхахъ роскидалъ?
Буду я до отца и до паншати въ землю христіанскую прибывати,
Будутъ меня ближныя почитати, поважаати,
70) Будутъ противъ мене шапки снимати,
Будутъ меня на хлѣбъ, на соль зазывати».
Середній братъ тое зачувае,
Словами промовляе...
Назади оставае,
- 75) Спидъ своего жупана червону кытайку выдирае,
Своему брату наименьшему на признаку покидае.
Сталъ меньшій девятаго дня до терновъ, до байраковъ прибывати,
Сталъ терновое вѣтъя знахожати,
Словами промовляти:
- 80) «Я жъ то думалъ, что объ менѣ братья ничего не знаютъ,
Они на меня великое милосердіе мають,
Терновое ветви стинали,
Мени, наименьшему брату, на признаку покидали:
Нехай бы я могъ знати,
- 85) Куды въ землю христіанскую прибывати».
Ставъ изъ терновъ, изъ байракивъ выбигати,
Сталъ червону кытайку снахожати,
Сталъ словами промовляти:

- «Не дурно си червона китайка на шляхахъ муравскихъ ¹⁾ пробувае,
 90) Знать, моихъ братьевъ въ живыхъ на свѣтѣ немае,—
 Выдно, изъ города Азова была тяжкая турецкая погоня,
 Меня на спочивку минала,
 Моихъ братьевъ пострелала, порубала,
 Козацкую добычъ до города Азова назадъ завертала...
 95) Копабъ мени Богъ далъ тѣло козацкое снахожати,
 Могъ бы я суходолъ саблею конати,
 Шапкою, приоломъ землю носити,
 Могъ бы ихъ тѣло козацкое въ стену при дорожъ поховати,
 Звѣрю, птицѣ на поталу не дати».
 100) Самъ себѣ козацѣ (sic) думаетъ—гадае, что его безъ хлѣбья, безъ
 ведья (sic) знемогае,
 До Сауры могила прибувае ²⁾,
 Тамъ на Сауру могилу снисхожае,
 Тамъ козакъ лягае, спочивае,
 105) Самъ себѣ думаетъ да гадае...
 На очи не гляне
 И на ноги не встане,
 Головки козацкой не взведе:
 Куды иѣтеръ понине, повинется,
 110) Куды трава поклонитъ, туды и поклонитса...
 Тогда стали орлы чернокрыльцы налѣтати,
 Стали пѣ головахъ козацкихъ сидати,
 На черны кудри наступати,
 Сталъ козакъ словами промовляти:
 115) «Орлы мои черноперы и гости непересели!
 Зождитъ мени малую часинву:

¹⁾ Муравскій шляхъ—это дорога, которая шла по водораздѣлу днѣпровскаго и азовско-донецкаго бассейновъ. Отъ Черекона направлялись она къ верхнему теченію р. Конки, близъ теперешняго села Конскіе Раздоры александр. уѣзда, — затѣмъ, пересѣкая р. Волчью и проходя по Злодійской балкѣ, близъ теперешняго села Гавриловки александр. уѣзда, протекала мимо Гончаровой балки у села Славянки навлоградс. уѣзда, на р. Бикѣ, къ верхнему теченію р. Самари. По этой дорогѣ обыкновенно двигались крымскія орды для разоренія Московскаго государства.

²⁾ «Саура могила высокая, лежащая на прямой дорогѣ въ Оловъ, теперь тамъ на вершинѣ (sic) растутъ три куста булиновыхъ». Это примѣчаніе вставлено въ текстъ думъ той же рукою, какою написана вся дума. Такое же названіе и теперь носятъ эта могила, находящаяся между рр. Міусомъ и Крынкою, при истокѣ р. Камышахи: это одна изъ возвышенностей донецкаго края, достигающая 50 футовъ

- Якъ буде черная хмара наступати,
 Будеть дробень дождичь накрапати,
 Будеть козацкая душа разно съ бѣлымъ тѣломъ розлучати,
 120) Тогда вы будете въ головахъ козацкихъ сѣдати».
- Уже черная хмара наступила,
 Якъ душа козацкая съ бѣлымъ тѣломъ розлучила...
 Стали орлы чернокрильцы налѣтати,
 Въ головахъ козацкихъ сѣдати,
 125) На черныя кудри наступати,
 Изъ лоба кары очи выбиратьи,
 Коло желтой кости тѣло козацкое оббрати,
 Стали волки сироманцы нахажати ¹⁾,
 Козацкія кости розношати
- 130) По долинахъ, по байракахъ,
 По козацкихъ примѣтахъ.
 Только козацкая голова на Саурѣ могилы пробувае,
 Никто той головы не дбае,
 Кроме сива зозули прилѣтала,
 135) Въ головахъ козацкихъ сѣдала,
 Жалибенько заговала,
 Нибы словами промовляла:
 «Голово, голово козацкая!
 Якъ ты сыла и зѣла,
 140) Хорошенько сходила,
 По чужихъ земляхъ пробувала,
 Козацкіе звычай добре знала,
 Теперь ты ни о чемъ не дбаешь,
 Кроме соби правдиваго судиі господа изъ небесъ желаетъ».
- 145) Два брата риденьки,
 Власны ясны голубоньки сивеньки,
 До рѣчки Самарки, до криницы Салтанки прибывали ²⁾,
 Два дни и двѣ ночи на попасѣ стояли,
 Своего наименьшого брата поджидали.
- 150) Старшій братъ тое зачувае (sic),
 Словами промовляе,
 Уже дробными слезами полинае:

¹⁾ „Сырое ѣдати“ — написано тою же рукою въ скобкахъ.

²⁾ Рѣчка Самарка, теперешняя Самара, берущая начало свое въ изюмскомъ у. харьковской губ. и впадающая въ Днѣпръ въ новомосковс. у. екатеринослав. губ.

- «Що мы, брате, будемъ думати да гадати,
 Якъ будемъ мы до отца и до паниматки прибувати,
 155) Якъ мы будемъ отцевы и маткѣ казати?
 Якъ будемъ мы отцу и матцѣ по правдѣ казати,
 Будеть насъ отецъ и matka проклинати» .
 Середній братъ тое зочувае,
 Словами промовляе,
 160) Дробными слезами обливае:
 «Будемъ мы, брате, отцу и матери по правдѣ казати,
 То можетъ быть будетъ отецъ и матери на насъ великое мило-
 сердіе матери» .
 Старшій братъ тое зачувае,
 Словами промовляе:
 165) «Отъ такъ мы, братику, свазимо,
 Что въ городѣ Азовѣ не у одного пана въ темницѣ пробували,
 Не одному и панови слуговали,
 Мы сами—два насъ—утѣкали,
 Своего наймвншаго брата отъ сна будили и не сбудили,—
 170) То будетъ отецъ и матери помирати,
 Будеть худоба зоставати,
 Будемъ мы худобу на двѣ части паввати,
 Межъ нами третій не будетъ никто мѣшати» .
 То два брата ридненъки тое словами промовляли,
 175) На кони козацкія сѣдали,
 Въ землю христіанскую до отца и матери приѣжали.
 Отецъ и матѣрь на встрѣчу выхожають,
 Словами промовляють,
 По дорожѣ поздоровляють,
 180) Объ меньшомъ сынѣ пытають:
 «Сыны мои, сыны,
 Какъ ясны соколы!
 Вы сами приѣжали,
 Своего меньшого брата, а нашего сына гдѣ вы занодѣли,—
 125) Чи вы его за сѣ кони турецкіе вороные,
 Чи за сѣн шаты дорогіе,
 Туркамъ-янычарамъ отдавали?»
 Старшій братъ тое зачувае,
 Словами промовляе:
 190) «Отецъ и матери!

- Мы въ городѣ въ Азовѣ не у одного пана въ темницѣ пробували,
 Мы сами изъ темницы утѣвали,
 Своего брата булгли отъ сна и не сбудили».
- 195) Средній братъ тое зачувае,
 Словами промовляе,
 Къ сырой землѣ грудью упадаеъ,
 Дробными слѣзами обливае:
 «Отець и мати!
- 200) Мы въ городѣ Азовѣ у одного пана въ темницѣ пробывали,
 Одному панови слуговали,
 Мы всѣ три разомъ изъ темницы утѣвали,
 Самн себѣ коней похватали,
 Своему наименьшему брату коня не ухватили,
 Только недобре мы починали,
- 205) Что своего меньшого брата на кони не брали,
 По пиль-чверти мили до отца и матери въ города
 христіанскіе не подвозили.
- Я добре знаю,
 Что нашего меньшого брата живого на свѣтѣ не мае:
 Знать, его козацкая голова въ степи при дорогѣ полягае».
- 210) Отець и мати тогда добре дбали,
 Средняго сына въ свой дворъ пріймали,
 Старшаго изъ двора прогнали,
 И лаяли, и проклинали:
 «Бодай ты, сыну, себѣ щастья-доли не имѣлъ,
 215) Что ты намъ объ меньшемъ сынѣ правды не сказалъ!»
 Померла трехъ братьевъ голова,
 Только слава не умереть, не поляжетъ...
 Будеть слава славна
 Пожежъ друзьими козаками
 220) И дородными головами.

5.

*Три брата самарскіе*¹⁾.

Въ нашемъ рукописномъ собраніи малорусскихъ пѣсень
 есть одна пѣсня, въ которой рѣчь идетъ о смерти двухъ род-

¹⁾ Дума эта напечатана у Максимовича (Сбор. украинск. пѣсень, 1849, 17—19) и перепечатана отътуда у Антоп. и Драг. (Историч. пѣсни малорус. народа,

ныхъ братьевъ въ чистомъ полѣ¹⁾). Лежать они „у поля, край могилы“ „постриляни—порубани“. Спрашиваютъ они одинъ у другаго: какая рана болѣе тяжелая—„стриляная чы рубаная“? Говоритъ одинъ изъ нихъ: „не сабли насъ порубали, не кули насъ постриляли, а слезы отца и няньки насъ спиткали“. Если бы знала мать о насъ, она бы насъ „поховала, якъ зозулька закувала“. „Я вамъ буду, говоритъ имъ орель, отець-маты, и васъ буду доглядаты“. Умоляютъ орла умирающіе братья, чтобы подождать онъ часа смертнаго. „Ще жъ часъ смертныи не прыпавъ, орель очи вытягавъ“.

Такъ заканчивается эта трогательная пѣсня, послужившая, по нашему мнѣнію, ближайшей основой для думы о смерти трехъ братьевъ на поляхъ самарскихъ. Во всѣхъ четырехъ вариантахъ этой думы нѣтъ орла, но, въ замѣнъ этого обычнаго спутника *рубаныхъ* козаковъ, обязательно присутствующаго въ лирическихъ пѣсняхъ, выступаютъ реальныя подробности, свойственныя думамъ. Во всѣхъ вариантахъ ярко обрисована сожженная степь самарская,—только „у ричкы Самаркы, у крыницы Салтанкы“, гдѣ „тры терны дрибненькыхъ, тры байраки зелененькыхъ, лежать тры брата ридненькыхъ“ и просятъ другъ друга о помощи. Большими симпатіями къ роду-племени проникнуты варианты Метлинскаго и Котляревскаго, хотя въ послѣднемъ, какъ и въ вариантѣ Костомарова, вовсе не упоминается о нравственной причинѣ несчастія, постигшаго трехъ братьевъ. Отличіе варианта Котляревскаго отъ всѣхъ другихъ заключается въ томъ, что младшій братъ отказывается играть въ войсковые суремки, чтобы не услышали его игры Турки и не забрали полуживыхъ братьевъ въ плѣнъ. Вообще же варианты Метлинскаго, Костомарова и Котляревскаго мы считаемъ переходными къ варианту Максимовича, въ которомъ умирающіе козаки выражаютъ желаніе, чтобы ихъ похоронили не отецъ и мать, а „странни козаки“. Очевидно, въ этомъ вариантѣ гуще

I, 257—259),—у Метлинскаго (Народ. вѣлор. пѣсн., 437—440),—у Костомарова (Исторія козачества... отд. оттискъ). Къ этимъ тремъ печатнымъ вариантамъ присоединяемъ вариантъ Котляревскаго.

¹⁾ Записана въ Каменецъ-Подольской губ.

наложены историческія краски, да и въ художественномъ отноше-
ніи сравнительно съ другими онъ строже выдержанъ.

- 1) У рѣчки Самарки,
 У криницы Салтанки,
Тамъ уси поля самарски пожарами погорѣли,
Только не горѣло два терны дрыбненькихъ,
- 5) Два байраки зелененькихъ,
Бо тамъ подлѣ ихъ лежало три брата рыдненьки:
 То они пострѣляны,
 Порубаны,
На раны смертельныя знемогали,
- 10) Що у ихъ раны рубаны кровью изошли,
 А стрѣляныя до сердца пришли.
Промовитъ старшій братъ до середульшаго словами,
Обильется дробными слезами:
 «Колп бѣ ты, братику, добре дбалъ,
- 15) Що бѣ ты на ноги козацкія вставалъ,
 Збавокъ козацкій ¹⁾ вруки (sic) бралъ,
 До криницы Салтанки прихожалъ,
 Холодной воды набиралъ,
Наши бѣ раны козацкія смертельными промывалъ.
- 20) Середуншій братъ тое зачувае,
 Словами промовляе:
Якъ же мни, брате, на ноги козацкія вставати,
 Що у мене ноги козацкія порубаны,
 Руки козацкія пострѣляны,
- 25) Головка козацкая моя побита?
 Попросимо мы свого меньшого брата,
Нехай нашъ наймѣньшій братъ на ноги козацкія вставае,
 У тонкіе войсковіе суремки ²⁾ заиграе,
 То будутъ козаки чистымъ полемъ гуляти,
- 30) Будутъ наши игры козацкія зачувати,
 Будутъ они до насъ приѣждати,
 Будемъ мы добре дбати,
Отцви и матери въ землю христіанскую поклонъ передавати.

¹⁾ „Мамерка солдатская“ — примѣчаніе въ текстѣ рукописи.

²⁾ „Трубы“ — вставка такъ-же.

- 35) Что бѣ насъ отецъ и мати добре знали,
Они бѣ до насъ приѣзжали,
Они бѣ насъ хорошевыко поховали.
Меньшій братъ тое зачувае,
Словами промовляе:
«Браты мои милые,
4.) Якъ голубеньки сивые!
Чи не тѣ жъ мене сабли турецки порубали, що и васъ?
Чи не тѣ жъ мене стрѣлки-янычарки пострѣляли, що и васъ?
Якъ вамъ, братца, неможно на ноги козацкія вставати,
Такъ же и мени.
45) Хочъ и, братца, буду въ тонкіи суремки жалибненько играти,
То будуть турки-янычари, безбожны бусурманы, чистымъ полемъ
гулти,
Будуть наши игры козацкіи зачувати,
Будуть до насъ приѣзжати,
Будуть намъ живьемъ ваторгу завдавати.
50) Лучше намъ, братца, отъ тутъ въ чистомъ поле помпрати,
Огца и пани-матки и родныи сердечной въ очи не видати»...
Стала черная хмара на небѣ наступати,
Стали козаки во чистомъ поле помирати,
Стали свои головы козацкіи въ рѣчкѣ Самаркѣ покладати...
55) Чѣмъ тая Самарка стала славна,
Що вона много войска возацкаго у себе видала.

6.

Федоръ Безродный 1).

Дума о Федорѣ Безродномъ возникла на той же почвѣ древнѣйшихъ пѣсень о „рубаныхъ“ козакахъ. Издатели историческихъ пѣсень малорусскаго народа справедливо видятъ въ вариан-

1) Мы знаемъ четыре варианта этой думы: Цертелева (Опытъ собранія народа украинск. пѣсень, 1819 г., 48--50), — отсюда перепечатана она Максимовичемъ (Украинск. народ. пѣсни, 1834, 5—7; Сборникъ украинск. народ. пѣсень, его-же, 1849, 25—27), изъ сборниковъ Максимовича издателями истор. пѣсень малор. народа (I, 248—249); второй вариантъ Метлинскаго (Нар. южнорус. пѣсни, 440—441; Историч. пѣсни малор. нар. Авт. и Драг., I, 249—251); третій — Русова (Записки юго-зап. отд. географ. общ. I, 12—21; Историч. пѣсни малор. народа, Авт. и Драг., 252—255); наконецъ, четвертый вариантъ Котляревскаго. Кроме того, сохранились

тахъ Метлинскаго и Русова наслоенія позднѣйшей эпохи¹⁾. Въ вариантѣ Метлинскаго стихи 45—46 показываютъ, что дума исполнялась передъ козацкой старшиной. Самъ Федоръ Безродный называетъ себя паномъ. Федору-пану недостаетъ суровой простоты Федора-„атамана куринаго“, о которомъ рѣчь идетъ въ вариантѣ Максимовича. Тѣ же слѣды болѣе поздняго времени видны и въ вариантѣ Русова—въ изображеніи богатаго костюма Федора Безроднаго. Поэтому вариантѣ Максимовича мы считаемъ наиболѣе древнимъ и цѣльнымъ: въ сжатой формѣ онъ передаетъ всѣ главные моменты думы. Начало его переноситъ насъ въ вѣка болѣе отдаленные, когда Федоръ Безродный могъ быть жертвой неосторожности въ пограничной боевой жизни съ татарами. Вариантѣ Котляревскаго мы относимъ къ болѣе позднимъ. Большое сходство онъ представляетъ съ вариантѣмъ Русова: и тамъ и здѣсь „товариство“ подозрѣваетъ джуру въ томъ, что онъ виновникъ смерти своего пана. Главное содержаніе во всѣхъ вариантахъ—это изображеніе смерти и похоронъ казака.

- 1) Тыей дороги (sic),
 Потребы выйсковой,
 Противъ землѣ цесарской,
 Небагато выйска козацкаго понажено
- 5) И передъ мечемъ положено,
 На одной души живой козацкой не оставлено,
 Только подъ зеленою, похилою вербою,
 Надъ двѣйровою сагою,
 Надъ холодною водою,
- 10) .Лежать козаче молодній,
 Товарищу выйсковый,
 Фсдоре безридний¹⁾,

отрывки изъ этой думы, см. Метлин. 441—442: въ одномъ изъ нихъ Федоръ Безродный названъ осуломъ Богуславскимъ. Тамъ-же см. пѣсни, близко подходящія къ содержанію думы (442, 448). Одна изъ этихъ пѣсней въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ сохранила форму думы.

¹⁾ Стр. 256—257.

²⁾ Максимовичъ высказалъ предположеніе, что Федоръ Безродный есть Фома Безродный, состоявшій войсковымъ писаремъ при отважномъ гетманѣ Богданкѣ въ 1576 г. (Украинс. народ. пѣсни, 1834 г., 5). Костомаровъ того мнѣнія, что это имя

Словами промовляє:

«Слуга молодий!

Не своїми ты конемъ поѣждаешъ,
 50) Не своєю сброею выхваляешся,
 Дести (sic) свого пана убилъ альбо ранилъ,
 Али бо козацкой души тѣла избавилъ».

55) Слуга молодий добре дбае,
 Съ коня вставае,
 Словами промовляє:

«Отамане кошовый!

Я свого пана не убилъ, ни зрадилъ,
 Ни козацкой души тѣла не збавилъ:
 То жъ его турецкая булатна сабля порубала,
 60) То жъ его стрѣлка-янычарка (sic) пострѣлила»
 Отамане кошовый тоє зачувае,
 Словами промовляє:

«Козаки, панове-молодцы!

Добре вы дбайте,
 65) На кони козацкіє сѣдайте,
 Коло лугу Базавлугу обѣждайте,
 Федора безроднаго живого заставляйте».
 Козаки тогда добре дбали,
 Коло лугу Базавлугу ¹⁾ обѣждали,
 70) Федора безроднаго живого не zostали,
 Саблями, надолками суходылъ копали,
 Шанками, приполами землю носили,
 Семиперстную могилу высыпали,
 Изъ семинднихъ пицаль пострѣлили.

7.

Козакъ Иванъ Кошовченко изъ города Черкасъ 2).

Иѣсенные мотивы этой думы указаны нами въ IV главѣ нашего изслѣдованія. Во всѣхъ вариантахъ ея нравственный не собственно, а нарицательный (Исторія козачества въ памяти народ. иѣсен. творчества, отд. отискъ, 71).

¹⁾ Базавлугъ—рѣчка, вытекающая изъ верходѣйровскаго уѣз. скатериносл. губ. и впадающая въ Днѣпръ на границѣ екатериносл. и херсонс. уѣздовъ.

²⁾ По количеству вариантовъ это самая распространенная дума. Она была напечатана Церетелевымъ (Опытъ собранія народ. малорос. иѣсенъ, 1819 г., 30—36)

- Атамане куринный,
Постреляный,
Порубаный,
- 15) На раны смертельными изнемогае,
Ни отецъ, ни мати, ни родина кривна, сердечна того не знае.
То только у его слуга сидить,
Изъ днѣпровой саги холодной воды набираеть,
20) Раны козацкіи, смертельны промываеть,
До Федора Безроднаго словами промовляеть:
«Пане мый молодой,
Федоре безрыдний!
Добре мы дбаймо,
25) До твого отца и паниматки, до родины сердечной, выйскомъ
днѣпровымъ накажимо,
Нехай твой отецъ и мати добре дбае,
Покрывало тоненькѣ (sic) тебѣ пересылае, —
Нехай бы могли знати,
Якъ теби на чужой сторонѣ поховати».
30) Федоръ безродный тое зочувае,
Словами промовляе:
«Слуга мой молодой!
Не поможетъ мнѣ на чужой сторонѣ покрывало тоненьке,
Ты мени, слуга, на чужой сторонѣ отецъ и мати рыдненька,
35) И братъ, и сестрица впренька:
Добре ты, слуга молодой, дбай,
Изъ мого позлочиастаго комера шовкову тягнню снймай,
На добраго коня сядай,
Промежду выйскомъ козацкимъ проѣжай:
40) Чи будешъ ты угоденъ выйску днѣпровому,
Али бо атаману кошевому».
Слуга молодой добре дбае,
Съ позлочиастаго комера шовкову тягнню снимае,
На добраго коня сѣдае (sic),
45) Между войскомъ козацкимъ поѣжае,
Отамане кошовый тое забачае,

1576 г. (Украинск. народ. пѣсен, 1834 г., 5). Костомаровъ того мнѣнія, что это имя не собственное, а нарицательное (Исторія козачества въ памятн. народ. пѣсен. творчества, отд. оттиска, 71).

черты козака-юноши одні в тѣ же. Что касается до матери его, то въ вариантѣ Максимовича она изображена нѣсколько иначе, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ. Какъ и въ другихъ вариантахъ, она не желаетъ разстаться съ своимъ сыномъ, но уступаетъ его настойчивой просьбѣ и даже благословляетъ его на путь. Затѣмъ она „выглядае“ своего Ивася, узнаетъ о славной смерти его и не только не проклинаетъ полковника Хвиленка за то, что онъ увлекъ молодаго Коновченка въ походъ, но даже даритъ ему коня. Какъ мать-козачка, не чуждая козацкаго мужества, она спокойно переноситъ свое горе. По нашему мнѣнію, это и есть основной вариантъ, свободный еще отъ вліянія пѣсенъ. Нѣтъ въ немъ ни загадочныхъ рѣчей козаковъ о судьбѣ Коновченка, обращенныхъ къ его матери, ни зловѣщаго сна ея, который разгадываютъ возвращавшіеся изъ похода козаки. Эти подробности, по всей вѣроятности, вставлены въ думу послѣ того, какъ сложилась фабула ея, причемъ въ однихъ вариантахъ о женитьбѣ Коновченка на „туркенѣ, пышной паннѣ“, говоритъ мать его, какъ о сновидѣніи (варианты Лукашевича и рукописные—лубенскій, харьковскій

и буквально перепечатана изъ этого изданія Максимовичемъ (Украинск. народ. пѣсни, 1834, 51—57); затѣмъ извѣстны варианты Лукашевича (Малорус. и Червоорус. думи и пѣсни, 36, 47), Метлинскаго (Народ. южно-рус. пѣсни, 413—424), напечатанный въ Києв. Телеграфѣ (1873, № 59), Головацкаго (Народ. пѣсни галицкой и угорск. Русск. ч. I. 9—12; здѣсь она перепечатана изъ сборника Żeg. Pauli. 1839, 1, 155—158, а въ этотъ сборникъ попала изъ Русалки Дидьстровой, 1837, 11), Коивскаго (Киѣв. Старина, 1882 г., августъ), Боржковского (два варианта, *ibidem*, 1889, сентябрь) Кроме этихъ восьми печатныхъ вариантовъ, для ознакомленія съ думою мы пользовались шестью рукописными вариантами, записанными въ губерніяхъ Полтавской (лубенск. у.), Черниговской (черниг.-вс. у.), Харьковской (богородуковск. у.), Киѣвской (киѣвск. у.), Каменецъ-Подольской и, наконецъ, вариантомъ Котляревскаго. Костомаровъ упоминаетъ еще о двухъ вариантахъ, изъ коихъ одинъ былъ записанъ имъ въ Харьковѣ, а другой былъ прислать ему г. Морозомъ. Скудные отрывки изъ обоихъ вариантовъ напечатаны имъ въ изслѣдованіи его: Исторія козачества по памятникамъ южнорус. народ. пѣсен. творчества (Русская Мысль, 1880 г.), но на основаніи этихъ отрывковъ мы не могли составить представленія о цѣломъ. Считаеиъ нужнымъ замѣтить также, что дума объ Иванѣ Коновченкѣ, помѣщенная въ Извѣстіяхъ академіи наукъ за 1853 г., т. II. (Памятники и образцы народ. языка, 206—210), составлена Афанасьевымъ-Чужбинскимъ изъ вариантовъ Максимовича и Лукашевича.

и Котляревскаго), въ другихъ говорятъ о томъ-же возави, намекая матери на смерть сына ея (варианты Метлинскаго, два Боржковскаго, вариантъ, напечатанный въ Киевс. Телеграфѣ, и рукописные—черниговскій, кievскій и подоольскій). Въ этихъ послѣднихъ меньше амплификаціи, чѣмъ въ первыхъ, поэтому они, повидимому, ближе стоятъ къ варианту Максимовича, но сонъ вдовы и рѣчи козаковъ такъ органически связаны между собою, что отсутствіе сна въ указанныхъ выше вариантахъ можно считать искаженіемъ болѣе полнаго текста. Есть и другой признакъ болѣе поздняго происхожденія этихъ вариантовъ. Нѣкоторые изъ нихъ (два варианта Боржковскаго, галицкій и рукописный подоольскій), независимо отъ ясныхъ слѣдовъ искаженія въ самомъ языкѣ, начинаются не съ воззванія полковника курсунскаго или черкаскаго, а съ изображенія мирной жизни вдовы Коновчихи съ сыномъ, причемъ о воззваніи Хвилоненка къ козакамъ нѣтъ ни слова,—въ другихъ (варианты Киевс. Телеграфа и рукописный кievскій) мѣсто дѣйствія не въ Черкасахъ, а въ какомъ-то городѣ Копестрынѣ или Кебестрыни, и самое воззваніе идетъ отъ какого-то полковника Гниды, а въ вариантѣ Конисскаго—не извѣстно отъ кого. Рукописный харьковскій вариантъ представляетъ ту особенность, что Ивась Коновченко является инициаторомъ похода: не его подбиваютъ козаки „на Черкень-долыну гуляты“, а онъ самъ „на вынныкивъ, на броварныкивъ ставъ поклыкаты“. Это очевидное забвеніе первоначальнаго факта, за то не позабытъ въ харьковскомъ вариантѣ сонъ вдовы, что сближаетъ его съ вариантомъ средней редакціи. Къ этимъ послѣднимъ относится и вариантъ Котляревскаго. Ближе всего онъ стоитъ къ рукописному лубенскому по двумъ мотивамъ: во-первыхъ, Ивась напивается „оковытой“ тайно отъ полковника; во-вторыхъ, полковникъ принимаетъ сердечное участіе въ горѣ вдовы. Между вариантами средней редакціи вариантъ Котляревскаго, повидимому, отличается болѣею историческою точностію: Хвилоненко сперва обращается съ воззваніемъ къ охотникамъ въ Корсуни, затѣмъ самъ лично появляется въ Черкасахъ и обращается къ войсковой старшинѣ, наконецъ, передъ самымъ отправленіемъ въ походъ „словами промовляетъ“:

«Который будет козакъ отцевскихъ и матернихъ обѣдовъ
дожидати,
Будетъ меня за восемь миль отъ города Черкаса доганяти».

Всѣ эти моменты или сокращены, или спутаны, или совсѣмъ опущены въ другихъ вариантахъ.

- 1) На славной Украинѣ, въ городѣ Корсунѣ¹⁾,
Тамъ жилъ корсунскій полковникъ панъ Филонъ²⁾...
Якъ сталъ въ охотное войско выражати,
Сталъ охотника выкликати,
- 5) Крикнеть, покрикнеть на винники, на броварники,
На пьяницы, на костерники³⁾:
«Которому не хочется по винницяхъ горелокъ курити,
Которому не хочется по броваряхъ пиво варити,
Которому не хочется въ кости играти,
- 10) Дурно гуляти,
Идите вы со мною, корсунскимъ полковникомъ, въ охотное
войско гуляти,
Пидъ городъ Тягнню⁴⁾,
На Черкень-долнну,
За вѣру христіанскую одностайне стати,
- 15) Рыцарской славы заживати!»
То тее словами промовляе,
У пятницю до города Черкаса⁵⁾ поспѣшае,
Въ субботу рано пораненко цвѣтнуну короговъ крещату
выставляе.

¹⁾ Корсунъ—бывшій полковой городъ, нынѣ мѣстечко на берегу р. Роси, въ 100 верстахъ отъ Черкасъ.

²⁾ Полковникъ Филоненко, говоритъ Костомаровъ, дѣйствительно существовалъ въ первой половинѣ XVII в. и извѣстенъ, какъ товарищъ Гуни и Остранци въ возстаніи противъ Поляковъ: вмѣстѣ съ предводителемъ возстанія онъ, кажется, ушелъ въ Московское государство (Исторія козачества... Отд. оттиска, 67).

³⁾ „Что въ кости играти“—примѣчаніе записавшаго думу.

⁴⁾ Мѣстное турецкое названіе Бендеръ—нынѣ уѣздного города въ Бессарабіи. Мѣстоположенія Черкень-долнны мы опредѣлять не можемъ.

⁵⁾ Черкасы—бывшій полковой городъ, нынѣ уѣздный, на берегу Днѣпра, въ 287 верстахъ отъ Кіева.

- 55) Рыцарской славы доставати,
 Козацкихъ звычаевъ добре знати .
 Удова, старенькая жена, тое зачувае,
 Словами промовляе:
 «Сыну мой, сыну, Ивась Коновченко!
- 60) Чи у тебе ничего исшити або пзъисти,
 Чи у тебе ни въ чему хорошенько ходити,
 Чи тебе мирская старшина не почитае,
 Чи тебе козацкая громада зневажае?¹⁾
 Лучше ты будешъ тѣи четыре воли чабаные и два коня
 вороные въ плугъ запрягати,
 65) Будешъ по рилѣ хлѣба пахати,
 Будешъ козаконъ и мужиковъ на хлѣбъ и на соль къ себѣ
 зазывати,—
 Будуть тебѣ козаки войсковыхъ потребовъ, козацкихъ обычаевъ
 научати» .
 Ивась Коновченко тое зачувае,
 Словами промовляе:
- 70) «Мати моя, старенькая жено!
 Не хочеться миѣ, мати,
 На воли козацкимъ гласомъ гулати,
 Не хочеться миѣ, мати, въ пыли китаюку пылити,
 Хочъ я буду козаковъ до себе зазывати,
 75) Будуть мени козаки домаремъ, гречкосѣемъ прозывати,—
 А то лучше я, мати,
 Пойду на Черкень-долину гулати,
 За вѣру христѣинскую одностайне стати» .
 Въ недѣлю рано-пораненько
- 80) Вдова, старая жена, до Божіей церкви отходила,
 Всѣ оружья въ комнату позамыкала,
 Только семнадцатую пицаль-ружьѣ оставила,—
 То Иванъ Коновченко изъ постели встаетъ,
 На рынокъ выхожае,
 85) Що корсунскій полковникъ, инѣ Филонъ, словами промовляеть:
 «Который будетъ козакъ отцевскихъ и матернихъ обѣдовъ дожидати,
 Будеть мѣня за восемь милъ отъ города Черкаса доганати» .

¹⁾ „Осуждаетъ“ —примѣчаніе записавшаго думу.

Сусиды въ церковь уходили,

Вдовѣ сказали:

- 90) «Ты, вдова, въ церкви стоишь, ничего не знаешь,
 Что твоего сына Коновченка въ дому немає».

То вдова изъ церкви приходила,
 Ивана Коновченка въ домѣ не застала,
 Ругала его и проклинала:
- 95) «Чтобъ ты, сынъ мой Иванъ, щастя и доли не имѣлъ,
 Какъ ты меня, вдову стареньку, на господарствѣ покидалъ!»
 Рано въ понедѣльникъ вдова отъ сна прочинала
 И словами промовляла:
 «Бѣдна, побѣдна моя вдовина голова,
- 100) Що я своего сына ругала и проклинала,
 Щастье его, долю козацкую потеряла».

Тогда она добре дбала,
 Четыре волы чабаныя и два коня вороные изъ стада доплатила,
 Своему сыну добраго коня кушила,
- 105) Что его душа козацкая-молодецка сподобила та влюбила,
 Ище семь книгъ козаковы на жуланъ давала,
 Ище своему сыну добраго коня переслала.
 То козакъ на добраго коня сѣдаетъ,
 За дванадцать миль отъ города Черваса курсунского полковника
 догавне;
- 110) Скоро полковника догналъ,
 Межъ пѣхоту вбѣгаль,
 Ивана Коновченка межъ пѣхотою позналъ,
 Добраго коня ему въ руки подалъ.
 Иванъ Коновченко на добраго коня сѣдаетъ,
- 115) То ще словами промовляетъ:
 «Я жъ думалъ, братцы, что обо мнѣ мати не знаетъ и не
 вѣдаетъ,
 Ажъ она обо мнѣ великое милосердіе маеть,
 Що мнѣ добраго коня кушила,
 Що моя душа козацкая-молодецкая сподобила да влюбила.
- 120) Коли бъ мнѣ Господь милосердный далъ изъ сего похода
 выходить,
 Могъ бы я знати,
 Якъ свою неньку старенькую почитати,
 Могъ бы я ей 12 турокъ-янычаръ на послугу посылати!»

То ще якъ сталъ курсунскій полковникъ пане Филоне на Чер-
вень-долину подъ городъ Тягню

прибувати,

- 125) Сталъ до козаковъ словами промовляти:
«Козаки, панове-молодцы!
Который межъ ваии козакъ оберетса, чтобъ на добраго коня
сидати,
Чтобъ изъ Крымцами да Нагайцами на распутии погуляти?»
То всѣ козаки замолчали,
- 130) Только обозветса одинъ Ивасъ Коновченко,
Единъ смнѣ вловыченко:
«Благослови ты мнѣ, панъ Филонъ, на добраго коня изспдати,
Съ Крымцами да съ Нагайцами на поединкѣ погуляти!»
То курсунскій полковникъ словами промовляеть:
- 135) «Иванъ Коновченко!
Ты дѣтина молодая:
Ни на поле, ни на море не бувала,
Козацкой крови не видала,
Какъ ты кровъ христіанскую узришь,
То ты самъ злякаешъ».
- 140) Иванъ Коновченко словами промовляеть:
«Курсунскій полковнику, панъ Филонъ!
«Пойди ты на рѣку, да поймай утя старое и малое,
Та пусти ты на рѣку,—если не поплыветь малое, какъ
старое».
- 145) Курсунскій полковникъ отвѣчаетъ:
«Иванъ Коновченко!
Когда могъ ты мнѣ загадку такую загадати,
Благословляю тебя на добраго коня сидати,
Съ Крымцами да съ Нагайцами на поле погуляти».
Коновченко на коня сѣдаеть,
- 150) Отъ козаковъ благословеніе принимаетъ,
Межъ Крымцы и Нагайцы вбѣгаеть,
66 Крымцевъ да Нагайцевъ съ коней збынаеть,
Сплечъ головы снимаеть,
14 рычарей (sic) турецкихъ на арканъ хватаеть,
- 155) Живьемъ до козацкаго памѣту пригоняеть.
Курсунскій полковникъ, панъ Филонъ, то зобачаеть
И промовляеть,

- Коновченка братомъ называетъ:
 «Иване Коновченко, брате мой сердечный!
 160) Коли могъ ты рыцарской славы достати,
 Благословляю тебя въ своемъ намѣтѣ спочивати».
 А Иванъ Коновченко тое зачувае
 И великую радость мае,
 Что корсунскій полковникъ братомъ его называетъ.
- 165) То вниъ словами промовляетъ:
 «Корсунскій полковнику, пане Филоне!
 Благослови мнѣ оковитой горелки напиться,
 То я могу еще и лучше съ Крымцами да съ Нагайцами побиться!»
 Полковникъ словами промовляетъ:
- 170) «Иванъ Коновченко!
 Я слыхалъ отъ старыхъ людей,
 Что сия оковитая горелка барзо вадить,
 Не одного челоуѣка съ сего свѣта абавить».
 У той часъ и годину
- 175) Десь корсунскій полковникъ отгодився,
 Иванъ Коновченко довольно горелки напився...
 На добраго коня сѣдаеть,
 Саблю изъ рукъ выпускаеть,
 Межъ Крымцы да Нагайцы вбѣгаеть,
- 180) 70 челоуѣкъ съ коней збиваеть,
 Сплѣчь головы снимаеть.
 Стали безбожnymi бусурманы козака въ хмели познавати,
 Стали отъ табора козацкаго далѣ отбпвати,
 Скоро отъ табору козацкаго отбавляли,
- 129) Округъ его оступали,
 Тамъ его посѣкли, порубали,
 Смертельными ранами даровали,
 Только козацкаго коня не поймали.
 Конь козацкій по табору играетъ,
- 190) Нибы ясенъ соколъ лѣтаеть,
 Корсунскій полковникъ тое забачаеть,
 И промовляетъ:
 «Недармо нашего Коновченка конь по табору играетъ,
 Знать, его въ живыхъ немає...»
- 195) Вы, панове, сами не добре учинили,
 Що пьянаго челоуѣка съ своихъ рукъ испустили.

- Добре вам, братця, дбайте,
 На кони козацкіе сѣдайте,
 Козацкое тѣло позбирайте,
 200) До козацкаго намѣту привязите.
 Тогда козакн добре дбали,
 Що козацкое тѣло позбирали,
 Суходолъ саблями копали,
 Шапками, принолами землю выносиа
 205) Изъ оружіа стрѣляли,
 Козацкую славу прославляли,
 Семиперстную могилу высыпали ..
 Въ городѣ Черкасѣ
 У вдовы, старенькой жены,
 210) По имѣнію Грипчихи,
 По прованію Коновчихи,
 Приснился сонъ чуденъ-пречуденъ,
 Барзо дивенъ да ѣ предивенъ..
 Вдова отъ сна прочинала,
 215) На рынокъ выходила,
 Съ сосѣдами говорила:
 «Приснился сонъ чуденъ да пречуденъ,
 Что видится, мой сынъ въ войнѣ оженился,
 Понялъ себѣ жену туркеню горду да пышну,
 220) Въ зеленомъ сукнѣ подъ бѣлыми позументами,
 Она панщины не робить,
 Подачки не даетъ,
 Никто ее въ углы не толкаетъ,
 Только она себѣ правдиваго судиѣ Господа съ небесъ желаетъ».
 225) Сусиды тое зачували,
 Вдсѣѣ той сонъ отгадали,
 Только правды не сказали:
 «Вдова небога!
 Будетъ твой сынъ изъ войска прибувати,
 230) Будетъ тебѣ казацкимъ кармазиномъ даровати».
 Вдова тогда не убога бувала,
 4 бочки горелки и 6 меду на брамѣ становила,
 На свѣту недѣлю козаковъ изъ похода сподѣвлася.
 То козакн съ походу идуть,
 235) Якъ пчелы гудуть,

- То первая дивизія выступаетъ,
 Вдова Ивана Коновченка, своего сына, пытается.
 То козаки тое добре знали,
 Вдовѣ правды не сказали.
- 240) Другая дивизія наступаетъ,
 И тамъ вдова сына пытается,
 И тамъ козаки добре знали,
 Вдовѣ правды не сказали.
 «Вдова небога, не журься
- 245) Твой сынъ ввойнѣ оженился,
 Попилъ себѣ жену туркеню, горду да пышну невѣсту».
 Вдова тое зачувала,
 Каждого козака частовала
 И словами промовляла:
- 250) «Хвалю жъ тебѣ, Господи, что я себѣ тихой да веселой не-
 вѣстки дождала!
 Хоть буду козакамъ курени подмѣтати,
 Аби мене могли при старости лѣтахъ у себѣ держати».
 То уже третия дивизія идетъ,
 Корсунскій полковникъ коня въ рукахъ за поводы ведетъ.
- 255) То вдова, старенькая жена,
 Якъ скоро тее узрила,
 То барзо умлила,
 На ногахъ не устоила,
 Къ сырой землѣ грудью упала,
- 260) Въ гору руки поднимала,
 Полковника проклинала:
 «Полковникъ, панъ Филонъ!
 Бодай ты счастья-доли не малъ,
 Якъ ты моего сына пзъ всего войска потерялъ».
- 265) Полковникъ самъ не пышенъ бываетъ,
 Съ коня встаетъ,
 Вдову, старенькую жену, съ земли поднимаетъ
 И промовляетъ:
 «Вдова небога!
- 270) Не проклинай меня,
 Щастья моего и доли козацкой не терий:
 Ты сама недобре починала,
 Что своего сына въ охотное войско не пускала,

- Щастье его и долю потеряла,
 Ты его проклинала...
 Тогда вдова не убога ся мала,
 Сорокъ тысячъ козацкаго войска въ дворъ свой зазывала,
 Трое сутокъ ни пити, ни ѣсти хлѣба-соли не поборонила,
 Всѣхъ козаковъ, какъ бояръ, даровала,
 280) Давала рушники тваны и вышиваны,
 Заразомъ похороны и веселья отправляла,
 Козацкую славу прославляла.

8.

Иванъ Богославецъ, гетманъ запорожскій ¹⁾.

По мнѣнію Костомарова, въ эту думу перенесенъ изъ думы о Марусѣ Богуславкѣ разговоръ Ивана Богуславца съ невольниками: „сходство образа темницы и сидящихъ въ ней невольниковъ, говоритъ онъ, и еще болѣе, быть можетъ, сходство именъ *Богуславецъ* и *Богуславка* произвели это смѣшеніе“ ²⁾. Съ равнымъ основаніемъ, конечно, можно утверждать и обратное. Что касается сходства именъ, то, по нашему мнѣнію, обѣ думы—ничто иное, какъ два отрывка изъ недошедшаго до насъ въ цѣлости обширнаго эпоса о судьбѣ дѣтей одного семейства, можетъ быть, проживавшаго въ г. Богуславѣ. Въ вариантѣ, напечатанномъ въ I томѣ Историч. пѣсенъ Антоновича и Драгоманова, рассказывается о Богуславцѣ, что онъ сперва отказался отъ предложенія пани Кизлевской принять вѣру бусурманскую, когда же она приказала связать его „сыроу сырыцею“ и положить его передъ „праведнымъ сонечкомъ“, которое „стало прыгриваты, а сырая сырыця стала ссыхаты“, тогда Иванъ Богославецъ отрекся отъ вѣры христіанской и зажилъ

¹⁾ Дума эта дошла до насъ всего въ двухъ вариантахъ: одинъ напечатанъ въ I т. Истор. пѣсенъ малорус. народа, Ант. и Драг. 241—242, другой болѣе полный вариантъ въ рукописи Котляревскаго.

²⁾ Исторія козачества въ памятникахъ южнорусскаго пѣсеннаго творчества, (стр. 31, отд. отт.:скъ).

съ пани-Кизлевской. Итакъ, въ этомъ вариантѣ Иванъ Богуславецъ никто иной, какъ ренегатъ.

Ведеть онъ себя, какъ подобаеть ренегату, и въ думѣ Вересая о похищеніи изъ турецкой неволи¹⁾. По всей вѣроятности, въ то время, когда писалась извѣстная исторія Руссовъ Кошисскаго, ходила въ народѣ иная дума о Богуславцѣ: изъ нея авторъ этой исторіи могъ почерпнуть извѣстіе о писарѣ Богуславцѣ, который въ концѣ XVI в. „захваченъ былъ турками въ плѣнъ при г. Козловѣ, но послѣ запорожцами былъ выроченъ помощію Семиры, жены паши турецкаго: Семира выѣхала вмѣстѣ съ Богуславцемъ въ Малороссію и была его женой“²⁾. Ближе всего къ этому предполагаемому нами варианту стоитъ вариантъ Котляревскаго. Здѣсь Богуславецъ не увлекается „роскошью турецкою“ и тоже бѣжитъ на родину. Наружнымъ образомъ онъ принимаетъ вѣру бусурманскую, чтобы освободить себя и товарищей своихъ изъ неволи. Изъ ренегата онъ превращается въ героя: не только не увозитъ „Алканъпашевую, пани молодую“, но за оскорбленіе личной чести мститъ туркамъ, жителямъ города Козлова, и убиваетъ свою любовницу. Такимъ образомъ, если допустить, что во всѣхъ этихъ думахъ Иванъ Богуславецъ есть одно и то же лице, то мы имѣемъ предъ собою всю исторію его: въ такомъ случаѣ вариантъ Котляревскаго, какъ наиболѣе разработанный, могъ возникнуть только послѣ появленія думъ, изображавшихъ первоначальную исторію Богуславца.

-
- 1) Въ городѣ Козловѣ³⁾ стояла темница каменная,
7 сажень въ землю въ мурованная (sic),
У той темницѣ пробывало 700 козаковъ,
Бѣдныхъ невольниковъ.
- 5) Межъ ними безъ старшины козацкои не бывало,

¹⁾ Записки юго-зип. отдѣла кіевскаго географ. общества, I, 16—18. Въ исследований Костомарова эта дума названа думой о соколѣ.

²⁾ Исторія Руссовъ, Кошисскаго, 31—32.

³⁾ Козловъ—нынѣшняя Евпаторія, уѣздный городъ Таврической губ.

- Бувъ одинъ старшій старшиню Иванъ Богославецъ ¹⁾,
Гонимъ заворожскій.
- 10) Одидесятъ лѣтъ пробували въ неволи,
То Иванъ Богославецъ сидя соби думаетъ да гадаеть,
До козаковъ словами промовляетъ:
«Козаки, панове молодцы,
Що у насъ сегодня за день великая субота,
Завтра будетъ святой день—Великъ-день,
15) Будуть наши отцы рано вставати,
До Божого дому приступати,
Божіе слово выслухати,
Насъ, бѣдныхъ невольникввъ, помилуатъ .
То всѣ невольники тоє зачували,
20) Дробными слезами обливали,
Иванца-Богославца дяли-проклинали:
«Бодай ты себѣ, Иванецъ-Богославецъ, щастья в доли не малъ,
Що ты намъ сей прайдникъ отказалъ .
Иванъ-Богославецъ тоє зачуває,
25) Словами промовляє:
«Не лайте мене братцы, не проклинайте,
Може намъ, братцы, Богъ милосердний буде помогати,
Чи не будемъ мы съ неволи выступати?»
То въ недѣлю рано-пораненько
30) Алканъ-пашева турецкая отъ мужа оставала,
Свого мужа поховала,
До темниці прихожала,
Темницю отмикала,
Помежь невольниками похожала,
35) Иванца-Богославца за бѣлую руку брала,
Ще словами промовляла:
«Иванце-Богославче!
Коли бѣ ты свою вѣру христіанскую поломалъ,
А нашу бусурманскую на себя бралъ,
40) Уже бѣ ты въ городѣ Козловѣ пановалъ...
И бѣ твоихъ невольникввъ всѣхъ изъ темниці випускала,

¹⁾ Согласно съ исторіей Русовъ Ковнесскаго, Магичовичъ думалъ, что Иванъ Богославецъ участвовалъ въ походѣ Скалсзуба противъ турокъ въ 1583 году, см. Украинс. народ. пѣсни, 1834, 8.

Въ землю христіанскую хорошенько провожала.

Иванецъ-Богославецъ тое зачувае,

Словами промовляе:

- 45) «Алканъ-пашова, пани молодая!
Якъ не будешь ты мнѣ христіанскою вѣрою урѣкати,
Буду я тебя за жену до себе брати». .
То вже Алканъ-пашова, пани молодая,
7 недѣль хмелю не заживала,
- 50) Христіанскою вѣрою не урѣкала,
Всѣхъ невольниковъ изъ темницы выпускала,
Въ землю христіанскую хорошенько провожала.
Якъ стала на восьмой недѣле хмѣль заживати,
Стала съ молодыми турецкими панами гуляти,
- 55) Стала Иванчевы-Богославцевы христіанскою вѣрою урѣкати:
«Дивится, панове,
Якій у мене мужъ прекрасный,
Та виня у насъ побусурменплса для роскоши турецкой».
Иванецъ-Богославецъ тое зачувае,
60) До Чернаго моря швиденько прибѣгае,
Въ лодку сѣдае,
Козаковъ середъ Чернаго моря догоняе,
До козаковъ въ судно вступае.
Алканъ-пашева, пани молодая, до Чернаго моря прихожае,
65) Иванца-Богославца въ суднѣ забачае,
Дробными слезами обливае:
«Иванче-Богославче!
Бодай тебе Господь милосерднѣй на семъ свѣтѣ избавилъ,
Якъ ты мене, молоденьку, зрадилъ!»
70) То ще якъ стала темная ночь наступати,
Стали козаки до города Козлова назадъ прибувати,
Стали на турокъ на сонныхъ набѣгати,
Стали ихъ рубати,
Городъ Козловъ огнемъ—мечемъ воевати,
75) Стали турецкіе лехи разбивати,
Сребро-злато, дорогую одежду забирати,—
Сталъ Иванецъ-Богославецъ Алканъ-пашевую,
пани молодую, рубати,
Стали отъ пристани Козловской поспѣшати,
И ще до свѣта до города Сѣчи прибувати,

- 80) Въ городѣ Сѣчи сокровища турецкія раздѣляти,
 Стали уже козакъ словами промовляти:
 «Иванче-Богославче, гетмане запорожскій!
 Десять лѣтъ ты въ неволѣ пробувалъ,
 Ни одного козака не утерилъ!»
- 85) Вызволь, Господи, невольника изъ неволи
 На край веселый,
 Между миръ христіанскій!

9.

Кишка Самыйло ¹⁾.

Вопросъ о происхожденіи этой думы остроумно поставленъ и разрѣшенъ В. П. Науменкомъ ²⁾. На основаніи лѣтописныхъ извѣстій о Самыйлѣ Кишкѣ онъ пришелъ къ заключенію, что „плѣненіе Самыйла Кишки турками—фактъ историческій, который, по всей вѣроятности, случился въ началѣ XVII вѣка около 1620 года,—фактъ же бѣгства его изъ неволи ничѣмъ не можетъ быть удостовѣренъ“. Сопоставляя затѣмъ содержаніе одной италіанской брошюры, изданной въ Римѣ въ 1643 году, съ содержаніемъ думы о Самыйлѣ Кишкѣ, онъ нашелъ, что герой брошюры, нѣкій знатный офицеръ русинъ, по фамилии Симоновичъ, овладѣвшій турецкой галерой и освободившій себя и 207 невольниковъ христіанъ изъ польской Руси, подѣ влія-

¹⁾ Долгое время эта дума считалась иписит, не имѣвшимъ вариантовъ. Въ первый разъ напечатана она была Лукашевичемъ въ 1836 г. (Малорус. и Червонорус. думи и пѣсни 15—27), но разъ послѣ того она была перепечатана, какъ образецъ думы, самой обширной по объему и богатой по содержанію (Сборн. Украинск. пѣсенъ Максимовича, 1849, Изв. Акад. наукъ, т. II. 1853 г.; Историч. пѣсни малорус. народа Антон. и Драгом., т. I, 1874 г.). Только въ 1880 г. явились отрывки изъ вариантовъ ея въ изслѣдованіи Костомарова: Исторія козачества въ памяти. Чернорус. народ. пѣсен. творчества, (отдѣльный оттискъ, 16—30): одинъ изъ нихъ—печатанный также вариантъ Котляревскаго, другой—отрывочный и слудный—сообщенъ былъ Костомарову г. Зайкевичемъ, который записалъ эту думу въ Лубен. у. Полт. губ. Наконецъ въ Києв. Старинѣ за 1882 г. (декабрь, 505—507) напечатанъ былъ вариантъ, сходный съ вариантомъ Зайкевича, записанный г. Горленкомъ въ г. Лохвицѣ Полт. губ.

²⁾ Києв. Старина, 1883 г., июнь.

ніємъ разказовъ объ этомъ событіи невольниковъ, возвратившихся на родину, приуроченъ къ народному герою, Самыль Кишкѣ, о плѣненіи котораго существовалъ уже раньше рядъ сказаній. Эти соображенія подтверждаются вариантами Зайкевича и Горленка, въ которыхъ ренегатъ—дидъ Бутурлакъ представляетъ полнѣйшее сходство съ ренегатомъ брошюры, по имени Микулой: и тамъ, и здѣсь ренегаты, оставаясь въ тайнѣ вѣрными христіанской религіи, только лицемѣрятъ передъ турками и прогрю muti содѣйствуютъ своимъ единоплеменникамъ овладѣть галерой. Оказывается, что болѣе искаженные варианты ближе стоятъ къ первоначальной редакціи этой думы, если допустимъ, что на образованіе ея имѣли вліяніе рассказы невольниковъ, освобожденныхъ Симоновичемъ, котораго подвигъ приписанъ Самылю Кишкѣ. Нужно сказать однакоже, что и варианты Лукашевича и Котляревскаго представляютъ многія черты древности въ подробностяхъ, утраченныхъ вариантами Зайкевича и Горленка: таковы, напримѣръ, всѣ реальныя подробности, относящіяся къ описанію турецкой галеры и жизни невольниковъ на галерѣ,—таково въ особенности описаніе въ вариантѣ Лукашевича дѣлежа турецкой добычи, которое могло быть составлено только пѣвцомъ, близко знакомымъ съ дѣйствительностію. Что касается до сравнительной цѣнности обоихъ этихъ вариантовъ, то намъ она представляется въ такомъ видѣ. 1) Въ вариантѣ Котляревскаго рѣзче очерченъ типъ ренегата, суроваго и безпощаднаго: ренегатъ, изображенный въ вариантѣ Лукашевича, принадлежитъ къ разряду людей нерѣшительныхъ, колеблющихся, представляя переходныя черты отъ тайнаго врага турокъ (варианты Зайкевича и Горленка) къ преданному и вѣрному слугѣ ихъ, котораго по возвращеніи на родину козаки убиваютъ безъ всякой жалости (вариантъ Котляревскаго). 2) Самъ Самыло Кишка въ вариантѣ Котляревскаго напоминаетъ отчасти Ивана Богуславца: притворно, какъ и этотъ послѣдній, онъ „христіянску виру ламае, а Бога мылосерднаго въ сердци соби мае“.—По этому случаю Ляхъ-Бутурлакъ пьетъ и гуляетъ съ нимъ, что болѣе естественно, чѣмъ въ вариантѣ Лукашевича, гдѣ Ляхъ-Бутурлакъ послѣ отказа Кишки отъ принятія бу-

сурманской вѣры и послѣ наказанія его за это дѣлается съ нимъ напитками, присланными на галеру Алканъ-пашей. 3) Вообще вариантъ Котляревскаго менѣе подвергся амплификаціи, чѣмъ вариантъ Лукашевича. Сильное вліяніе на этотъ послѣдній оказала дума объ Иванѣ Богуславцѣ.

Оно очень замѣтно: а) тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о выходѣ козаковъ изъ галеры на берегъ для избіенія сонныхъ турокъ,— выходѣ неестественномъ и несогласномъ съ обстановкой событія, изображаемаго въ думѣ о Самыйлѣ Кишкѣ,—б) тамъ, гдѣ дѣвка Санджаковна, уже послѣ избіенія ея единоплеменниковъ, посылаетъ, стоя на пристани, упреки Алкану-пашѣ за ранній отъѣздъ его, не догадываясь, что онъ тутъ ни при чемъ. Справедливо говоритъ Костомаровъ, что „образъ пани Турецкой перенесенъ изъ думы объ Иванѣ Богуславцѣ въ думу о Самыйлѣ Кишкѣ по варианту Лукашевича и приложенъ къ дѣвкѣ Санджаковнѣ неумѣстно“,—впрочемъ, не потому, что дѣвка Санджаковна ведетъ себя не по турецки, а по украински: какъ въ той, такъ и въ другой думѣ, турецкимъ женщинамъ усвоены черты мѣстныя, украинскія.

Такимъ образомъ, въ четырехъ вариантахъ думы о Самыйлѣ Кишкѣ мы имѣемъ двѣ редакціи ея. Обѣ онѣ могли образоваться скоро послѣ событія, о которомъ повѣствуетъ итальянская брошюра, на почвѣ поэтическихъ преданій о Самыйлѣ Кишкѣ, несогласныхъ между собой въ изображеніи ренегата. Если допустить появленіе въ то время сперва одной редакціи, а потомъ другой, то преимущество древности нужно отдать полузабытымъ и искаженнымъ вариантамъ Зайкевича и Горленка. Но весьма можетъ быть, что первоначально всѣ варианты этой думы составляли одинъ цѣльный текстъ, распавшійся на двѣ редакціи, изъ коихъ каждая въ настоящее время имѣетъ по два варианта.

- 1) Изъ города Козлова до города Трапезона
Гуляла галера цвѣтковна-малевана,
Четырьма цвѣтами процвѣтанна,
Первымъ цвѣтомъ процвѣтанна —

- 5) Спними киндяками обвинанна,
Другимъ цвѣтомъ процвѣтанна,
Турецкою червоною габою обвинанна,
А третимъ цвѣтомъ процвѣтанна—
Христіанскою кровью фарбованна,
- 10) Четвертымъ цвѣтомъ процвѣтанна—
Неволицами осаженна,
Козацкими гарматами обрыштована.
У той галерѣ пробувало 700 турокъ-янычаръ,
Межь ними булъ старшій старшиною Алканъ-паша,
- 15) Трапезонское дити молодое.
Около той галеры пробувало 350 козаковъ-неволицковъ.
Уже они 40 лѣтъ въ неволѣ пробувають,
Объ землѣ христіанской ничего не знаютъ.
То межъ ними безъ старшины козацкой не бывало,
- 20) Только одинъ бувъ старшій старшиною,
Кишка Самойло, гетманъ запорожскій ¹⁾,
Другій бувъ старшій старшиною
Судья черкасскій Марко Грачъ ²⁾.
То уже тогда Алканъ-паша, трапезонское дити, добре
вниъ дбае,
- 25) На неволицковъ по два, по три кайдановъ набывае,
Березиною по голыхъ рукахъ христіанскихъ затывае,
Кровью христіанскою слѣды заливає:
«Добре вы, неволицники, дбайте,
Скорейше галеру до города Трапезона ³⁾ доганийте!»
- 30) Тогда неволицники за опасныи руками хватали,
Изъ глыба (sic) морской воды доставали.
Швидко галеру Чернымъ моремъ погонали,
До острова Тендера ⁴⁾ приганяли,
Противъ Кефы ⁵⁾ города на опочинокъ ставали,

¹⁾ Историческія справки о Самойлѣ Кошкѣ, кошевомъ запорожскомъ, см. Историческія пѣсни Антош. в Драгом, I, 227, а также статью Науменка: „Происхождение малорусской думы о Самойлѣ Кошкѣ“ (іев. Старина, 1883 г., Іюнь).

²⁾ Объ этомъ второстепенномъ лицѣ думы мы не имѣемъ никакихъ историческихъ свидѣній.

³⁾ Трапезунтъ—резиденція пашы, начальника эялета (намѣстничества).

⁴⁾ Тендеръ—низменный песчаный островъ противъ Кибурской косы.

⁵⁾ Кефа—городъ или же Кафа—нынѣшняя Феодосія.

- 35) Тамъ вони собі заночевали.
 То Алканъ-наши трапезонскому ополночи приснился сонъ
 чуденъ да пречуденъ,
 То Алканъ-наша отъ сна прочнае,
 Промежду турками-янычарами похожае:
 «Который бы межъ вами могъ сей сонъ отгадати,
 Могъ-бы я его великимъ паномъ наставляти,
 Що приснился миѣ сонъ чуденъ да пречуденъ:
 Видится, козаки-невольники монхъ турокъ-янычаръ всѣхъ
 порубали,
 Въ Черное море вкидали,
 А видится, Кишка Самійло, гетманъ Запорожскій, мене
 на руки бралъ,
- 45) Мени силечъ (sic) голонку снималъ,
 Въ Черное море вкидалъ».

 То межъ турками-янычарами никто не могъ сего сна
 отгадати,
 Только бувъ межъ ними старшій старшиною Ляшъ (sic)
 Бутурлака ¹⁾,
- 50) Полковникъ переяславскій,
 Недовѣрокъ христіанскій,
 А винъ клюшникъ галерскій,
 Той могъ сей сонъ отгадати,
 Сталъ словами промовляти:
 «Велю я тебѣ, пане молодой, изъ невольниковъ старые кайданы
 снимати,
- 55) А новыхъ по два, по три набивати,
 То будетъ твоя галера въ цѣлости пробувати».

 Тогда турки-янычаре изъ невольниковъ старые кайданы
 снимали,
 Новыхъ по два, по три набивали
 И скоренько до города Трапезона посиѣшали,
- 60) До дѣвки Санжаквины скоро приѣжали ²⁾.

¹⁾ Ляшъ Бутурлака — собственное имя изъ нарицательнаго *потурманъ* — отурченый, потурченный.

²⁾ „То есть къ невѣстѣ“ — примѣчаніе въ текстѣ рукописи. По варианту Лукашевича *дѣвка Санжаквиена*, дочь губернатора Козловскаго. Санжакъ состоялъ изъ вѣсколькихъ *киличей* — уѣздовъ.

- То Кншка Самійло отъ его пьяного съ запояса (sic) ключи
отобралъ,
Увсѣмъ (sic) невольникамъ въ руки подавалъ:
- 95) «Вы, братцы, сами себя отмыкайте,
Брязку не учиняте,
Ильаша (sic) Бутурлака не збудите». Тогда невольники сами себя отмыкали,
Брязку не учинили,
- 100) Ляша (sic) Бутурлаки не збуцили.
Тогда Кпшка Самійло Ляшу бутурлаца (sic) ключи до
нояса привязалъ.
О полночной годинѣ Алканъ-паша, дитя молодое, отъ
дѣвки Санжакивны изъ турками до галеры прибывае,
То вже самъ лягае,
Спочинае,
- 105) И только двухъ турокъ ради осмотрѣннѣ кайданъ посылае.
То турки мижъ невольниками поехали,
За кайданы руками не хватали,
До Алканъ-пашы прибывали,
Словами промовляли:
- 110) Теперь ты, пане нашъ молодой, спочивай,
«Только Ляша Бутурлаки ве забудай».
Турки пьяны бували,
Великимъ сномъ крѣпко спали.
Кншка Самійло изъ рукъ, изъ ногъ тогда кайданы спускае,
- 115) До невольниковъ словами промовлае:
«Невольники, изъ рукъ, изъ ногъ кайданы спускайте,
Брязку не учиняте,
Турокъ-иньчаръ не збудите,
Сабли булатные въ руки хватайте,
- 120) Туркамъ головы снимайте,
Въ Черное море вкидайте,
Только Ляша Бутурлака не займайте,
Для порядку козацкаго оставляйте.
Кпшко (sic) Самійло Алканъ-пашу, транезонское дитя
молодое, на руки бралъ,
- 125) Силечъ (sic) голову снималъ,
Въ Черное море вкидалъ,
Словами промовлялъ:

- «Аманъ-манна, трапезонское дѣла!
 130) Що тоби во снѣ снигось,
 То тебѣ во яви яствилосьъ.
 Тогда уже Кишко Самійло, гетманъ запорожскій, до коза-
 ковъ словами промовляе:
 «Ну-но жъ мы, братця, сію турецкую галеру отъ пристани
 трапезонской далѣ отгонати».
- Якъ стали Чернымъ моремъ поѣжжати,
 Стало ясне сонце снхожати (sic),
 135) Сталь Ляшъ-Бутурлака отъ сна прочинати.
 Тогда по галерѣ поглядаѣ (sic),
 Що ни одного турка немає,
 Тогда до козаковъ словами промовляе:
 «Козаки, панове-молодци!
 140) Нехай бы и могъ знати,
 Кого межъ вами паномъ назвати».
 Козаки словами промовляли:
 «Лише Бутурлако,
 Полковнику Переяславскій!
 Ты и самъ добре знаешъ,
 На-що ты насъ пытаешъ?»
 Тогда Ляшъ Бутурлака съ лнжка вставае,
 До Кншки Самійла пристунае:
 «Ей, гетмане запорожскій!
 150) Зрадивъ ты мене старого,
 И мого пана молодого».
- Кишка Самійло словами промовляе:
 «Якъ будешъ ты мени сее говорити,
 То буду я тебе въ Черное море живьемъ укидати,
 155) А то я тебя могъ для порядку козацкаго оставляти».
 Въ обѣдней годинѣ стало пхъ 9 галеръ турецкихъ зостречати,
 Сталь Ляшъ Бутурлака словами промовляти:
 «Кишко Самійло,
 Гетманъ запорожскій!
 160) Половину козаковъ въ кайданы забивай,
 А половину въ турецкое платье наряжай».
 Тогда Кишко Самійло половину козаковъ въ кайданы забывае,
 А половину въ турецкое платье наряжае,
 Ляхъ Бутурлака на чердакъ выхожае,

- 165) Турецкую короговъ выставляе,
 До турокъ-янычаръ словами промовляе:
 «Турки-янычари, не близко вы пробѣжайте,
 Цыте (sic), не кричите,
 Молодого пана моего не збудите,
- 170) Бо мій панъ цѣлу ночь съ дѣвкою Сапжакивною гуляе,
 А теперь винъ спочивае».
 Тогда турки-янычари тое зачували,
 За три версты галеры турецкыи отвертали.
 Тогда Лашъ Бутурлака словами промовляе:
- 175) «Ей, ну-те жъ, козаки, галеру швиденько до Сѣчи
 приганяйте,
 Щобъ не могли турки того дознати,
 Назалъ галеры привертати».
 Стали козаки галеру до города Сѣчи приганяти,
 Стали сѣчовые козаки тое забачати,
- 180) Стали вои пзъ пушокъ гремати:
 «Ну-мо мы, братци, сію турецкую галеру розбивати,
 Щобъ могли турки въ Черномъ море (sic) потопати».
 Лишь Бутурлака тое забачае,
 До Кишки Самойла словами промовляе:
- 185) «Кишко Самойло,
 Гетманъ Запорожскій!
 Ты межъ козаками пробуваешъ,
 Козацкихъ звычайъ не знаешъ...
 Цвѣтную козацкую крещату хороговъ на чердакъ выноси,
- 190) Будуть сѣчовые козаки тое забачати,
 Будуть нашу галеру козацкую крюками за лавки хватати,
 До берега ближе притягати,
 А то намъ доведеться на Черномъ море пронадати».
 Кишко Самойло червону короговъ крещату на чердакъ
 выставляе,
- 195) Сѣчовые козаки стали познавати,
 Стали въ лодки сѣдати,
 Стали близчѣ приѣзжати,
 За лавки галеру крюками хватати,
 Стали до берега ближе притягати,
- 200) Стали козаки съ галеры на берегъ выступати,

- Семене Скалозубе гетьмане до галеры ближче приступае¹⁾.
 Гетмана запорожского Самыла тамъ признавае,
 И ще до его словами промовляе:
 «Кышко Самыло, гетмане запорожскій,
 205) Сорокъ годивъ ты въ неволѣ пробувалъ,
 Ни одного козака изъ войска своего не утерпѣлъ». .
 Тогда Кышко Самыло изъ галеры выступае,
 Семена Скалозуба въ турецкую одежду нарижае,
 На (sic) козакпвъ словами промовляе:
 210) «Козаки, панове-молодцы! Лаша Бутурлаку изрубайте,
 А то мы тогда его не рубали,
 Що для порядку козацкаго оставили» .
 Прѣхалъ Кышко Самыло, гетманъ запорожскій, въ осени о
 Покровѣ,
 Та умеръ въ Филиповку объ Николаѣ.

10.

Пирятинскій Поповичъ Алексѣй ²⁾.

Древнѣйшіе элементы этой думы указаны Потебней. Так-
 ковы поэтическіе образы въ самомъ началѣ ея, стоящіе въ не-
 посредственной связи между собою: *море, бѣлый камень*, на
 которомъ сидитъ *соколъ*; онъ смотритъ на море и „квылыть—

¹⁾ Скалозубъ Семень, кошевой запорожскій, жившій во второй половинѣ XVI вѣка: см. замѣтку о немъ въ Историч. пѣс. малорус. народа. Антоп. и Драгом., I, 228.

²⁾ Есть много вариантовъ этой думы. Полти всѣ они помѣщены въ изданіи Антоновича и Драгоманова: Историч. пѣсни малорус. народа, 1874 г., 176—201. Здѣсь не достаетъ только 1) варианта, довольно скатаго, помѣщеннаго у Цертелеса (Опытъ собранія старин. малор. пѣсенъ, 1819, 26—29), 2) варианта Котляревскаго и 3) варианта, помѣщеннаго въ сборникъ пѣсенъ, издавпныхъ Кирѣевскимъ, 1860 г., вып. IV, приложение, стр. XXIII—XXVI, который отличается отъ всѣхъ вариантовъ нѣкоторыми особенностями: Алексѣй Поповичъ предлагаетъ козакамъ не просто бросить его въ море, но отрубить ему сперва голову, и потомъ бросить тушь его въ море,—когда же козаки на это не согласились, то онъ самъ проситъ ихъ „хочъ на ливий руки“ отрубить мизинный палець—и пустить въ Черное море кровь Христіанскую: когда море начнетъ „кровь христіанскую учувати“, говорятъ онъ, тогда „Господь Милосердный буде насъ ратувати“. Не сказано, сдѣлали ли это козаки, сказано только, что море утнуло.

проклятае“, потому что видеть на морѣ бурю, которая „корабль потопляе¹⁾“. Особенно любопытно сходство поэтических мотивовъ, лежащихъ въ основаніи нашей думы и болгарской пѣсни о Станкевичѣ Дукѣ, а также цѣлаго ряда Сербскихъ пѣсенъ²⁾. Это послѣднее сопоставленіе переводитъ вопросъ о происхожденіи думы объ Алексѣѣ Поповичѣ на почву фольклорныхъ заимствованій, оставленныхъ Потемной безъ объясненій.

Не менѣе любопытны соображенія, высказанныя многими учеными о генетической связи между былиннымъ Алешей Поповичемъ и малорусскимъ Олексіемъ Поповичемъ³⁾. Все это съ большею или меньшею вѣроятностію указываетъ на сложный составъ нашей думы, переработанный пѣвцами въ своеобразномъ стилѣ казацкаго эпоса. На малорусской почвѣ прозвище Поповичъ могло найти поддержку и въ томъ обстоятельстве, что творцу думы о бурѣ на Черномъ морѣ необходимо было грамотное лицо, которое скрѣпило бы обычную семейную мораль, выраженную въ думѣ, авторитетомъ „святого письма“, а имя *Олексій*, какъ извѣстно, пользуется большою популярностью между лирниками и кобзарями, поющими извѣстный стихъ объ Алексѣѣ, божьемъ человѣкѣ. Есть, впрочемъ, варианты этой думы, въ которыхъ рѣчь идетъ не объ Алексѣѣ Поповичѣ, а о двухъ братьяхъ, застигнутыхъ бурей на Черномъ морѣ⁴⁾. Въ минуту опасности они исповѣдываютъ другъ другу грѣхи свои, и буря утихаетъ. Грѣхи у нихъ тѣ же, что и у Алексѣя Поповича, нравоучительную мысль они высказываютъ ту же, что и Алексѣй Поповичъ. Конечно, варианты съ именемъ Алексѣя Поповича имѣютъ преимущество древности, въ особенности тѣ пѣзъ нихъ, въ которыхъ упоминается объ умилостивленіи бушующаго моря цѣ-

¹⁾ Объясненіе малорус. и сродныхъ народныхъ пѣсенъ, II, 301.

²⁾ Ibidem, 305—310.

³⁾ Въ первый разъ высказаны они въ голословной формѣ Безсоновымъ въ приложеніяхъ къ IV выпуску пѣсенъ, собранныхъ Кирѣвскимъ (XX—XXVII), повторены Л. Майковымъ и О. Миллеромъ, — развиты и научнымъ образомъ мотивированы А. Н. Веселовскимъ (Южнорус. былинн., III—XI, 279) и Н. П. Дашкевичемъ (Чтенія въ историч. обществѣ Нестора Лѣтописца, 1889 г., кн. IV, 60—62).

⁴⁾ Историч. пѣсип малорус. народа, Антоновича и Драгоманова, I, 190—200.

ною жизни Алексѣя Поповича. Не нускаясь въ обширную область мнѳологическихъ сближеній, указываемъ на то обстоятельство, что въ думѣ преданіе о жертвѣ морю отозвалось въ смягченной формѣ: козаки приготовили Алексѣя Поповича въ жертву морю, но ограничились тѣмъ, что пустили только кровь въ море изъ его мизиннаго пальца.

- 1) На черномъ море,
На бѣломъ камени,
Сидитъ ясенъ соколъ,
Квилить, дуже проквиляеть,
- 5) На Чорное море псишля поглядаетъ,
Что на Чорномъ море не добре починаеть:
На святомъ небѣ всѣ звезды помрачило,
Половина мѣсяца въ тьму встушило,
Изъ чистаго поля буенъ вѣтеръ повѣваетъ,
- 10) На Черномъ море супротивну валечну филю изрываетъ...
Скоро супротивную валечну филю сорвало,
Козацкое судно на три части розбивало:
Первую часть отбило,
Въ дунайское гырло забило ¹⁾),
- 15) А другую часть отбило,
Въ Араискую землю заносило,
Третію часть середь Чорнаго моря потопило..
На той части потонаеть триста пятьдесятъ козаковъ,
Межъ ними безъ старшины козацкой не бывало,
- 20) Только былъ одинъ старшій старшиною Грицко
Зборовскій ²⁾),
Гетманъ запорожскій Коломиенко ³⁾),
А другой былъ старшиною Алексѣй Поповичъ
Ширитинскій,

¹⁾ „Чортове око“—примѣчавіе записавшаго думу.

²⁾ Грицкомъ Зборовскимъ названъ въ думѣ извѣстный авантюристъ польскій Самуэль Зборовскій, бывшій кошевымъ запорожскимъ въ восьмидесятихъ годахъ XVI вѣка. См. о немъ Историч. писни малорус. народа, Авточ. и Драгом. I, 202, а также Pamiętniki o Sam. Zborowskim, zebrane przez L. S., Poznań, 1844 г.

³⁾ Коломиенко—тотъ-же Зборовскій, такъ какъ родомъ онъ былъ изъ Коломиі (изъ г. Злочева).

Козаче войсковый,
Писарь ліістровый.

- 25) То якъ стало судно потопати,
Сталь Грицко Зборовскій на чердакъ выходати,
Сталь словами промовляти:
«Козаки, панове молодцы!
Который межъ вами козакъ найбільшій грѣхъ соби мае,
30) Може черезъ того наше судно козацкое потопаетъ,
То добре вы, братцы, дбайте,
Милосердному Богу, и Черному морю и всему выйску днѣпро-
вому, и мнѣ, атаману кошевому, грѣхъ свой открывайте:
Нехай вы будете одинъ въ море потопати,
За собою войска козацкаго, запорожскаго не занавашати!»
- 35) То всѣ козаки замолчали,
Бо ни одинъ въ грѣхахъ не чували,
Тылько обызвется одинъ Алексѣй Поповичъ ширятинскій,
Козаче высковый (sic),
Писарь ліістровый:
- 40) «Добре вы, братцы, дбайте,
Изъ того тугого лука шелковую тетпву изнимайте,
Назадъ мнѣ руки козацкіе завяжите,
До шеп тяжкій камень привяжите,
Чернымъ оксамытомъ мнѣ очн завяжите,
45) Та въ Черное море меня упустите:
Нехай я буду въ Черномъ море потопати,
За собою выйска козацкаго не занавашати.»
- Тогда козаки тое зачували,
Словами промовляли:
- 50) «Алексѣю, Поповичу Ширятинскій!
Ты святое писъмо читашъ,
Нась, простыхъ людей, на все добре научаешъ:
На що соби великій такий грѣхъ уже маешъ?
Алексѣй Поповичъ тое зачуває,
Словами промовляє:
«Хочъ я святое писъмо читаю
И васъ, простыхъ людей, на все добре научаю,
Я соби найбільшій всѣхъ васъ грѣхъ маю:
Що я отъ отца своего, отъ паниматки изъ города Ширятина
въ охотное войско выѣждаль,

- 60) Я съ отцемъ и паннматкою прощенія не принималъ,
Я отца своего и маминатку стременими въ груди отъ
себя отпихалъ,
Старшого своего брата зневажалъ,
Старшую свою сестру сильно проклиналъ,—
Що я, панове, самъ не добре починалъ,
- 65) Что кровь христіанскую безъневинно пролпвалъ,
Но городу Пирятину поѣзжалъ, дѣтокъ маленькихъ
добрымъ конемъ розбивалъ:
Отъ тѣмъ мене Господь милосердный на великой
потребѣ поваралъ» .
То Грпцко Зборовскій тое зачуває.
- 70) Словами промовляе:
«Козаки панове-молодцы,
Добре вы, братца, дбайте,
Алексѣя, Поповича пирятинского, на чердакъ выводите,
Справой (sic) руки пальца-мизинца урубайте,
- 75) Христіанскон крови въ Черное море впускайте:
Якъ будетъ Черное море кровь христіанскую пожирати,
То буде на Черномъ море супротивна валечна филя утихати» .
Тогда козаки добре дбали,
Алексѣя, Поповича пирятинского, на чердакъ выводили,
- 80) Справой руки пальца-мизинца урубали,
Христіанскую кровь въ Черное море впускали...
Стало Черное море кровь христіанскую пожирати,
Стала на Черномъ море супротивная валечная филя утихати,
Стало судно козацкое, нибѣ рукамп, на берегъ выпадати,
- 85) Стали козаки изъ судна на песокъ выходити,
Стали въ четыре ряды на песку становити,
Сталъ Алексѣй, Поповичъ пирятинскій, межъ всѣми
козакамъ прохожати,
Сталъ до козаковъ словами промовляти:
«Щасливой то человекъ въ свѣтѣ буває,
- 90) Отцовой-паннматчпной молитвы почитае,
Отца и матери молитва изо дна моря душу вынимае,
Отъ грѣховъ сумертвенныхъ (sic) откушляе,
Предъ Праведнымъ Судією поставляе...»

Атаманъ Матяшъ старый.

Мы не имѣемъ вариантовъ къ этой думѣ, поэтому о текстѣ ея ничего не можемъ сказать положительнаго. Замѣтимъ только, что едва-ли могла имѣть мѣсто въ первоначальномъ текстѣ думы сказочная гипербола о томъ, что Атаманъ Матяшъ и его двѣнадцать козаковъ побѣждаютъ цѣлыя тысячи турокъ. Самъ Матяшъ есть лице, неизвѣстное въ исторіи. Событіе, о которомъ рѣчь идетъ въ думѣ, относится къ числу заурядныхъ явленій въ пограничныхъ столкновеніяхъ козаковъ съ татарами и турками.

- 1) На устьи Самары—Богу ¹⁾
Семенова козацкаго рогу ²⁾
Уси поля самарскія пожарами погорѣли,
Только два терны-байраки не горѣли,
Що подь собой гостей великихъ имѣли:
- 3) Тамъ пробувало 12 козаковъ бравославцевъ-небувальцовъ ³⁾.
Межь ними былъ Атаманъ Матяшъ старенькій.
Стали козаки вечера дожидати,
Стали терновые огни раскладати,
Стали по чистому полю кони козацкіе пускати.
- 10) Стали козацкіе седла отъ себе далеко откидати,
Стали козацкіе семипядные лицади по-за кустами ховати.

¹⁾ Костомаровъ, измѣнивъ слова подлинника (на устьи Самарки-Богу), предполагалъ въ Самарѣ рѣчку Сааранку, впадающую въ р. Бугъ (Исторія козачества въ произведеніяхъ народ. пѣсен. творчества, отд. отгисскъ, 48). По нашему мнѣнію, топографія думы затмилась въ сознаніи позднѣйшихъ пѣвцевъ ея.

²⁾ Въ исторіи о козакахъ запорожскихъ кн. Мишецаго находимъ интересную замѣтку объ этой мѣстности: „Вышелъ изъ Польши одинъ человекъ, именемъ Семень, на устье Бугъ рѣкъ, въ Лиманъ, на одну косу, которая коса и донинѣ зовется Семеновъ рогъ, для своихъ промысловъ, и будучи на оной косѣ одно лѣто, пришелъ домой, и какъ провѣдали тамошнее довольствіе ближніе его сосѣди, то передались къ нему человекъ болѣе ста для оныхъ промысловъ, а одного Семена стали у себя имѣть атаманомъ“ (стр. 1—2).

³⁾ Козаки *бравославци-небувальци*, вѣроятно, Браславци, не бывавшіе въ военныхъ походахъ.

Атамана Матяшъ старенькій тоє зачуває,

Словами промовляє:

«Козаки, панове молодци!

Не безпечно вы майте,

Козацкихъ коней изъ препона не пуцайте,

Сѣдла козацкія подъ головы покладайте,

Бо се долина Кайнарская,

20) Недалече здесь земля татарская.

Тогда козаки съ Атамана Матяша насмѣляли:

Десь ты, Атамане Матяшу старенькій, межъ козаками не бывалъ,

Де-сь ты козацкои каши не їдалъ,

Де-сь ты козацкихъ звычайевъ не зналъ,

25) Що ты намъ козакамъ бравославцамъ, великій страхъ задалъ.

Тогда Атаманъ Матяшъ отъ нихъ далеко отступалъ,

Терновый огонь роскладавъ,

Коня своего козацкого осядалъ,

Били себе препиналъ.

30) То саме въ ночи зождавъ малую годинку, невелику часнику,

Якъ не буйные вѣтры повѣвали,

Якъ турки-янычары съ чистаго поля въ долину пришали,

12 козаковъ бравославцевъ-небывальцевъ въ полонъ забрали.

Атаманъ Матяшъ старенькій на добраго коня сѣдаєть,

35) 6 тысячъ турокъ-янычаръ побѣждаетъ,

Бравославцевъ-небывальцевъ изъ полону отбиваетъ,

Щей словами промовляєть:

«Козаки бравославцы-небывальцы!

На кони козацкіе сидайте,

40) Миѣ, старому, помощи давайте!»

Тогда козаки на кони сидали,

4 тысячи безбожныхъ бусурмановъ побѣждали,

Сребро и золото турецкое отъ нихъ забирали,

До города Сѣчи свиденько (sic) поспѣшали,

45) Въ городѣ Сѣчи безпечно себе мали,

Серебро и золото турецкое между собою раздѣляли,

За Атамана Матяша Господа-Бога прохали:

«Десь твои мати въ небѣ пресвятилась,

Що тебе ¹⁾ породила,

¹⁾ Слово не разобрало. Кажется—„тебе млицра да породила“.

- 50) Що ты въ чистомъ поле пробувавъ,
Изъ насъ, бравославцевъ-небывальцовъ, ни одного козака изъ
войска не утерялъ.

12.

Вдова Сирка Ивана.

Дума эта сохранилась только въ рукописи Котляревскаго. Но о сыновьяхъ Ивана Сѣрка были, вѣроятно, пѣснопѣнія народныя, судя по нѣсколькимъ стихамъ, уцѣлѣвшимъ въ думѣ объ Иванѣ Богуславцѣ, которая записана была г. Носомъ въ Ковотоцѣ; начинается она обращеніемъ къ Сирку Роману, о которомъ горюетъ мать его Сирчиха въ печатаемой ниже думѣ, какъ объ умирающемъ своемъ сынѣ:

«Ой Лымане, Лымане,
Ты, Сирку Романе,
Да гей же ты, Сирку Романе!
Ой що будемъ робыты.
Нема козакамъ по чарци горилки де взиты,
Да гей же, де взиты!»¹⁾

Стихи эти не имѣютъ никакой связи съ дальнѣйшимъ содержаніемъ думы.

Трагическое положеніе матери-Сирчихи обрисовано въ думѣ Котляревскаго просто и сильно. Безъ всякаго сомнѣнія, Гоголь могъ ничего не знать о Сирчихѣ, но поэтическимъ чутьемъ своимъ, воспитаннымъ на малорусскихъ народныхъ пѣсняхъ, понялъ состояніе души ея, когда рассказывалъ о женѣ Тараса Бульбы, которая „приникла къ изголовью дорогихъ сыновей своихъ, лежавшихъ рядомъ, глядѣла на нихъ вся, глядѣла всѣми чувствами, вся превратилась въ одно зрѣніе и не могла наглядѣться.... На мигъ только она жила любовью, только въ первую горячку страсти, въ первую горячку юности, и уже суровый прельститель ея погидаль еѣ для сабли, для товарищества, для

¹⁾ Историческія пѣсни Антоу. в Драгоманова, 1874. I, 211

бражничества“.... Съ Ивана Сирка какъ будто-бы писалъ Гоголь портретъ Тараса Бульбы. Тотъ думъ документальный, но въ текстѣ ея есть слѣды искаженія (см., напр., стихи 48, 49, 50).

- 1) Въ городѣ Мерэфѣ ¹⁾ жила вдова,
Старенькая жена,
Сирчиха—Иваниха,
Она 7 лѣтъ пробувала
Сирка Ивана въ очи не видала ²⁾.
- 5) Только соби двоихъ сыновъ мала,
Первого сына Сирченка Петра,
Другова (sic) сына Сирченка Романа,
Она ихъ до зросту держала,
- 10) Ище отъ нихъ славы—памяти по смерти сиодивала.
Якъ сталъ Сирченко Петро выростати,
Сталъ своей мати (sic) старенькой питате:
«Мати моя, старая жено,
Сколько я у тебѣ перебуваю,

¹⁾ „Къ Дону“—вставка въ текстѣ рукописи. Мерефа городъ—нижнѣ козацкая слобода, при р. Мерэфѣ, Харьковскаго уѣзда.

²⁾ О Сиркѣ Иванѣ см. выше. Въ дополненіе къ характеристикѣ этого знаменитаго героя Украинны выписываемъ изъ лѣтописи Велычка извѣстіе о смерти и погребеніи его: „Того жъ лѣта (1680) Иванъ Сѣрко, славный Атаманъ кешовій, въ Грушовѣцѣ, пасѣцѣ своей, чрезъ нѣкоторое время поболѣвши, преставился отъ жизни сѣя августа 1, и припрыважениій водою до Сѣчи Запорожской, и погребенъ чесно всѣмъ войскомъ Низовымъ Запорожскимъ въ полю за Сѣчою, гдѣ инное товариство запорожское погребалося. Погребенъ тежъ знаменито августа 2, зъ многю арматною и мушкетною стрѣлою и со великою всего войска Низового жалостію, яко по томъ вождю своемъ справномъ и щасливомъ, который отъ младости ажъ до старости своея военными бавачися промислами, не только значне Кримъ воевалъ и нѣкоторіи въ немъ полагалъ гради, таже и въ поляхъ дикихъ на розвахъ мѣсцахъ многіе татарскіе громилъ чамбули, и плѣвненій аспръ Християнскій отгромилъ, але и въ Червое море лотками вилнувши, на розныхъ мѣсцахъ не маліе Бѣсурманамъ чинилъ шкоди и раззоренія, а по морю Чорному кораблѣи и катаревъ, зъ Константинополю въ Кримъ, Азовъ и на нинѣ мѣсца плавучіе,—громилъ и зъ великими здобычами щасливе зъ войскомъ запорожскимъ до коша своего повертался, которого все войско зѣло любило и за отца своего почитало. Погребши же его, яко вишей рѣкомъ зъ жалостію, значную надъ нимъ могла виспало, и крестъ камениій на ней поставило, зъ шасжитицъ имени и лѣтъ его поднисомъ“. (Ст. 2, Стр. 497—498).

- 15) Отца своего, Сирка Ивана, въ очи не выдаю:
 . . . Нехай бы я могъ знати,
 Гдѣ своего отца, Сирка Ивана, шукати».
 Вдова стара промовляла:
 «Пошой (sic) твой отецъ до стародавняго
 Тору ¹⁾ пробувати,
- 20) Тамъ сталъ онъ свою голову козацкую покладати».
 То вже Сирченко Петрѣ тое зачувае,
 Плипа Мерефіянскаго съ собою подмовляе,
 Голуба Волошина за джуру ²⁾ у себе мае.
 Стали вони до стародавняго Тору приѣзжати,
 25) Атамана Торскаго, Яцка Лохвицкаго познавати;
 Отамане Торскій, Яцко Лохвицкій, въ куреня вихожае,
 Словами промовляе,
 Сирченка Петра познавае:
 Сирченку Петре, чого ты сюда приѣзжаешь,
 30) Десь ты своего отца, Ивана шукаешь?»
 Сирченко Петро словами промовляе:
 «Отамане Торскій, Яцко Лохвицкій ³⁾
 Я 7 годъ пробуваю,
 Отца своего, Сирка Ивана, въ очи не выдаю».
- 35) То вже Сирченко Петро съ козаками опрощеніе приймае,
 До трехъ зеленыхъ байракивъ прибувае.
 Козаки до Сирченка Петра словами промовляли:
 «Сирченку Петре, не безиѣчно себе май,
 Коней своихъ козацкихъ отъ себе не пускай».
- 40) А Сирченко Петро на тее не повѣряе,
 Подъ тернами байраки (sic) легае (sic) — сиочивае,
 Кони свои козацки далеко отъ себѣ пускае,
 Только Голуба Волошина до коней посылае.
 Турки тое забачали,
 45) Изъ тернивъ, въ байракивъ выбегали,
 Голуба Волошина у полонъ до себе брали,

¹⁾ „Рѣка“ вставка въ текстѣ рукописи. Торъ — заштатный городъ Славянскъ Харьковской губ., на р. Торѣ: это была козацкая стоянка на границѣ между Московскимъ государствомъ и татарскою стенью.

²⁾ „Слуга“ — вставка въ текстѣ рукописи. — Волошинъ — молдаванинъ.

³⁾ О вт. ростепенныхъ лицахъ думы — Пилипѣ Мерефіянскомъ и Яцкѣ Лохвицкомъ — мы не имѣемъ никакихъ историческихъ указаній.

Ище словами промовляли:

«Голубе Волошине! Не хочемъ мы ны (sic) твоихъ коней вороныхъ,

Хочеть мы добре знати,

60) Щобъ твоего пана молодого изрубати».

Голубъ Волошинъ словами промовляе:

«Турки!

Коли можете вы мене отъ себе пускати,

Могу я самъ ему сплечь голову сняти»

55) Турки того дознали,

Голуба Волошина отъ себе пускали.

Голубъ Волошинъ до Сирченка Петра пробувае,

Словами промовляе:

«Сирченку Петре, пане молодой,

60) На добраго коня сѣдай,

Межь турками посиѣшай!»

Не успѣлъ Сирченко Петре межъ турки-нычари обѣгати,

Могъ ему Голубъ-Волошинъ сплечь голову сняти.

Тогда турки Пявпа Мерефiанскаго округъ остунали,

65) Сплечь голову козацьку снимали,

Козацьке тѣло посѣкли-порубали.

Козаки стародавние тое забачали,

На добрые кони сѣдали,

Турокъ побѣждали,

70) Козацьке тѣло нозбирали,

До стародавняго куреня привозили,

Суходоль саблями копали,

Шапками-приполами землю носили,

Козацкое тѣло скоронили.

75) Атаманъ Торскій, Яцко Лохвицкій, тое зачувае.

До вдовы старенькой, Сирчихи-Иванихи, въ городъ у Мерефу

письмо посылае,

Сирчиха-Иваниха писмо читае,

Словами промовляе,

Къ сырой землѣ крыжемъ упадаеть,

80) «Что вже теперъ на моей головѣ три печали пробувае:

Первая печаль, что я 7 годъ пробувала,

Сирка Ивана въ очи не видала,

Другая печаль, что Сирченка Петра на свѣтѣ живого немає,

Третья печаль, что Сирченко Романъ умирае».

Разговоръ Днѣпра съ Дунаемъ.

За отсутствіемъ вариантовъ этой думы, а также указаній въ самомъ содержаніи ея на историческія лица и событія, мы не можемъ даже приблизительно опредѣлить первоначальную редакцію ея.

- 1) Пытается Днѣпръ тихаго Дунаю:
 «Тихій Дунаю,
 Что я своихъ козаковъ на тебѣ не выдаю?
 Чи твое дунайское гирло моихъ козаковъ пожерло,—
- 5) Чи твоя Дунай-вода моихъ козаковъ забрала?»
 Промолвить тихій Дунай до Днѣпра-Славути (sic)¹⁾:
 «Днѣпръ-батьку, славуго!
 Самъ себѣ думаю да гадаю,
 Что твоихъ козаковъ у себѣ не выдаю:
- 10) Уже четверь (sic) года три мѣсяца выбывае,
 Якъ твоихъ козаковъ у меня немає,
 Ни мое дунайское гирло твоихъ козаковъ не пожерло,
 Ни моя дунайська вода твоихъ козаковъ не забрала,
 Ихъ турки не постреляли, не порубали,
- 15) До города-цари въ полонъ не забрали...
 Всѣ мои квити луговые и впзовые понидели,
 Что твоихъ козаковъ у себя не видѣли.
 Твои козаки на черкеской горе пробувають,
 Холодной воды въ барила набирають,
- 20) Шляхи и дороги замѣчали,
 Города бусурменски плюндрували,
 Огнемъ мечемъ воевали,
 Сребра-злата по достаткахъ набирали,
 До рѣчки Хортеци прибывали,
- 25) Велику переизраву собі мали,
 До стародавньої Сѣчи послѣшали,

¹⁾ *Славути-Днѣпръ*—старинный эпитетъ Днѣпра, перешедшій въ думы изъ поэтическихъ преданій кievской эпохи.

У стародавній Сѣчи очертою (sic) сѣдали,
 Сребро и злато турецьке на три части паввали.
 Медь и оковиту горѣлку подиввали,
 30) За весь миръ Господа прохали...
 Которе козаки чистымъ полемъ гуляли,
 Рѣчки впововы, помощивцы дѣвировы, добре знали...

Подведемъ итоги наблюденіямъ нашимъ надъ текстомъ малорусскихъ думъ по рукописи А. А. Котляревскаго.

Собственно говоря, наглядно-документальный интерес представляютъ въ ней три новыя думы, которыя не извѣстны были собирателямъ народныхъ малорусскихъ пѣсень. Что касается до вариантовъ къ извѣстнымъ уже думамъ, то они въ большинствѣ случаевъ *редактированы* позже, чѣмъ многіе другіе варианты, *записанные* позже, поэтому не подлежитъ никакому сомнѣнію, что и во второй половинѣ XIX вѣка не потухла еще въ пѣвцахъ народныхъ думъ поэтическая искра, въ которой довольно явственно можно различать отраженіе стариннаго поэтическаго творчества. Мы имѣли въ виду уловить это отраженіе посредствомъ сравненія думъ, помѣщенныхъ въ рукописи Котляревскаго, съ вариантами ихъ рукописными и печатными. Мы старались опредѣлить, такъ сказать, первоначальное гнѣздо каждой думы и такимъ образомъ приблизительно указать первоначальную редакцію ея, созданную мѣстными потребностями мысли и жизни. Само собою разумѣется, что, называя тотъ или иной вариантъ извѣстной думы первоосновой ея, мы желали только выдвинуть этотъ вариантъ, какъ наиболѣе близкій къ первоосновѣ, которая по свойству устнаго поэтическаго творчества никогда не можетъ быть открыта въ ея неприкосновенности. Вообще же при опѣнкѣ разныхъ вариантовъ мы не переходили за черту тѣхъ данныхъ, которыя даетъ намъ ближайшая, собственно козацкая старина, предоставляя другимъ болѣе насъ компетентнымъ силамъ искать въ думахъ отзвуковъ старины болѣе отдаленной. Руководствовались мы въ своемъ трудѣ разными соображеніями.

I. Варианты, въ которыхъ сохранились намеки на докозапную старину, мы считали древнѣе тѣхъ вариантовъ, въ которыхъ при единствѣ и даже тождествѣ текста нѣтъ этихъ намековъ.

II. Варианты, не отступающіе отъ основной темы и не осложненные подробностями, хотя бы и согласующимися съ темой, но, во всякомъ случаѣ, второстепенными, мы тоже считали ближе стоящими къ первоосновѣ думы.

III. Если въ пѣсняхъ развивается мотивъ семейный, обыкновенно замѣняемый въ думахъ мотивомъ общественнымъ, то отсюда мы дѣлали заключеніе, что дума образовалась изъ пѣсни, при чемъ ближе къ моменту образованія ея стоять, по нашему мнѣнію, тѣ варианты, въ которыхъ менѣе развитъ мотивъ общественный.

IV. Думы, тождественныя по содержанію съ пѣснями, но съ обычной правоучительной мыслью, мы считали переработкой пѣсеннаго матеріала, а тѣ варианты думъ—болѣе древними, которые по своему содержанію ближе стоять къ пѣснямъ.

V. Если же фабула думы возникла независимо отъ пѣсенъ и только усвоила изъ нихъ тѣ или другіе поэтическіе образы, то на этомъ основаніи мы дѣлали противоположное заключеніе, полагая, что ближе стоять къ первоначальной редакціи такой думы тѣ варианты ея, въ которыхъ нѣтъ вставокъ изъ пѣсенъ. Иногда подобныя вставки появляются не изъ пѣсенъ, а изъ другой какой-нибудь думы, гдѣ онѣ органически связаны съ ея главнымъ сюжетомъ: въ такомъ случаѣ намъ казались болѣе древними тѣ варианты думы, которые вполне свободны отъ всякихъ вставокъ.

VI. Впрочемъ, и въ вариантахъ, подвергшихся вліянію другихъ думъ и заключающихъ въ себѣ ненужныя изъ нихъ вставки, сохраняются иногда черты древности, всегда ощутимой въ реальномъ изображеніи мелочей жизни, которыя могли быть извѣстны только лицу, жившему въ очень давнее время. Иногда въ полузабытой и краткой редакціи есть слѣды первоосновы, которая въ давнее время могла распастись на двѣ редакціи. Чѣмъ рѣзче отличается одна редакція отъ другой, тѣмъ болѣе давнимъ нужно считать это распаденіе.

VII. Варианты, изображающіе козака-воина въ суровой простотѣ козацкаго быта, по нашему мнѣнію, ближе стоятъ къ первоначальной редакціи думы, чѣмъ тѣ варианты, въ которыхъ тотъ-же козакъ является уже въ болѣе роскошной обстановкѣ козацкой старшины.

VIII. Если въ цѣломъ рядѣ вариантовъ нравственныя черты дѣйствующихъ лицъ вырисовываются съ возрастающей ясностію и отчетливостію, и мы видимъ предъ собою какъ бы цѣлый процессъ обработки характеровъ, то варианты менѣе обработанные мы должны были считать болѣе древними—конечно—при полномъ отсутствіи въ нихъ слѣдовъ искаженія и явнаго забвенія первоначальнаго текста.

IX. Иногда въ разныхъ вариантахъ одно и то же лицо изображено въ разные моменты его жизни, при чемъ измѣняются, какъ положеніе, такъ и поступки этого лица: въ такомъ случаѣ мы допускали исходный моментъ, а вариантъ, въ которомъ воспроизведенъ этотъ моментъ, считали древнѣйшимъ.

Однимъ словомъ, руководящею нитью въ анализѣ думъ служило для насъ то положеніе, что болѣе простое предшествуетъ болѣе сложному, а такъ какъ форма думы сложнѣе, чѣмъ форма обыкновенной пѣсни, то первоначальнымъ моментомъ въ литературной исторіи думъ нужно считать нравственную потребность пѣвцовъ воспользоваться пѣсеннымъ матеріаломъ для правоучительныхъ или же общественныхъ цѣлей. Но, создавая новую поэтическую форму, они должны были обладать такимъ складомъ мысли, который заключалъ въ себѣ нѣчто новое, если не совсѣмъ чуждое народному пѣсенному творчеству, то мало присущее ему.

Подъ этимъ *мычто* мы разумѣемъ *рефлексію*, склонность къ обобщенію явленій жизни, воспитанную книжными вліяніями, которыя изъ старинной южнорусской школы направлялись къ народной массѣ разными путями. На этой почвѣ взаимодействія народнаго и школьнаго міровоззрѣнія, пѣсеннаго и виршеваго творчества, выработались техническіе приемы *думнаго* творчества, о которыхъ мы говорили въ первой главѣ нашего изслѣдованія. Такимъ образомъ, въ этомъ послѣднемъ творествѣ

мы должны признать литературный актъ, закрытый отъ насъ осложненіями устной передачи. Конечно, мы не имѣемъ возможности выдѣлить его въ видѣ указанія на самодѣтельную, личную, такъ сказать, книжность творца той или другой думы, тѣмъ болѣе, что на всѣхъ творцевъ думъ школа оказывала однородное вліяніе. Одно можно сказать съ полною увѣренностью, что сильнѣе выступаетъ этотъ актъ тамъ, гдѣ нѣтъ пѣсенныхъ мотивовъ. Таковы именно думы о Богданѣ Хмельницкомъ, какъ объ этомъ замѣтили мы выше. По всему видно, что это думы позднѣйшія, какъ по содержанію, такъ и по литературному складу, который началъ выработываться раньше, на почвѣ пересозданія пѣсеннаго матеріала.

Могла продолжаться и прежняя поэтическая техника, состоявшая подъ вліяніемъ пѣсенъ, но она не составляла уже господствующаго начала въ вѣкъ Богдана Хмельницкаго. Судя по яркому колориту думъ о немъ, видно, что онѣ слагались подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ событій, которыя глубоко врѣзывались въ народную память: между событіемъ и появленіемъ самихъ думъ не было посредствующихъ ступеней въ видѣ прозаическихъ сказаній или же пѣсенныхъ преданій. Вотъ почему онѣ почти свободны отъ анахронизмовъ и всякихъ несообразностей, присущихъ народному эпосу вслѣдствіе недостатка въ народномъ сознаніи исторической перспективы.

Можно полагать поэтому, что онѣ ближе стоятъ къ первоначальному тексту, чѣмъ думы болѣе ранняго періода, которыя долѣе обращались въ устахъ народа, поэтому и дошли до насъ въ большемъ количествѣ вариантовъ—сравнительно съ думами, изображающими дѣянія и подвиги Богдана Хмельницкаго. Впрочемъ, и въ думахъ давнихъ, менѣе сохранившихся печать первоначальнаго творчества, не затерялись, какъ мы видѣли, слѣды непосредственныхъ впечатлѣній жизни, доказывающіе, что не только творцы, но и пѣвцы думъ могли быть свидѣтелями и даже участниками въ боевой жизни козачества. Сохранилось извѣстіе отъ 1711 года, что на Запорожьи слѣпыхъ музыкантовъ принимали въ полковую службу и выдавали имъ

жалованье наравнѣ съ зрячими ¹⁾. Въ составъ этой полковой музыки могли попадать люди, одаренные искрой поэтическаго огня и въ то же время совмѣщавшіе въ себѣ книжное настроеніе съ народнымъ,—поэтому неудивительно, если тамъ же, въ запорожской Сѣчи, съ самаго основанія ея возникали мотивы многихъ думъ, изобиловавшіе реальнымъ содержаніемъ и, можетъ быть даже, воспроизведенные въ поэтической формѣ думъ, которыя разносились потомъ по всей Украинѣ, получая дальнѣйшую обработку въ полу-народной, полу-книжной средѣ, постоянно поддерживаемой шпиталами и народными шеолами.

¹⁾ Киевская Старина, 1892 г., Ноябрь, 296.

Замеченныя опечатки

Стран.	8	строки	2 снизу: 1848 г.,	след. читать:	1849 г.
"	"	9	"	"	"
"	"	10	"	"	"
"	"	11	"	"	"
"	"	12	"	"	"
"	"	35	"	"	"
"	"	84	"	"	"
"	"	103	"	"	"
"	"	115	"	"	"
"	"	116	"	"	"

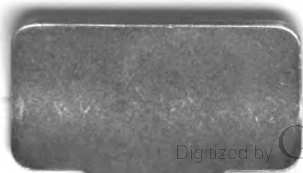

2017

**DO NOT REMOVE
SLIP FROM POCKET**

**HECKMAN
BINDERY INC.**
 MAY 84
N. MANCHESTER,
INDIANA 46962

3 0000 118 531 544